

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

8-9
1969

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ФАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ун учинчи йил нашри

8—9
1969

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания тринадцатый

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР А. М. АМИНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук М. А. АХУНОВА, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

В целях охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России, Совнарком постановил:

1. Произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины...

2. Взять на учет находящиеся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение...

Из Ленинского Декрета об охране памятников искусства и старины от 5 октября 1918 г.

И. М. МУМИНОВ

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ ТИМУРИДОВ

Международный симпозиум, посвященный изучению искусства Средней Азии эпохи Тимуридов, созван в знаменательное время, когда советский народ вместе со всем прогрессивным человечеством готовится к достойной встрече столетия со дня рождения основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина.

В. И. Ленин не только любил и ценил искусство, но глубоко и всесторонне определил его познавательное и воспитательное значение. Крылатыми стали слова В. И. Ленина: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувства, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их»¹.

Этим ленинским положениям созвучны мысли М. Горького о том, что «народ не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый во времени, красоте и гениальности творчества художник и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»².

Глубокую правоту этих положений В. И. Ленина и М. Горького можно проследить и по истории формирования и развития искусства народов Средней Азии, в том числе Самарканда XIV—XV вв. Например, в Самарканде были созданы в то время соборная мечеть и медресе Биби-Ханым, мечеть Кук-Сарай, ансамбль Шахи-Зинда, пригородные сады и дворцы: Баги-Чинар, Баги-Шамал, Баги-Дилькушо, Баги-Бехишт и др.

Строительные работы развернулись и в других районах Средней Азии. Так, были созданы поселение городского типа Ахангаран, каравансарай на торговых путях, мосты через реки Кухак (Зарафшан), Амударья и Сырдарья, новые ирригационные системы близ Ташкента, в Бухаре, Шахрисабзе, Фергане, Туркестане и т. д. К сооружению их, кроме местных мастеров — архитекторов и ремесленников (сохиби-хунар), привлекалось множество строителей, зодчих из завоеванных Тимуром стран.

Основным историческим условием развития искусства народов Средней Азии XIV—XV вв. была политическая консолидация ее на феодальной основе в государстве Амира Тимура и его потомков — Тимуридов.

Во второй половине XIV в. на время была ликвидирована феодальная раздробленность Мавераннахра, Ранее, как известно, феодальные

¹ В. И. Ленин о культуре и искусстве, М., 1956, стр. 520.

² М. Горький о литературе, М., 1961, стр. 20.

правители Бухары, Термеза, Бадахшана, Ходжента, Шаша (Ташкента) и других владений постоянно воевали друг с другом, сеяли смуту, приписывая неисчислимые страдания и бедствия населению страны.

Известное движение сарбадаров, сокрушившее попытку потомков Чингизхана укрепить свое господство в Средней Азии, дало мощный толчок развитию материальных и духовных сил народов Мавераннахра.

Конец XIV—XV в. в условиях Средней Азии — это период развития феодализма. Управлявшие страной крупные светские и духовные землевладельцы и связанные с ними военные аристократы вместе с богатыми купцами жестоко эксплуатировали широкие массы непосредственных производителей — крестьян и ремесленников. С крестьян, как отмечает в своих исследованиях А. Ю. Якубовский, они взимали налоги — харадж, подушную подать (джизья) и чрезвычайные налоги (аваризат). Крестьяне выполняли и личные трудовые повинности, ездили барщину, поставляли несложных животных (улаг) и т. д.

Хотя ремесленники в основной своей массе были юридически свободными и положение их по сравнению со временем господства Чингизидов относительно улучшилось, однако в конце XIV—XV в. они по-прежнему оставались объектом жесточайшего угнетения со стороны феодалов.

В книге О. Д. Чехович «Бухарские документы XIV в.» содержится богатый фактический материал, характеризующий условия социально-экономической жизни крестьянства на вакуфных землях. Правда, здесь речь идет о документах первой половины XIV в., но можно полагать, что эти же феодальные социально-экономические отношения сохранились и развивались дальше и во второй половине XIV—XV в. В частности, в одном из вакуфных документов упоминаются десять деревень и одно крупное селение (касаба), расположенное в юго-восточных окрестностях Бухары. Их пахотные земли, сады, оросительные каналы и прочная недвижимость, за исключением отдельных частных и вакуфных имений, в 1326—1334 гг. были обращены в вакф мавзолея и хонако Сайфиддина Бохарзи³.

Указанные и другие документы наглядно отражают историческую действительность той эпохи, — с одной стороны, разрушение и опустошение благоустроенных в свое время территорий, а с другой, — постепенное восстановление их хозяйства. Как отмечает О. Д. Чехович, к югу от Каршинских ворот Бухары вакфу Сайфиддина Бохарзи принадлежал целый район, площадью не менее 100 км². В 1326—1333 гг. к этому вакфу были присоединены земли деревень Кушки Осьё (Касри Осьё) и Косари, расположенные к северу от Бухары, приблизительно в 20 км, на канале Коши Акка, отведенном от Вабкентдарьи. В окрестностях Бухары в 1326 г. было много разрушенных замков, мечетей, жилищ, запущенных садов и виноградников.

В приводимых автором документах описание почти каждой деревни начинается с указания, что среди ее земель имеется высокий холм, а на нем разрушенные здания, следы былых крупных построек (сарайов) и жилых помещений (хонако). Все это — страшные результаты нашествия Чингиза и феодальных усобиц.

Вместе с тем исторические документы отражают и противоположный процесс — возрождение ранее опустошенных районов. Здесь закладывали новые сады, проводили каналы (например, канал, орошавший водами Форакана земли деревни Ушмюн). Как говорится в документе, земли которые «недавно были пустошью, ... теперь обработаны». Восстанавливалось земледелие и во владениях частных собственников, не входивших в вакф.

³ См. О. Д. Чехович. Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965, стр. 10.

В деревне Форақан один из садов, принадлежавших учредителю вакфа, был отдан некоему Мухаммеду Нахшеби, который насадил в нем фруктовые деревья и виноградник. Новый сад и молодой виноградник появились и в другом имении учредителя вакфа, где садоводом был Ахмед Ходжи бурьёбоф, а также в имении Эмира Дуладая, где виноградник разбил Ой-Тимур. В документе упоминаются также другие «вновь посаженные сады» и «вновь проведенный канал» (джуйи ки новбар кардаант), из которого орошались некоторые земли Ушмиюна. В источниках отмечается освоение пустошей и иными вакуфными учреждениями, например, вакфом бухарской соборной мечети, где некий Сайод насадил сад⁴.

Указанные документы характеризуют взаимоотношения между землевладельцами, музориями и кадиварами. В них описывается также положение рабов, купленных владельцами вакфа и объявленных свободными, но обязанными работать в качестве земледельцев.

Ценный материал содержит и работа Р. Г. Мукминовой⁵, освещающая формы эксплуатации крестьян крупными землевладельцами и вместе с тем показывающая рост торгово-рыночных отношений в Мавераннахре (правда, более позднего времени).

Одновременно с широким развитием внутреннего рынка росла торговля Мавераннахра со странами Востока (Индия, Китай, Иран и др.) и Запада (Византия, Франция, Англия). Всемирно известный «шелковый» торговый путь имел немаловажное значение в развитии производительных сил Средней Азии.

К этому времени относится и дальнейшее развитие Самарканда как политического, экономического, культурного и научного центра Мавераннахра.

Почему Самарканд, 2500-летие которого мы будем отмечать в 1970 г., стал столицей державы Тимуридов? Одни объясняют это тем, что Самарканд был первым крупным городом, которым овладел Тимур; другие считают, что правителям понравились климат и природа Самарканда; третьи полагают, что Самарканд привлек Тимуридов как город, откуда легендарный Афрасиаб правил страной Туран.

В каждом из этих предположений, очевидно, содержится доля истины, но основная, объективная причина заключается в благоприятном географическом расположении Самарканда. Находящийся в центре Мавераннахра город имеет богатые водные ресурсы, окружен с трех сторон горами и отличается хорошим климатом, складывающимся под влиянием трех воздушных течений — с гор, рек, а также с полей, лесов и лугов. Окрестные районы были богаты природными запасами строительных материалов и ценными цветными металлами, которые уже тогда могло использовать государство. Все это обусловило выбор Самарканда в качестве столицы государства Тимуридов.

Как заметил В. В. Бартольд, Самарканд, по замыслу Тимуридов, должен был стать первым городом мира. Неслучайно вокруг него были основаны селения, получившие названия по главным городам мусульманских стран — Багдад, Дамаск, Миср (Каир), Шираз, Султания.

О Самарканде писали еще историки и летописцы древней Греции. о нем слагали песни и газели многие поэты. Путешественники и ученые различных стран Востока и Запада восхищались им как средоточием художественной и научной мысли, чудесных памятников архитектуры, воздвигнутых руками народных умельцев, искусных зодчих, прекрасных строителей, запечатлевших на века гений родного народа.

⁴ О. Д. Чехович. Указ. соч., стр. 14—15.

⁵ Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме», Ташкент, 1966.

Конечно, и здесь есть своя логика, диалектика. Такие монументальные сооружения, как медресе, мавзолеи, мечети, хонаки, создавались по воле отдельных правителей — Тимуридов и предназначались для укрепления и возвеличивания их власти. Но в то же время это — плод трудовых усилий сотен и тысяч людей, воплощение творческого гения народных умельцев, многовекового строительного опыта, мастерства вышедших из народной гущи зодчих, талантливых представителей научно-технической мысли. Именно эта сторона вызывает у нас чувства гордости и восхищения замечательными творениями строительного искусства XIV—XV вв., поражающими нас совершенством форм, щедростью декора, богатством орнамента.

Феодал и крестьянин. Миниатюра XVI в.

Здесь уместно напомнить, что о сохранности лучших историко-архитектурных памятников Самарканда заботился великий Ленин. Узнав о неудовлетворительном состоянии этих всемирно известных памятников, В. И. Ленин предложил выделить необходимые средства для приведения их в порядок. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров РСФСР В. Д. Бонч-Бруевич писал в своих воспоминаниях: «Нельзя не отметить здесь и то, с каким особым вниманием отнесся В. И. Ленин к необходимости ремонта известной исторической мечети в Самарканде, этого изумительного достижения восточного искусства»⁶.

Ярким примером ленинской заботы Советского государства о памятниках старины явилось осуществленное впервые в мировой практике реставрационных работ выпрямление северо-восточного (1932 г.) и юго-восточного (1965 г.) минаретов медресе Улугбека в Самарканде.

Наряду с развитием архитектуры и изобразительного искусства в рассматриваемый период в условиях острой идейной борьбы с клерикальной, мистической литературой начинает формироваться и развиваться узбекская светская художественная литература, получают дальнейшее развитие таджикская литература, музыкальная культура народов Мавераннахра.

Во второй половине XIV — первой половине XV в. в Самарканде, Герате, Балхе жили и творили свои бессмертные произведения такие вы-

⁶ О Ленине. Воспоминания, рассказы, очерки, М., 1956, стр. 196—197.

дающиеся деятели художественной литературы, авторы превосходных стихотворений на узбекском и фарси-таджикском языке, как Атон, Сакоки, Лутфи, о которых с высоким пафосом и уважением говорил Алишер Навои. По словам Навои, именно с этого времени начинает быстро развиваться староузбекская художественная литература.

В мактабах того времени дети обучались не только теологии, но и грамоте и чтению, а келья медресе Самарканда, Бухары, Гиждувана были заполнены студентами, проходившими, кроме богословия, светские дисциплины — грамматику, литературу, математику, астрономию, геометрию и т. д. Нельзя не вспомнить в связи с этим примечательное изречение Улугбека, украшающее ворота его медресе в Бухаре: «Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и каждой мусульманки».

С 70-х годов XIV в. в Мавераннахре получает интенсивное развитие музыка, как народная, так и классическая, а вместе с нею идет рост народного сценического искусства.

Культурные сокровища, созданные гением каждой нации, содействуют духовному обогащению всех народов, развитию и сближению их культур.

Видные исследователи истории среднеазиатского искусства Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель в своих трудах показали, что именно в конце XIV — начале XV в. в Мавераннахре, в частности в Самарканде, на основе развития художественной мысли Среднего и Ближнего Востока возникло новое синтезированное искусство, воплотившее в себе оригинальную самобытную культуру страны. Они отмечают, что с конца XIV в., по мере того, как Мавераннахр становится главным центром творческих сил Ближнего и Среднего Востока, возникает новое направление в искусстве. Это отчетливо сознавали даже современники. Ибн Араб-Шах, например, повествуя о загородных дворцах Тимура, прямо указывает, что «они воздвигнуты были в новом стиле»⁷.

Поиски новых выразительных средств архитектуры нашли свое отражение и в полихромном декоре, достигшем к тому времени невиданного на всем Востоке великолепия.

В области среднеазиатской живописи XIV—XV вв. наблюдается тенденция к использованию наряду с традиционными литературными сюжетами новой тематики, тяготение к многообразию жанров, совершенствованию мастерства рисунка, композиции и т. д.

Высокого уровня достигли в XV в. декоративно-художественные ремесла, развивавшиеся в органической взаимосвязи с архитектурой, живописью, прикладным искусством. Это наглядно проявляется и в резьбе по дереву и камню, и в ковроткачестве, и в оформлении рукописной книги, и в лучших образцах керамической и металлической посуды.

Известный знаток и тонкий ценитель музыки народов Средней Азии Абдурахман Джами, развивая взгляды Абу Насра Фараби (X в.) и ал-Хусейни (XV в.) на музыку, говорил о макамах, что каждый из них обладает особым воздействием на слушателей, помимо общего свойства — доставлять людям усладу. Джами отмечал, например, что ушак, нава и бусурик возбуждают силу и храбрость; раст, ирак — веселье и радость; бузрук, зераф-ганд, рахави, зангуле — печаль и гордость; ходжази и хусейн — восторг и радость, смешанные с печалью и тоской.

Исполнители, писал Джами, должны учесть это своеобразие макамов и брать для каждого из них соответствующие стихи, чтобы общее воздействие музыки и стихов на слушателей оказалось наиболее действенным.

⁷ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины двенадцатого века, М., 1965, стр. 309.

Мы считаем уместным вспомнить здесь о достойных преемниках драгоценных традиций музыкального искусства народов Средней Азии, прекрасных исполнителях макамов Хафизе Мулле Туйчи, народных певцах Домулле Халиме Ибодове, Абдулазизе Расулеве, Левии, Шерози, воспитавших целую плеяду деятелей советского музыкального искусства, таких как Халима Насырова, Ханифа Мавлянова, Шохназар Сохибов, Юнус Раджаби, Бобокул Файзуллаев, Ахмад Бобокулов, Гавриил Муллоканов, Артыкходжа Имамходжаев, Баходыр Магруфходжаев и многие другие, которые умело и искусно обогащают и совершенствуют лучшие традиции классической и народной музыки, призванной служить источником радости и вдохновения для миллионов людей.

Музыкальное искусство Советского Узбекистана, обогащенное новыми жанрами (опера, балет, симфония), творчески воспринимает ценнейшие традиции классической и народной музыки, достижения русской и мировой музыкальной культуры.

Широкое развитие получили в наше время и богатые традиции народного сценического искусства. В Средней Азии еще в XIV—XV вв. сложились такие замечательные традиции, как зоча-кугирчоқ уйни (кукольные представления), выступления кизикчи масхоробоз (комики), аскиячи (острословы), дорвоз-уйни (канатоходцы), егоч-уйни (ходоки на ходулях), чинни-уйни (жонглеры с фарфоровыми чашками), тогора-уйни (танцоры с большими глиняными блюдами), моалокчи (акробаты) и других актеров различных жанров, которые несли свое искусство в массы, выступая на улицах, базарах, площадях.

Богатое наследие народных исполнителей внимательно изучается ныне в научных институтах, консерваториях, художественно-театральных и музыкальных училищах, оно обогащает национальными традициями современный, качественно новый репертуар театров, цирков и других зрелищных предприятий и наряду с традициями русского и мирового классического сценического искусства способствует развитию искусства народов Средней Азии.

Следует подчеркнуть, что достигшее в XIV—XV вв. высокого уровня развития искусство Средней Азии явилось ярким воплощением самобытного художественного творчества ее народов. Одновременно оно олицетворяли взаимосвязь и взаимовлияние культур народов соседних стран — Индии, Афганистана, Пакистана, Ирана и др. Следовательно, искусство в Средней Азии XIV—XV вв. формировалось и развивалось на столбовой дорожке мировой цивилизации. Народы Средней Азии внесли бесценный вклад в развитие общечеловеческой культуры.

В этой связи хотелось бы высказать некоторые соображения относительно имеющихся в литературе мнений о восточном Ренессансе, о высоком уровне экономики, культуры, науки и искусства Мавераннахра XV в. Отдельные авторы сравнивают этот период в культурной жизни Средней Азии с эпохой Возрождения в странах Западной Европы, прежде всего в Италии. Это сравнение в известной мере оправданно, однако следует учесть, что эпоха Ренессанса в странах Западной Европы началась со второй половины XV в., когда усиливалась королевская власть, начали зарождаться и развиваться буржуазные отношения, происходили великие крестьянские восстания, наносившие удар за ударом по феодально-крепостническим средневековым отношениям, росли ремесла, торговля, появились печатный станок, совершались великие географические открытия — открытие Америки, морского пути в Индию и т. д.

Вот как охарактеризовал эпоху Ренессанса Ф. Энгельс в своем классическом труде «Диалектика природы»: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по си-

Строительные работы. Миниатюра XV в.

ле мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики. Альбрехт Дюрер был живописцем, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе некоторые идеи, которые много позднее были вновь подхвачены Монталамбером и новейшим немецким учением о фортификации. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени. Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того проникнутого уверенностью в победе хора, который стал «Марсельезой» XVI века. Герои того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее однобокость, влияние которого мы так часто наблюдаем у их преемников. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением; это или люди второго и третьего ранга, или благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы»⁸.

В Средней Азии того времени, в отличие от Западной Европы, не наблюдалось еще зарождение и развитие капитализма. Здесь подъем культуры и искусства происходил на почве социально-экономической жизни развитого феодализма. Именно в этих условиях появились такие гиганты научной и художественной мысли, как Мухаммад Улугбек и Али Кушчи, Абдурахман Джами и Алишер Навои, Бехзад и Султан Али, Бабур и многие другие.

И еще один существенный момент. Искусство Мавераннахра второй половины XIV—XV в. вобрало в себя лучшие достижения отечественной художественной мысли и техники, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Вспомним изумительные образцы гончарного дела — вазы, обнаруженные при раскопках близ Термеза и относящиеся к III тыс. до н. э., вазы середины I тыс. до н. э. с Афрасиаба. Они сделаны с таким неподражаемым мастерством, что, кажется, несут нам отзыв давно минувших эпох. Сколько труда, самобытного и оригинального понимания прекрасного вложено в них умелыми руками, наблюдательным и пытливым умом предков узбекского, таджикского, туркменского, казахского, киргизского и каракалпакского народов!

Удивления и восторга достойна художественная настенная роспись VI—VII вв. н. э. с изображениями людей, фауны и флоры родной страны, обнаруженная археологами АН УзССР на Афрасиабе и ныне хранящаяся в фондах Афрасиабской экспедиции.

Мавзолей Исмаила Самани в Бухаре, построенный в X в., и по сей день остается прекрасным творением архитектуры, привлекающим внимание своей кажущейся простотой и точным расчетом. Величавы и мо-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 346—347.

нументальны минарет Каляя в Бухаре, минареты Вабкента и Джаркур-гана — чудесные свидетели взлета научной и художественной мысли, изумительного таланта славных мастеров, выходцев из народа, таких как Устод Бако и др.

Все эти памятники, пережившие бурные и смутные времена различных царей и царьков, господства реакционных сил, служили и служат образцом прогрессивного зодчества, смелой технической и научной мысли. Они-то и стали той основой, на которой получило дальнейшее развитие искусство народов Средней Азии конца XIV—XV в.

Искусство в художественных образах отражает реальную действительность, социальные отношения данной эпохи. Взять, например, известную миниатюру, где феодал изображен сидящим верхом на коне, а крестьянин — на коленях перед ним. Разве это не яркое и наглядное отображение социальных отношений феодальной эпохи? Ее контрасты — роскошь знати и нищета трудового народа — изображены предельно точно, предметно и тонко.

В миниатюре Бехзада, изображающей строительные работы, не только запечатлены производственный процесс и его участники — зодчий, прораб, рабочие, но и убедительно раскрыта картина подневольного труда. Столь же впечатляющи миниатюры, рисующие сцены из жизни и быта XV в. — игру в травяной хоккей, верховую стрельбу из лука. Все это правдиво и реалистично отображает социально-экономические отношения и быт феодальной Мавераннахра эпохи Тимура и Тимуридов.

Следует еще раз подчеркнуть, что в самобытное искусство Мавераннахра того времени гармонически и органически вошли лучшие завоевания художественной, технической, научной мысли народов Индии, Афганистана, Ирана, Аравии и других стран, подобно тому как художественная, техническая и научная мысль Средней Азии оказывала плодотворное влияние на развитие искусства других народов.

Изучение искусства Мавераннахра XIV—XV вв. имеет большое историческое и познавательное значение. Оно служит и искусству нашего времени. Об этом свидетельствуют, например, такие современные сооружения, как Государственный Большой Академический театр им. Алишера Навои и другие строения, сочетающие традиции народного классического творчества и новые направления в строительном искусстве наших дней. Аналогичные явления наблюдаем мы и в изделиях текстильной, шелкоткацкой и других отраслей промышленности современного Узбекистана. Так искусство и техника далеких эпох служат современности. И здесь невольно вспоминаются ленинские слова о том, что прекрасное надо сохранять, взять как образец, исходить из него, даже если оно «старое».

Подлинно прекрасное в искусстве никогда не стареет: в новых условиях оно получает новое звучание, находит отклик в сознании и чувствах людей, доставляет им эстетическое наслаждение, вдохновляет на творческий созидательный труд во имя сотрудничества, дружбы и мира между народами, во имя прекрасного будущего.

Л. И. РЕМПЕЛЬ

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИСКУССТВА ЭПОХИ ТИМУРИДОВ****(На материалах миниатюрной живописи)**

В истории художественной культуры народов Востока XIV—XV вв. отмечены необычайным взлетом миниатюрной живописи. Развитие ее на Среднем Востоке простиралось и на два последующих столетия.

Возникшая на почве согдийских, хорезмийских, тохаристанских, древнеиранских, коптских, сирийских и других традиций домусульманского и раннемусульманского искусства средневековая миниатюра испытывает подъем вслед за общим возрождением искусств в послемонгольское время. Уже в конце XIII в. пробуждается миниатюра Мосула, Багдада (Ирак) и Тебриза (Иранский Азербайджан). В конце XIV — первой половине XV в. вспыхивает блестящий очаг миниатюры в древнем Ширазе (юг Ирана). Новые центры восточной миниатюры возникают в Хорасане и Средней Азии. Для XV в. школы Герата и, видимо, Самарканда — едва ли не самые передовые.

Миниатюрная живопись времени Тимуридов запечатлена в произведениях Абд ал-Хая, Пир-Ахмеда Баги-Шамали, Мавляны Халила Мирза Шахрухи, Мирек Наккаша, Камаледдина Бехзада, Шаха Музафара, Касем-Али, Ходжа Мухаммед Наккаша и многих других известных в свое время художников. Немало прекрасных миниатюр не сохранили имен своих авторов.

Известно, что после гибели Улугбека (1449) и перехода власти в Самарканде в руки реакции происходит отлив художников из Самарканда в Герат, а после разгрома Герата кызылбашами (1512) мастера из Герата уходят в Бухару. Здесь с новой силой возрождается старый очаг миниатюры, проницательно названный В. В. Стасовым «Туркестанским».

Исследователь восточной, особенно среднеазиатской, миниатюры Г. А. Пугаченкова показала неоспоримое наличие здесь в XVI в. двух течений: одного самобытного, следующего давним местным традициям, сурового, энергичного и правдивого стиля, другого — более изысканного, продолжавшего в лице Махмуда Музаххиба, Мухаммеда Чагры-Мухасина и других мастеров традиции Гератской школы¹. Это явление можно сравнить с положением в миниатюрной живописи Средней Европы в ту же пору, где также обрисовались два течения — общеренессансное и местное, более близкое к традиционному.

¹ Г. А. Пугаченкова. Миниатюры «Фатх-наме» — хроники побед Шейбанихана из собрания Института по изучению восточных рукописей АН УзССР, Труды САГУ, вып. XI, Ташкент, 1950; ее же. По листам миниатюр. Известия АН УзССР, 1953, № 4; ее же. Бухарские миниатюры в списке Джами XVI в., Искусство, 1959, № 5; ее же. К проблеме школы среднеазиатских миниатюристов XVI—XVII вв., XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960; ее же. Раздел миниатюры в кн. «Искусство Афганистана», М., 1960; ее же. Раздел миниатюрной живописи в кн. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. История искусства Узбекистана, Ташкент, 1965.

Из синтеза указанных направлений возникло творчество такого изумительного мастера, как Мухаммед Мурад Самарканди с его знаменитыми голубыми или лиловыми лошадьми на фоне умбристо-зеленых или марганцево-черных холмов. Творчество этого блестящего представителя среднеазиатской школы XVI в. нашло свое продолжение уже на индийской почве, при дворе Акбара, где, кроме Мухаммед Мурада Самарканди, оказались Мухаммед Надир Самарканди, Давлет Мухаммед и другие выдающиеся миниатюристы. В самом Мавераннахре искусство миниатюры продолжало плодоносить и в первой половине XVII в., когда восточная миниатюра других школ стала терять чистоту стиля. Такая устойчивость старого очага миниатюр объясняется глубиной традиций и нераздельной связью миниатюры с другими видами современного ей искусства.

В пору своего расцвета все виды пространственных, пластических, изобразительных искусств, а также поэзия, музыка, танец взаимно дополняли друг друга, точнее сказать, каждое из искусств было синтетическим. Цементирующую роль играли общие художественные идеи века. Они побуждали все искусства к поискам целостного выражения, а цеховой строй способствовал самоопределению искусств и выработке правил и систем.

Было бы интересно проследить, как одни и те же идеи пронизывают теоретические трактаты о ритмах и рифмах, музыке и стихосложении, каллиграфии и орнаменте.

Уже не раз отмечалось, что многие образцы поэзии Навои напоминают по осязательности восприятия тончайшую игру линий и красок гератских художников. Золото осени, зелень весеннего дуга, серебро воды, мрамор стен — все это в устах Навои несет на себе отблеск той же манеры видеть, чувствовать, переживать, что присуща творениям художников-миниатюристов, как будто художник и поэт видят мир через одну и ту же призму. Их объединяют общий круг художественных идей, единая система их выражения, вытекающие из эстетического идеала эпохи.

Сущность эстетической системы, лежавшей в основе всех видов искусств Среднего Востока, заключалась в строгой соподчиненности ритмов и мелодий определенным сюжетам. Такой прочно укоренившейся системой в поэзии был аруз, а в музыке — макомы.

На протяжении веков основу поэтики составляла «наука о стихотворных фигурах», основу музыки — «наука о ритмических кругах» и ладовая система. Учение о двенадцати ритмических кругах-макомах ал-Хусейни (XV в.) изображает их графически, представляя каждый маком в виде круга, который разделен на части, соединенные хордами, обозначающими интервалы, слева направо.

В области архитектурного декора, декоративного искусства вообще бенаи, меъмары, серкары (строители, зодчие), машшаки (составители настенных узоров), наккаши (художники-орнаменталисты) создали единое учение об арабесках. Оно нашло свое отражение в трактатах ученых-математиков и альбомах чертежей (дафтарях), передававшихся мастерами из поколения в поколение. Учение об арабесках (гирях и ислими) опиралось на четкую разработанную систему построения правильных геометрических фигур и комбинации производных от них форм.

Дервиш-Али, проводя аналогию между поэтикой и музыкой, отмечал, что «в музыке есть такие же размеры (мизан), какные существуют и в поэзии»; в ней господствуют комбинации основных размеров с добавлением производных от них форм. То же следует сказать и о принципах построения геометрического и растительного орнамента, где царит строгая система целых частей и производных элементов.

Шесть почерков: сульс, насх, мухакках, рейхан, тауки, рика — покоятся на единой системе, которую Якут сформулировал так: основы (усул) и связь (таркиб), параллельность (курси) и соотношение (насбат), подъем (сууд) и ташмир, спуск (нузул) и ирсал; соблюдение этой системы составляло основу общей гармонии каллиграфии как искусства.

Некоторые общие закономерности распространялись на формы стихосложения, систему ладов, гамм, звукорядов, декоративное искусство эпохи в целом.

Занятия в мактабе. Миниатюра XVI в.

Между музыкой, орнаментом и цветовой палитрой устанавливалась определенная связь, которая получала символическое значение. Так, макамы исполнялись на фоне сменяющихся по ходу исполнения занавесей: «ирак» (название макома) — белой, «бузрук» — красной, «ушшак» и «рост» — темно-желтой. По записям одного из исследователей узбекской классической музыки, «рост» вообще соответствует красному цвету, «ирак» — бирюзовому, «бузрук» — золотистому, «наво» — цвету сандала или серому, «чергох» — белому. Высказывались даже предположения, что в цветах мозаик и майолик на памятниках эпохи Тимуридов отражены определенные аккорды и хроматические сочетания (В. А. Успенский).

Зашифровки музыкальных фраз цветом мозаик, конечно, не было. Но строй художественных образов в архитектуре, поэзии, музыке и изобразительном искусстве эпохи был в общем единым.

Однако роль «систем» или выработанных системой канонов не следует преувеличивать. Ни одно из искусств не исчерпывалось системой. Так, макамы — это не только система ритмических кругов, но и определенные мелодии, и определенный цикл музыкальных произведений. Система ритмических кругов дополнялась ладовой системой. Каноны были в ритмическом строе, но они не распространялись на весь строй образов. Существовали, конечно, излюбленные музыкальные образы и фра-

зы; они следовали законам жанра и разнообразились в соответствии со вкусом, талантом и дарованием исполнителя.

В каллиграфии индивидуальная манера мастера ставилась так же высоко, как и оригинальность исполнения в живописи. Вызывало восхищение, что мастер Низам из Бухары, владевший «семью почерками», писал пальцем лучше, чем тростниковым пером. Мастерство каллиграфа опиралось не на одно лишь знание «системы». Выдающиеся каллиграфы изучали начертательную геометрию, математику, космографию и эпистолярное искусство (искусство «украшительных выражений»), что и позволило им выработать подлинную культуру письма.

Как всякое живое творчество, изобразительное искусство не укладывалось в систему, хотя и учитывало ее наставления.

Соображения религиозного благочестия и запреты ислама не играли здесь значительной роли. Запреты ислама были способны ограничить распространение живописи («животного каляма») и вообще сюжетного искусства, но главное содержание и формы художественного мышления черпались из общих условий материальной и духовной жизни общества. Свое специфическое выражение они получали и в миниатюре.

Восточная миниатюра выросла как плод национальной жизни. Это позволило ей выработать собственную поэтическую форму, которая охватывала жизнь своей эпохи в обширном значении этого слова, охватывающего собой весь мир, физический и нравственный.

Восточной миниатюре не чужды противоречия. Она привержена идеалам гуманизма и вместе с тем не приемлет психологического реализма, склоняясь в общем к узорности линий и красок. Она, как муар, переливается всеми цветами радуги, сложными едва условными оттенками мысли, вкуса, настроения, которыми захвачен художник.

Пробуждение индивидуальности сказывалось в форме лирических отступлений художника от сюжета литературного произведения, самоуглубления, особенно в портретах современников.

Портретам времени Навои посвящена небольшая работа А. А. Семенова². В ней он обращается к «физиономии человека» как зеркалу характера, страстей и душевных эмоций века.

Школа, стиль, манера художника казались А. А. Семенову чем-то посторонним, вносящим «то изысканность и манерность в портретной живописи или в портретном рисунке, то приторность и слащавость, то подлинный реализм, порой переходящий в грубость или сухость и т. п.» «Все эти стили и школы в портретной живописи, — писал он, — не могут приуменьшить значения портрета как известного носителя духа того класса, к которому принадлежал оригинал»³.

Сейчас, мы сказали бы другое: вне школ и стилей нет искусства. Отнимите у произведения искусства школу, стиль и манеру художника — и портрет перестанет выражать эпоху и самое себя. Ведь портрет — это духовное выражение личности в ее художественном истолковании. Школы и стиль могут приуменьшить «значение портрета как известного носителя духа того класса, к которому принадлежит оригинал», если пренебречь эстетической ценностью и свести значение портрета к физиономии как таковой.

В портрете Алишера Навои, писанном Махмудом Музаххибом⁴, А. А. Семенов со свойственной ему наблюдательностью отметил природную утонченность натуры, высокую интеллектуальность, тонкий скептицизм «с едва заметной сардонической усмешкой, при некоторой до-

² А. А. Семенов. Портреты эпохи Навои, Ташкент, 1940.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Портрет Алишера Навои был написан Махмудом Музаххибом, как известно, в середине XVI в., быть может, по образцу одного из портретов работы Бехзада.

ле высокомерия. Видимо, декоративная, заведомо условная манера письма не помешала выражению психологических черт натуры, факт — сам по себе для европейской живописи круга Мемлинга, Дюрера, Гольбейна невозможный. Под рукой Махмуда Музаххиба плоская фигура Алишера получает островыразительный, почти гротескный силуэт; живописная же трактовка лица донельзя сдержанна. Здесь нет света и тени, но моделируется голова и складчатый тюрбан. И все же линия и цвет прекрасно передают знакомый облик и то, почти неуловимое, ищущее движение глаз, в котором читается вся жизнь мудреца-поэта. Во всем этом проявляется стиль миниатюры, манера, поднятая до высот ясно выраженного эстетического идеала.

Портрет Шах Гариб-Мирзы (автор неизвестен) рисует «жуткий тип дегенеративного эстета». Внешне безобразным рисовал этого принца и Бабур, отмечая, однако, что он был хорошего характера и речь его была приятна. Портрет Шах Гариб-Мирзы поразителен своей философской трактовкой физического уродства. Художественная правда призвана выразить смысл жизни, а не ее гримасы. И в портрете безобразного принца художника привлекает эта правда. Портрет лаконичен в штрихе и напряжен в образе. Линии фигуры плавны, их спокойное, округлое течение легко омывает корпус, задерживается на руке и лице принца. Плоские губы, срез подбородка, вялый жест руки — все это как бы следует невысказанной мысли. В этом — реализм миниатюры. Она не отворачивается от безобразного, но, говоря словами Мухаммеда Юсуфа Муниши, «успокаивает дух».

Из двух портретов геракских дервишей особенно примечателен дервиш в голубом халате (миниатюра конца XV в.). А. А. Семеновым уже отмечалась разница в головных уборах — у одного он на манер поздней казахской шапки, у другого — в виде шлема. Заметим и то, что один портрет линейно сух, другой живописен. Иллюстративности одного противостоит содержательность другого. Голубой халат вытянутым овалом охватывает фигуру дервиша, поджавшего под себя ноги. Великолепна композиция: кисти рук скрыты, длинные узкие рукава халата беспомощно свисают с плеча и колена наземь, голова ушла по брови в тулью шапки, а борода прячется в складках одежды. Здесь каждая линия напряжена. Отсутствие пластики живого тела компенсируется гармонией тонов. Музыкальность линий, красок и форм придает этой миниатюре звучание мелодии. Она как напев без слов.

Портреты современников работы Кемаледдина Бехзада (1455—1536) стоят на голову выше работ многих его современников, но остаются в мире идей своей эпохи и среды.

Портрет Султан-Хусейн Мирзы — больше иллюстрация к «Запискам Бабура». Здесь линия рисунка достигает невиданного на Востоке пластического эффекта. С каким свободным артистизмом рисует Бехзад мелкие черты одутловатого лица, с какой небрежной легкостью набрасывает на плечи светского щеголя кружево узора!

В портрете поэта Абдуллы Хатефи отмечается недостаточная выразительность черт поэта, компенсируемая жестом руки. Но жест этот играет вспомогательную роль. Главное достоинство этого превосходного творения Бехзада — лицо поэта, в нем читается движение души.

Властолюбивый Шейбани-хан — программное произведение Бехзада. Мастерски сложена композиция. Две плоскости: пунцово-красная и светлой зелени — членят поле листа на две части. За спиной грузного хана, сидящего поджав маленькие ноги, большой черный овал подушки; недвижный взгляд маленьких глаз сверлит пространство. Объем тела вписан в плоскость фона строго и гармонично. Ни тени подобострастия и прикрас. Здесь Бехзад выступает в роли историка, запечатлевшего не

роскошь, не богатство, не мощь просвещенного главы узбеков, а человека, в котором художник увидел время, характер, личность.

Спортивные игры. Миниатюра XV в.

В искусстве портрета язык миниатюр Бехзада отвечал условиям жизни Средней Азии, традициям ее культуры с такой же полнотой, с какой язык живописи Возрождения отвечал жизни итальянского общества той же эпохи, а в Средней Европе язык миниатюр и роспись алтарей отвечали жизни Бургундии и Нидерландов XV—XVI вв.

Миниатюра Среднего Востока XIV—XV вв. говорит о пристальном внимании художника феодального торгово-ремесленного города к занимательному рассказу, созерцанию костюмов, к сценам состязания, любовным историям и ситуациям. В миниатюре фабулы городской жизни впервые обрели всенародный характер.

Миниатюра этой эпохи рисует образы, наиболее близкие литературе, увековечивает их в формах и представлениях своего времени. Благодаря миниатюрам литературные произведения находили не только читателя, но и зрителя.

Миниатюра, как и прикладное искусство эпохи Тимуридов, — результат большой, многовековой шлифовки сюжетов и форм. Да и сами литературные и фольклорные произведения, из которых взяты многие темы, сюжеты, мотивы, были результатом их многократной поэтической интерпретации. Изобразительное искусство являло собой самый сокрушительный удар по религиозным догмам, какой только был доступен искусству. Подобно тому, как древние греки разрушали богов искусством ваятеля («молотком Гефеста»), так и средневековый художник, утверждая человеческие образы и чувства, сокрушал богословское учение, признававшее единственным творцом и источником переживаний всемогущего бога. В Коране эпитет художника — «мусаввир», т. е. «формирующий, образующий, дающий форму», употреблен в отношении самого бога. Отсюда и вывод, сделанный в комментариях к Корану (хадисах): «Тот, кто делает образы (изображения) и картины — враг Господа». Каким же вызовом богословию было предисловие Хондемира (род. 1475 г.) к альбому миниатюр Бехзаде, где художник, способный наделять свои произведения жизнью, поставлен в один ряд с Богом-творцом!

Искусство миниатюры было страстным утверждением поэзии жизни. Радостное, светлое восприятие мира художником проявлялось с равным вдохновением в темах сказочно-героических, исторических, придворно-бытовых, почти жанровых. В нем мы видим решительный отказ от приземленного бытоописания, как недостойного искусства, вместе с тем глубокое, но чисто поэтическое, иногда в форме иносказаний, погружение в уклад жизни со стороны ее специальной, сословной яркости, пестроты и почти этнографически точной достоверности во всем, что касается правил и норм общественной жизни, прав и привилегий отдельных лиц и общественных групп.

В отличие от суфийской поэзии с ее иносказаниями, допускающими религиозный смысл, миниатюра дает открыто светское истолкование сюжетов — однозначное и прямое.

Суфизм возвел иносказание в метод, синтезирующий веру и красоту, религию и искусство. Но чем ярче иносказание, тем сильнее его реальное значение. Иносказание из форм выражения философской мысли стало средством возвышенной романтической поэзии, имеющей своей почвой уже не небо, а землю. Этим и романтическая поэзия утверждалась как одна из форм враждебного богословию искусства средневекового реализма.

Будучи искусством малых форм, миниатюра, как искусство синтетическое, решала задачи и монументальной живописи. Концентрация приемов, сложившихся в систему и вытекающих из общих духовных начал века, создавала неповторимый стиль. В нем проявлялось целостно выраженное философское, поэтическое, художественное мирозерцание.

Ритмы и колорит стали вторым содержанием миниатюры. Здесь возможно сравнение только с песней, у которой, кроме слов, есть мелодия, но как песня понятна и без слов, так и миниатюра способна про-

изводить глубочайшее впечатление даже на тех, кто, не зная текста рукописи, значения изображаемой сцены, воспринимает ее в целом.

В данном случае миниатюра проявляет качества и внеизобразительные. Этим она похожа на орнамент, который вообще стоит на грани изобразительных и неизобразительных задач, удовлетворяя те и другие. Но по существу орнамент использует фигурные мотивы как бы сверх программы или в порядке расширения сферы своего действия. Все натуралистически-повседневное противопоставлено восточной миниатюре, как и орнаменту.

Условность служит для миниатюры способом реалистического выражения художественных идей. Скажем, одутловатое лицо, на котором щелки глаз, нос, губы, лоб занимают всю верхнюю половину грушевидной головы, — это условное нарушение правил анатомии, но оно выражает образ. Психологические задачи, как правило, не выкристаллизовались в миниатюре в нечто самоценное. Только художники того же уровня, что и Бехзад (а многих ли можно насчитать в одном с ним ряду?), поднимались в портрете до уровня собственно психологической задачи. Когда же психологизм в миниатюре XVI в. пробивается наружу, то оказывается, что вершины искусства уже где-то позади.

Каждая миниатюра в сравнении с другими, написанная на ту же тему, раскрывает процессы, протекающие в глубинах сознания, а не на видимой всем поверхности. Она, как предмет духовного потребления, сама создает зрителя, воспитывает вкусы, на которые работают новые поколения художников.

Миниатюра удовлетворяла тщеславию аристократов, она продукт меценатства. Вместе с тем концентрация художественных ценностей, предметов искусства позволяла сопоставлять вещи, сравнивать их и оценивать, разбирать на маджлисах с участием лиц, представлявших высший авторитет в изящных искусствах. Миниатюра в этом отношении — продукт не только художника, но и общественного мнения, к которому художник прислушивался и на которое работал.

Миниатюра Среднего Востока эпохи Тимуридов — глубоко светское искусство. Она не была достоянием узкого круга аристократов. Вся поэзия века была достоянием горожан настолько, что истинные «аристократы духа» даже возмущались ее профанацией. Прославленные мастеравые, музыканты, каллиграфы, художники приобщались к духовной элите общества как на придворных маджлисах, так и на цеховых карнавалах. Народные зрелища по-своему отражали ту же радость бытия, какую видим мы в миниатюрах художников.

В основе искусства времени Тимуридов лежит средневековое мирозерцание. Под его влиянием складывались образы и формировались художественные идеи века. Однако у этого искусства было как дофеодалное содержание, так и идеи, намного опережавшие свою эпоху. Этим оно обязано гению ученых, таланту художников и мастеров.

По своему воздействию на современников и последующие поколения искусство времени Тимура и Тимуридов выходит далеко за свои хронологические рамки. Отражая реальность бытия своего века, оно выступает одним из важнейших звеньев в истории мировой культуры и искусства.

М. С. БУЛАТОВ

ЗОДЧИИ И ЭПОХА

За последние годы в своих капитальных трудах по истории архитектуры советские ученые показали всему миру высокую архитектурно-художественную культуру народов Средней Азии, позволяющую говорить не только о квалификации средневековых архитекторов, но и об их образованности, учености и общественном положении.

Общественное положение и мировоззрение зодчих Востока эпохи средневековья, в частности времени Тимура и Тимуридов, еще недостаточно изучены. Для уяснения этих вопросов обратимся к письменным источникам.

По Кей-Кавусу (выходец из саманидской аристократической среды), уstad (мастер), адиб (литератор) и мудрец занимали одинаковое общественное положение¹.

Выдающиеся поэты Носир Хисроу (1003—1088)², Сана'и (1080/81—1140/41), Са'ди (XXIII в.)³ отмечали достаточно высокое общественное положение зодчих того времени. В своей поэме «Хадика» Сана'и пишет:

От (физического) труда человек науки далек,
пример этому архитектор и поденщик.
Ученый-архитектор получает то
в один миг, что строитель в пять месяцев.
А строитель в два месяца накапливает то,
что подмастерье не увидит и за годы...
Оплата этого меньше оплаты того потому,
что этот работает телом, а тот мудр в душе⁴.

О высоком общественном положении зодчего свидетельствует и летописец Рашид-ад-дин (XIII в.)⁵.

По «Уложению Тимура» люди его окружения делились на 12 классов, причем архитекторы, отнесенные к 8-му классу, занимали промежуточное положение между везиром (министром) и летописцем⁶.

В средневековом строительном производстве принимали участие люди следующих профессий: архитектор (мемор), инженер (мухандис); мастер (усто), причем особо выдающихся мастеров называли *хурمند* (искусный мастер); подмастерье, ученик (шагирд); художник (нак-кош); каллиграф-крупнописец (кунданавис, машшок); каменотес, резчик по камню (сангторааш, ташторааш); кирпичник (гышткор); плотник

¹ Кей-Кавус. Кабус-наме, М., 1958, стр. 47.

² Носир Хисроу. Избранное, Сталинабад, 1949, стр. 174.

³ Шейх Муслех-эд-дин Са'ди. Бустан, М., 1935.

⁴ Цит. по: Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы, М., 1960, стр. 42.

⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, М.—Л., 1946, стр. 48.

⁶ Уложение Тимура, Ташкент, 1968, стр. 36.

(дуредгор, чубтораш); резчик по дереву (уймакор); резчик по ганчу (ганчор, ганчуймакор); штукатур (гилькор, андовачи); специалист по сталакитам (мукарнаси); специалист по герихам (герихкор усто); обжигатель керамики (хумданчи); глазурищик (сырчи); изготовитель форм для отливки архитектурных деталей из ганча (калыбчи); изготовитель глиняного раствора (лойчи); маляр, красильщик (буяучи).

А. М. Беленицкий на основе исследования «Казийских документов XVI в.» приходит к выводу, что для ремесла Самарканда XV—XVI вв. была характерна узкая специализация, а сами ремесленники объединялись в цеховые корпорации, отличные, однако, от западноевропейских⁷.

Некоторые зодчие и художники достигали высокого положения. Так, архитектор Кавам-ад-дин, создавший известные архитектурные ансамбли в Герате, сделал блестящую карьеру при дворе Шахруха⁸. Талантливый художник-миниатюрист Бехзад и целая плеяда его учеников, прославившие изобразительное искусство Среднего Востока, получили заслуженное признание современников и занимали видное общественное положение.

Хроники времени Тимура и Тимуридов уделяют особое внимание строительству крупных общественных зданий, планировке загородных садов-дворцов, работе зодчих, строителей и художников.

Интересные сведения черпаем мы из «Мальфузот-и-Амир Тимур». «Я приказал, — говорит Тимур, — привести придворных архитекторов и строителей, которые собрались из благословенного царства [моего]... Сообща они выработали план лужаек и аллей и занялись устройством сада, стен и того очень высокого дворца, который я приказал возвести в середине сада»⁹.

Далее, об устройстве сада Баг-и-Шамаль говорится: «...И повелел, чтобы они на бумаге нарисовали планы. Одобрив высокий план, я приказал, чтобы в хороший час zaloжили основание дворца...»¹⁰

Таким образом, во времена Тимура ответственные сооружения вводились по коллективно разрабатываемым и обсуждаемым проектам, которые после этого получали «высочайшее утверждение». Проекты XV в. не сохранились, но миниатюра Бехзада, изображающая одну изстроек в тимуровском Самарканде (иллюстрация к «Зафар-наме»), где один из персонажей держит в руке модель купольного здания, не оставляет сомнения в том, что проекты рисовались не только на бумаге, но представлялись и в виде объемной модели.

«Тарих-и-Хайрат» свидетельствует об определенной организованности строительного производства (в частности, при возведении дворца в саду Баг-и-Дилькуша)¹¹.

Разработка проекта строительства сопровождалась определением объема и стоимости строительных материалов и соответствующих работ. Чиновники, ведавшие строительством, в какой-то мере придерживались традиций, выработанных строительной практикой предшествующих эпох и изложенных в летописи Рашид-ад-дина. «Он [Газан-хан] назначил достойных доверия чиновников, честных и опытных писцов и умеющих составлять чертежи зодчих. Очень расчетливо определили все материалы, [их] стоимость и стоимость работы при таком их количестве, чтобы если производящие расчет с рабочими лица совершат преступле-

⁷ А. Н. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. КСИИМК. VI, М.—Л., 1940, стр. 43—45.

⁸ А. Ю. Якубовский. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, в соч. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 24.

⁹ А. Ю. Якубовский. Иранские мастера в Средней Азии. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1935, стр. 279.

¹⁰ Там же.

¹¹ А. Ю. Якубовский. Иранские мастера..., стр. 229.

ние, недостача и убытки ложились бы на них. Доверенные люди и оценщики постоянно считают уже использованные материалы и те, которые предназначены для работы, и, основываясь на этом, требуют отчета от каждого подотчетного лица. Все так твердо установлено, что если даже через сто лет захотели бы составить смету на них [постройки] и отпустить деньги, то пусть сопоставят расчеты битикчиев с материалами, которые израсходовали на работу, и немедленно истина отчетливо отделится от неправды, причем решительно [смета] не окажется ни ниже, ни выше. Никогда ни один доносчик не найдет возможности упрекнуть за работу тех чиновников и зодчих. При каждом деле назначены смотрители, чтобы не допускать применять в работе плохие материалы или убавлять известь и алебастр или применять к ним землю. Соблюдение такого порядка и предосторожности лежит на их обязанности. Затем еще — [поставку] всех древесных и железных материалов отдали в подряд по установленным ценам, так что сорта их были определены и утверждены»¹².

Из многочисленных арифметических задач, приводимых в «Книге о том, что необходимо знать чиновникам, писцам и деловым людям из арифметики» Абу-л-Вафа Бузджани (940—998), явствует, что труд работников строительных профессий оплачивался не повремено, а в соответствии с количеством выполненной работы, т. е. сдельно¹³.

Возможно, что та же система оплаты труда практиковалась и на стройках Тимуридов, о чем косвенно свидетельствуют Гиас-ад-дин Каши и Хондемир. Первый в архитектурной главе своего трактата «Ключ к арифметике» подробно излагает метод исчисления площадей поверхностей сложных сталактитовых комбинаций, арок, сводов, куполов и предлагает упрощенную табличную форму расчета, удобную для определения количества и стоимости отделочных работ¹⁴. Хондемир же в описании строительства дворца в Баг-и Загон отмечает, что «каждому платили по многократно большей ставке, чем обычно», т. е. против стоимости, установленной сметой, и эти дополнительные затраты расходовались «из специальных царских ассигнований»¹⁵.

В произведениях Джами и Навои посвящено немало страниц творчеству зодчего-художника, в частности проблеме свободного творчества, весьма актуальной в ту эпоху, когда царственные особы и знатные сановники широко вмешивались в творчество зодчих и художников, навязывая им свои вкусы.

Алишер Навои, выражая передовые взгляды своей эпохи, считал, что художественное творчество должно быть свободным. Поэт писал:

Пряди тобою семь дворцов Мани,
Немедленно их украшать начини.
Тебе не скажем: «так, мол, распиши».
Ты следуй влечениям души.
«Не делай так», — ненужные слова,
Не станем нарушать твои права,
Так распиши, как пожелаешь сам.

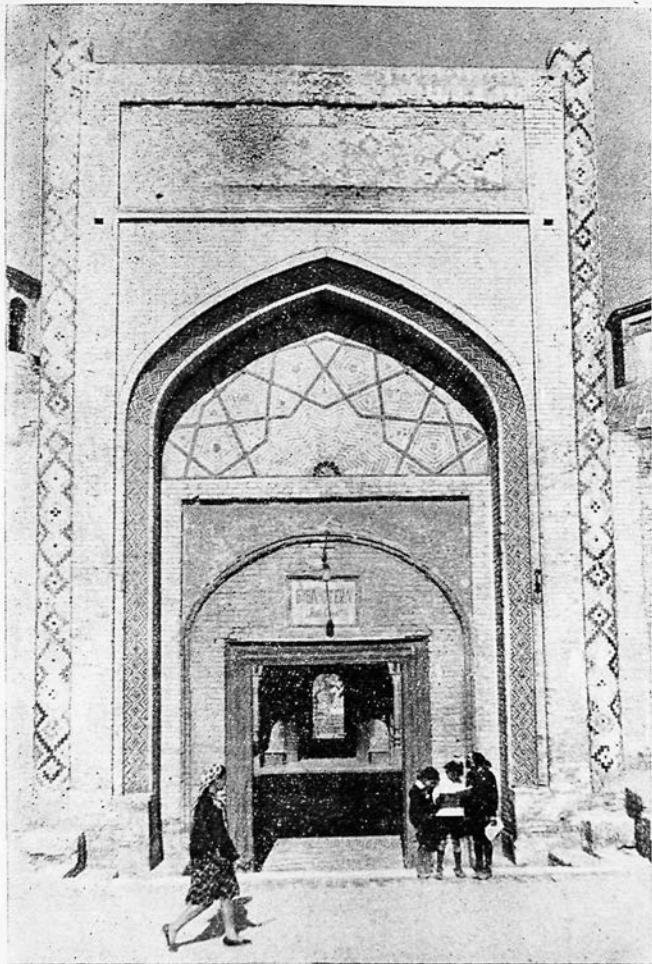
Сана'и (XI в.) видел в архитекторе человека творческого умственного труда, а в представлении Абдурахмана Джами (XV в.) — это высокообразованный человек, глубоко сведущий в науках:

¹² Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 225—226.

¹³ Абу-л-Вафа Бузджани. Книга о том, что необходимо знать чиновникам, писцам и деловым людям из арифметики, на арабском языке, Лейденская рукопись, № 103, стр. 80—81.

¹⁴ Дж. Г. Каши. Ключ к арифметике, в кн. «Историко-математические исследования», вып. III, М., 1951, стр. 202 и след.

¹⁵ SPA, II, стр. 1150—1151.

Здание медресе Улугбека в Бухаре.

Он все основы зодчества постиг,
Он вещей звезд пророчество постиг,
Он изучил законы Птоломея,
Евклид смущался, спорить с ним не смея¹⁶.

По Навои, зодчие — мудрые люди, овладевшие многими искусствами и науками:

Мудрец, который знанием богат,
На страже стал у следующих врат.
Перелистал он сотни древних книг,
Он тот, кто крепость шахскую воздвиг¹⁷.

Джами и Навои, как видим, наделяют выдающихся зодчих энциклопедической образованностью.

Между тем в научной литературе по истории архитектуры в прошлом сложилось мнение, восходящее к О. Шуази и Э. Месселю, якобы зодчие древности и средних веков не были математиками¹⁸. Полностью отрицалась и их энциклопедическая образованность¹⁹. Это утверждение, однако, противоречит даже древнегреческим и древнеримским источникам, в частности сообщениям Филона и Ветрувия. Математика носила практический характер на Среднем Востоке. Зодчие и мастера знали математику в объеме, позволяющем им успешно решать многие архитектурные задачи. Еще Фараби писал, что искусные геометрические приемы служат основой зодчества²⁰.

Представляется небезынтересной этимология слова «архитектор». На Западе оно происходит от греческого «старший строитель», а на

Востоке арабское **مهندس** — инженер, архитектор, вычислитель —

от **هندسة** — геометрия, инженерное дело, планировка, строительство. Это наглядно показывает, насколько деятельность архитектора в странах Востока была тесно связана с математикой, в частности с геометрией.

Создатели выдающихся произведений архитектуры эпохи Тимура и Тимуридов — подлинные гиганты мысли, обладавшие энциклопедической образованностью своего времени и высоким художественным мастерством.

Среди известных нам имен зодчих и орнаменталистов можно назвать, в частности, автора входных ворот комплекса мавзолея Гур-Эмир Мухаммада б. Махмуда Исфакхани, художника-орнаменталиста, работавшего над созданием мавзолея Туман-ака, Шейха б. Мухаммада хаджи Бендкори, строителя медресе Улугбека в Бухаре Исмаила б. Тахира Исфакхани и др.

В табл. I приведен перечень дошедших до нас имен наиболее известных среднеазиатских зодчих времени Тимура и Тимуридов²¹.

¹⁶ А. Джамии. Юсуф и Зулейха, Душанбе, 1964, стр. 160.

¹⁷ А. Навои. Семь планет, Ташкит, 1948, стр. 144.

¹⁸ Э. Мессель. Пропорции в античности и средние века, М., 1936, стр. 26.

¹⁹ Редакционная статья в кн.: Ветрувий. 10 книг об архитектуре, М., 1936, стр. 12.

²⁰ **احصاء العلوم الفارابي، الناشر دار الفكر العربي، القاهرة، 1950. стр. 88—90.**

²¹ См. Г. А. Пугаченкова. Мастера среднеазиатской архитектуры X—XVII вв., в сб. «Искусство зодчих Узбекистана», III, Ташкент, 1965, стр. 125—127.

Таблица 1

Имя мастера	Нисба (откуда родом)	Лакэб (профессиональное звание) или специальность	Памятник и его местонахождение	Дата
Фахри-Али	(Видимо, самаркандец)	Уста	Мавзолей Ходжа-Ахмада в ансамбле Шахи-Зинда (Самарканд)	Вторая половина XIV в.
Бареддин	(Видимо, самаркандец)			
Шамсуддин	(Видимо, самаркандец)		Мавзолей Шади-Мульака в ансамбле Шахи-Зинда (Самарканд)	1373
Зайнуддин бини Шамсуддин	Бухара			
Али	Несефи (т. е. из Карши)	Уста	Безмянный мавзолей в ансамбле Шахи-Зинда (Самарканд)	70—80-е годы XIV в.
Шихабуддин Ахмад Зардакаши		Специалист по разбивке садов	Сады Тимура в Самарканде	Конец XIV — начало XV в.
Шейх б. Мухаммед хаджи Бендкори	ал-Тугрази		Верхняя группа построек ансамбля Шахи-Зинда (Самарканд)	1405
Иса		(Резчик по дереву)	Две резные деревянные колонны в мечети в г. Туркестане	1470/71

Анализ построек архитектурных форм, созданных как местными зодчими, так и архитекторами — выходцами из других стран, не оставляет сомнений в том, что они прекрасно владели искусными геометрическими приемами — основой зодчества. Своими успехами они были обязаны общему подъему науки, культуры и искусства, обусловленному социально-экономическими факторами и определенной стабилизацией политической обстановки в государстве Тимура и Тимуридов.

Я. Г. ГУЛЯМОВ, И. АХРАРОВ

РАСКОПКИ МАВЗОЛЕЯ В ЯККАБАГЕ

Весной 1959 г. в колхозе им. К. Маркса Яккабагского района Сурхандарьинской области УзССР сельский бульдозерист во время полевых работ случайно обнаружил в земле остатки древнего сооружения из жженого кирпича. Поблизости были найдены фрагменты жженого кирпича и облицовочных глазурованных кирпичиков с голубой, синей и белой поливой. Учитель школы № 8 Яккабагского района И. Мешов сообщил о находке в Ташкент, и вскоре на место прибыл старший научный сотрудник Института истории и археологии АН УзССР Л. И. Альбаум. Он установил, что обнаруженный памятник представляет собой остатки мавзолея XIV—XV вв., облицованного некогда изразцами¹.

Осенью 1959 г. Махандарьинский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР провел археологические раскопки на упомянутом мавзолее².

Место обнаружения мавзолея расположено в 16—17 км к югу от Шахрисабза, по левую сторону шоссе на Термез, в 500 м от нее на восток, среди хлопковых полей. Район этот в археологическом отношении представляет определенный интерес. Поблизости выявлен ряд небольших всхолмлений — тепе. По рассказам старожилов, до освоения этой площади под хлопковые посевы таких тепе здесь было очень много. Осмотр хлопковых полей действительно выявил следы некогда интенсивного обживания территории. Об этом свидетельствуют и находки жженого кирпича, кусков майоликовых изразцов со следами позолоты, идентичных архитектурному декору медресе Мухаммад Султана в Самарканде³.

При раскопках мавзолея в первую очередь было решено вскрыть подземную часть сооружения, забитую мусором, лёссом, строительными остатками в виде фрагментов жженого кирпича, кусков алебаstra и гача, глазурованных кирпичиков из мозанчной облицовки стен. Вход в склеп обнаружен с южной стороны подземного купола (рис. 1). Он был завален строительным мусором и фрагментами жженых кирпичей и к тому же незадолго до начала работ затоплен водой.

Расчистка показала, что стены входа сложены из жженого кирпича (25,5×25,5×5 см) на ганчевом растворе. Сводчатый вход в помещение был отмечен выступающей от стены стрельчатой аркой из жженого кирпича (26×26×5 см), положенного на ребро на ганчевом растворе.

¹ См. Отчет Л. И. Альбаума в рукописном фонде Института истории и археологии АН УзССР.

² Раскопками руководил начальник экспедиции проф. Я. Г. Гулямов. В работе участвовали сотрудницы Института истории и археологии АН УзССР И. Ахраров и С. Рахимов, а также архитектор П. Захидов.

³ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент, Ташкент, 1961, стр. 39, рис. 146.

В замке арки вставлен большой кусок ганча (10 см толщиной) треугольной формы, от которого в обе стороны идет кирпичная кладка.

После очистки сводчатого входа (длиной 1,70 м) были начаты раскопки внутри помещения. Здесь обнаружено большое количество фрагментов мозаичных сталактитов на ганчевой основе и особенно много глазурованных кирпичей голубого, синего и белого цвета. При вскрытии помещения, вопреки ожиданиям, надгробного сооружения (сагана) не обнаружено. Однако еще весной 1959 г. колхозники извлекли из отверстия купола надгробный мраморный камень с арабской надписью.

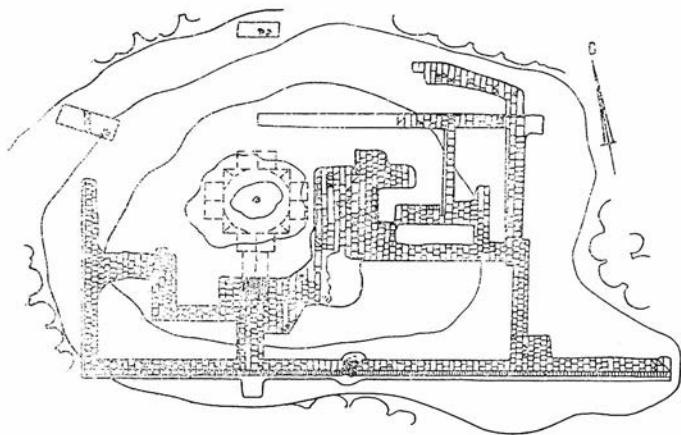

Рис. 1. Общий план раскопа мавзолея в Яккабаге.

Тщательный осмотр пола позволил обнаружить захоронение (рис. 2) в продолговато-овальной яме размером $1,80 \times 75$ см, глубиной 80 см. Скелет имел правильную ориентацию по отношению к плану помещения — головой на северо-восток, лицом на запад, под левое плечо, локоть и правое бедро аккуратно подложены обломки жженных кирпичей. Правая рука покойника, согнутая в локте, лежала на животе, левая вытянута вдоль тела, ноги вытянуты и сложены вместе. Череп хорошо сохранился, все зубы целы. С правой стороны покойника был захоронен младенец, от скелета которого сохранились лишь кости двух голеней. Он лежал в яме глубиной 25 см, усыпанной мелкой галькой с песком. Оба захоронения лишены сопровождающего материала.

Крестообразное в плане помещение склепа имело в каждой стороне по арке. Перекрытие заканчивалось куполом с диаметром основания 3,15 м. Стены помещения не оштукатурены. Строительным материалом служил жженный кирпич ($25,5 \times 25,5 \times 5,5$; $26 \times 26 \times 5$ см) на ганчевом растворе.

В ходе работ вскрыта довольно большая площадь наземной части мавзолея и прилегающей территории, где обнаружены остатки помещений с коридорами. Стены сооружений сохранились на высоту 50—60 см. Они сложены из жженого кирпича того же размера, что и склеп. Полы

также вымощены жженым кирпичом. На стенах помещений сохранились панели, богато украшенные глазурованными плитами. К югу от раскопа обнаружена дадана — оформление края возвышенного цоколя мавзолея кирпичами, поставленными на ребро. Длинной стороной она ориентирована на восток.

Таким образом, одновременно с мавзолеем были построены какие-то примыкающие к нему помещения, границы которых пока не установлены. Возможно, это был архитектурный комплекс, связанный с мавзолеем и требующий специального исследования.

Судя по большому количеству глазурованных кирпичей, фрагментов сталактитов и майоликовых плит в виде темно-зеленых шашек с золотыми узорами поверх глазури, стены мавзолея изнутри и извне были богато украшены глазурованными и майоликовыми плитами, из которых составлялись бордюры, украшавшие портал, а также облицовка входной арки мавзолея. Внешний купол был облицован голубыми глазурованными кирпичиками.

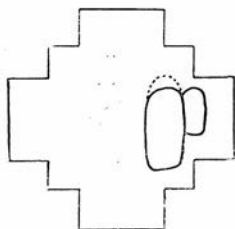

Рис. 2. Мавзолей в Яккабаге. План подземной части склепа и захоронения.

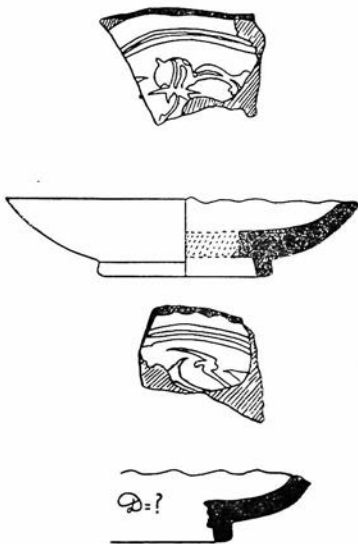

Рис. 3. Фрагменты керамики из мавзолея в Яккабаге.

В 200—250 м к востоку от раскопа обнаружены следы нескольких кирпичеобжигательных печей в сопровождении шлаков и большого количества жженных кирпичей.

Добытый при раскопках керамический материал очень беден. Это прежде всего несколько тонкостенных (4—5 мм) фрагментов посуды с двусторонней голубой поливой с беловатым оттенком, относящихся к XV в. Орнамент выполнен темно-синей краской, полива нанесена после гуваты — ангоба розово-красноватого цвета. Тесто черепка хорошей отмучки и обжига красно-кирпичного цвета. Встречены фрагменты керамики с поливой на внутренней поверхности сосудов. Это довольно большие чаши (касы) на кольцевом поддоне. Тесто черепка довольно хорошей отмучки, с ровными обжигами красноватого цвета. Внутри белая густая полива нанесена без предварительного ангобирования. На дне

чаш над поливой наносился растительный орнамент черной и синей краской, заключенный в круг, отмеченный голубой полоской размером в диаметр донца. Во фрагментарном состоянии встречается краснолощенная керамика кушанского типа. Найдено и несколько фрагментов стекла, не дающих форм.

Надгробие представляет собой мраморную прямоугольную плиту (60×25 см) и отличается очень скромной отделкой. Расшифровка Я. Г. Гулямовым надписи на плите позволила установить личность покойника. Это был некий эмир Мухаммад бин эмир Айюк, умерший в 1419 г., т. е. современник Тимура. Возможно, земля, на которой был построен мавзолей, принадлежала еще отцу эмира Мухаммада, либо последний получил здесь земельное пожалование в виде суюргала.

Известно, что в XIV в. на месте нынешнего Шахрисабза возник небольшой городок, который в 1378 г. был обнесен стеной и составил, таким образом, «хисар» Шахрисабза, т. е. его укрепленное городское ядро. Однако Шахрисабз нередко еще называли Кешем, хотя Кеш прекратил свое существование уже со времени монгольского нашествия. Тимур был выходцем из рода барласов, обитавшего в округе Шахрисабза. Одно время он хотел даже сделать этот город столицей своей империи. Здесь возводились крупные архитектурные сооружения — Ак-Сарай, ансамбль Дорус-Сионат, Дорут-Тиляват и др. Ко второй половине XIV в. относится возникновение обширной городской округи, т. е. мауза Шахрисабза, занимавшего, по сообщению Хафизы Аброя⁴, три фарсаха на три фарсаха, т. е. около 400 км². Вилайет назывался Кешским. Раскопанный нами мавзолей как раз и находился в пределах городской округи Шахрисабза.

Все это наталкивает нас на мысль о возможности существования здесь промежуточного селения по дороге Шахрисабз-Термез, принадлежавшего эмиру Мухаммаду бин Айюку.

Таким образом, данный мавзолей, возведенный на рубеже XIV—XV вв. (вопреки традициям того времени, за чертой города), представляет несомненный интерес как новый памятник времени Тимура. Дальнейшее изучение его может дать ценный материал, проливающий дополнительный свет на историю Шахрисабза и вообще сложения городских поселений того времени.

⁴ См. В. В. Бартольд. Хафизы Абрый и его сочинения, Сборник статей ученых В. Розена, СПб., 1897, стр. 21, прим. 2.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ТРИ ПОЗДНЕТИМУРИДСКИХ ПАМЯТНИКА
В ЗИАРАТГОХЕ БЛИЗ ГЕРАТА

На территории Афганистана сейчас имеется лишь считанное число архитектурных памятников второй половины XV — начала XVI в. — ничтожное в сравнении с тем, что было создано здесь на протяжении почти сорокалетнего царствования Султан-Хусейна Байкары. Но и эти, в большинстве своем первоклассные, сохранившиеся объекты монументального зодчества еще слабо изучены, а некоторые из них до сих пор вообще выпадали из поля зрения исследователей. С группой таких памятников нам довелось ознакомиться летом 1967 г. во время поездки по Балхской и Гератской провинциям, организованной по плану советско-афганского культурного сотрудничества Министерством информации и культуры Афганистана.

Большой интерес представляют, в частности, постройки в Зиаратгохе близ Герата¹. Первичное архитектурное изучение их нам удалось осуществить во время однодневного выезда в сопровождении научного сотрудника Кабульского музея Абдурауфа Вардака и директора Гератского музея и рукописехранилища Мамадали Аттара².

Зиаратгох, или Зиаратджой, — крупное селение примерно в 40 км к югу от Герата. Его название означает «Место зиарата» (т. е. поклонения святыне), «Лавра». Хондемир в перечне достопримечательных построек Герата и его округа упоминает две соборные мечети Зиаратгоха «из числа построек Великого Эмира, обладателя Счастливой звезды, положением равного Джемшиду» (т. е. Султан-Хусейна Байкары)³.

Время заката Тимуридской державы было полно глубоких противоречий: богатство и блеск Герата окупались обнищанием провинций, расцвет литературы и искусства соседствовал с дремучими суевериями, показное благочестие существовало с разнузданным развратом, а внешнее могущество государства подтачивалось изнутри неухающей борьбой удельных феодалов и династийными распрями самих Тимуридов⁴.

Мусульманское духовенство крепко держало бразды духовной власти, но в его среде шло острое соперничество между суннитской и шиитской группировками⁵. Вынужденные считаться с этим правители пытались равным вниманием по отношению к тем и другим установить некое равновесие. Как дань шиитской группе хорасанского духовенства, по

¹ رساله مرارات هرات — فارى ساجوقى стр 112—118.

² G. A. Pougatchenkova. Les monuments peu connues de l'architecture medievale de l'Afghanistan. „Afghanistan“, vol. XXI, Kabul, 1968, No. 1, p. 17—52.

³ А. М. Беленицкий. Историческая топография Герата XV в., в сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 201.

⁴ См. об этом: В. В. Бартольд. Мир-Али Шир и политическая жизнь, Сочинения, т. II, ч. 2, М.—Л., 1964.

⁵ А. Н. Болдырев. Зайнабдин Васифи, Сталинабад, 1957, 94 и след.

распоряжению Султан-Хусейна в 1480 г. в Мазари-Шерифе была «открыта» мнимая могила пророка Али, над которой в следующем году был возведен роскошный мавзолей⁶. Вместе с тем, очевидно в угоду влиятельным зиаратгохским ходжам-суннитам, в их родовом селении, служившем объектом паломничества к какой-то местной святыне, также возводятся группа монументальных сооружений, в надписях на которых подчеркнуто имя Султан-Хусейна Байкары.

В строительстве этих зданий несомненно принимали участие опытные гератские зодчие. Но, видимо, известная ограниченность средств вынуждала их быть очень бережливыми в использовании дорогостоящего изразцового декора, столь широко применявшегося в тимуридских сооружениях столицы. Однако в архитектуре, как известно, ограничения нередко лишь толкают творческую мысль на поиски новых выразительных средств, и памятники Зиаратгоха дают тому наглядное подтверждение.

Самый значительный из них — функционирующая доньяе соборная мечеть Масджиди-джума, или Масджиди-Зиаратгох (рис. 1). Мечеть возведена из жженого кирпича на ганчевом растворе; в ее оформление очень умеренно вкраплены изразцовые облицовки. План прямоуголен (80×67 м), оси ориентированы по странам света (рис. 2). Главный фасад обращен на восток, центр его выделен пештаком со сводчатой нишей, дверь из которой ведет в вестибюль (чартак) восьмигранного плана. На главной оси чартака — проход во двор, на поперечной — входы в закрытую часть мечети (с южной стороны) и в маленькое медресе (с северной). На угловых срезах восьмигранника устроены ниши, в одной из которых — ход к винтовой лестнице, ведущей на крышу.

Организуя центр в планировке мечети служит двор, почти квадратный (41,15×40,70 м), с бассейном для омовений. С западной стороны на главной оси лежит монументальный айван со стрельчатой аркой пролетом 12,25 м. Айван флакируют стройные круглые минареты с внутренними винтовыми лестницами. Их конически утоняющиеся стволы, высотой до 30 м перебиты сверху венцами (гульдаста), над которыми располагаются площадки для муэдзинов. Выше следуют вторые звенья с подобным же утонением кладки, вероятно, некогда завершенные гульдастой и куполком (кубба); ныне их верхушки обрушены.

В щипцовой стене порталной арки (примерно на $\frac{2}{3}$ от ее высоты) имеется вторая арка, над нею — обширное окно. Арка открыта в главный зал мечети с нишей михраба в щипцовой стене. Крестообразный зал сообщается арочными проходами с отсеками примыкающих справа и слева галерей.

На поперечной оси двора лежат глубокие сводчатые айваны, выделенные со стороны двора прямоугольными рамами порталов, а внутри соединенные арками. Галереи мечети с южной и северной стороны имеют два, а с западной — четыре пролета. Основаны они на прямоугольных столбах и перекрыты куполками на подпружных арках; размеры столбов и арочных пролетов несколько варьируют в зависимости от общей разбивки.

«Зимняя мечеть» в юго-восточном крыле здания представляет единое продолговатое помещение. Расположенное напротив медресе включает небольшой дворик, в северной части которого размещены три худжры, в южной — две, а две другие стороны замкнуты стенами, обработанными арочными нишками. И медресе, и «зимняя мечеть» подвергались позднейшим существенным переделкам. Во всяком случае, на снимке 1918 г., сделанном и опубликованном О. Нидермайером с анонимной

⁶ В. В. Бартольд. Мир-али Шир..., стр. 235—236.

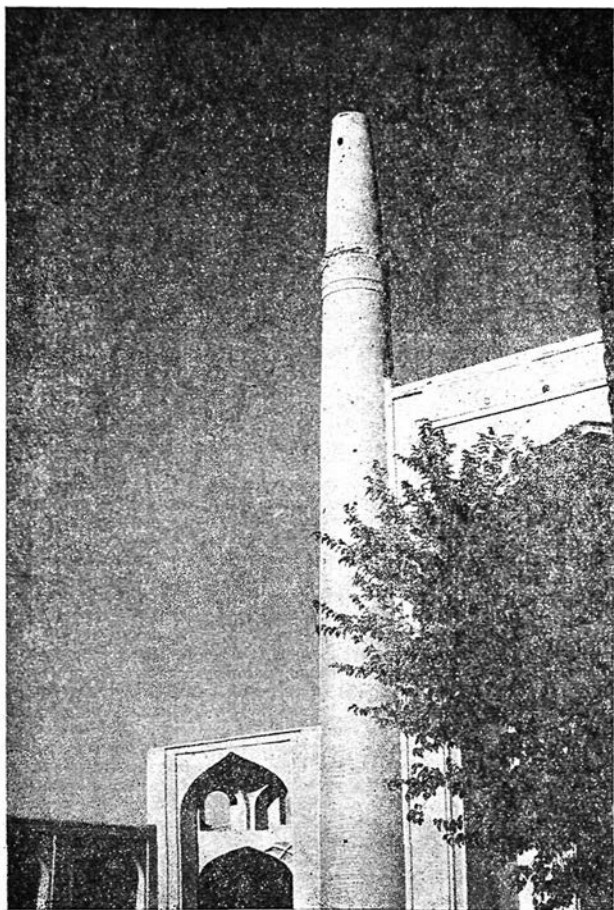

Рис. 1. Масджиди-джума в Зияратгохе близ Герата. Главный айван.

подпись «Место паломничества к югу от Герата» (в тексте памятник вообще не упоминается), явно видно, что арочно-купольные перекрытия «зимней мечети» были тогда полуразрушены⁷.

В медресе же обращает внимание отсутствие планировочной и конструктивной взаимосвязи в участке примыкания северных худжр к столбам галерей, а направление контуров прохода, ведущего из чартака во дворик, совершенно не соответствует геометрически строгой планировке здания. Все это указывает на какие-то позднейшие переделки восточной части Масджиди-Зиаратгох.

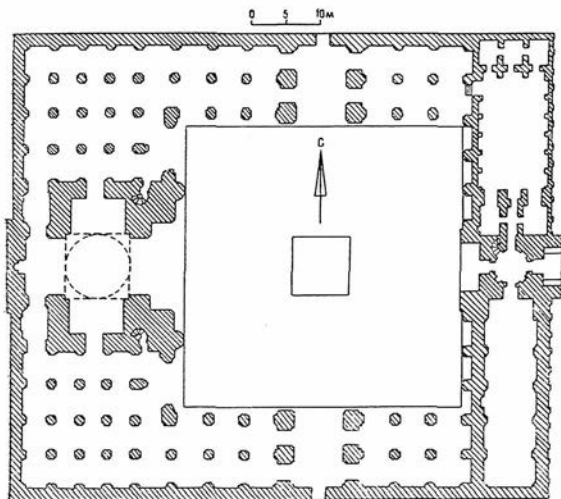

Рис. 2. Масджиди-джума. План.

Во внешнем и внутреннем оформлении мечети господствуют кладки жженого кирпича (сторона — 24—25 см, толщина — 5,5 см), сложенного на белом гульганче, с затиркой швов заподлицо с поверхностью самого кирпича. Прием этот выявляет конструктивные типы выкладки, подчеркивая горизонтальные ряды в кладке стен, кольцевые — в куполах, радиальные — в архивольтях арок, «елочные» — в системе щитовидных парусов и распалубок, в заполнении тимпанов боковых айванов и обращенных во двор арок галерей.

Сводчатые конструкции Масджиди-Зиаратгох весьма интересны. Они очень логичны, строго соответствуют характеру перекрываемых ими частей здания и, наряду с традиционными, проверенными многовековой строительной практикой типами, дают несколько новых, ранее не известных вариантов.

⁷ O. Niedermayer, Afghanistan, Leipzig, 1924, Abb. 165.

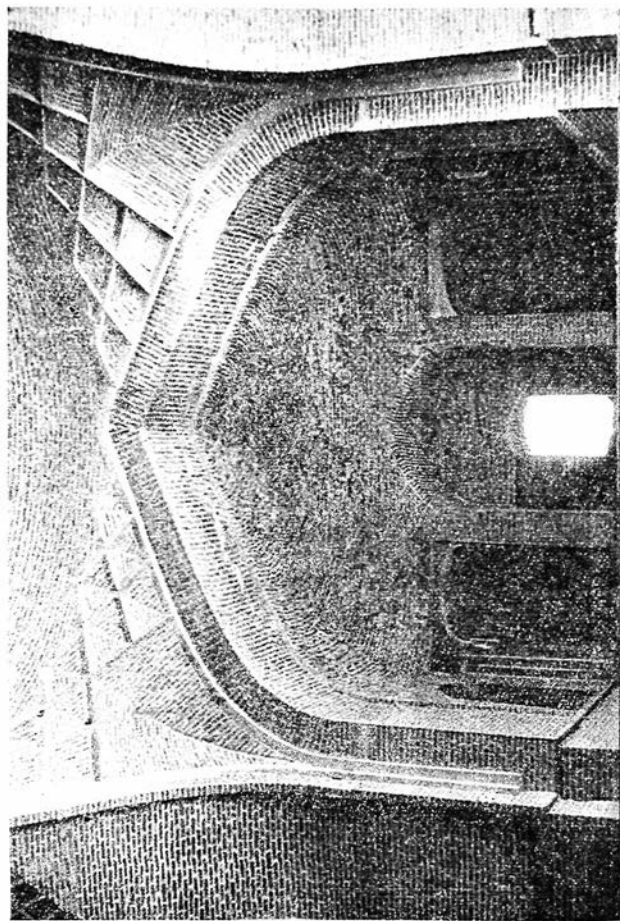

Рис. 3. Масжиди-джума. Перокригце главногo зала.

Наиболее традиционны перекрытия галерей с переброшенными между столбами стрельчатыми арками (кривая их — с невысокой стрелой подъема) и основанными на них отлогими куполками. Арки примерно на $\frac{1}{3}$ высоты от пят выложены радиальной кладкой кирпича, а далее — отрезками, паруса — кольцевыми рядами, куполки — по фигуре восьмиконечной звезды.

В главном здании мечети центральную часть перекрывает купол, основанный на четырех подпружных арках и на сетке шитовидных парусов, образующих 32-конечное основание купола (рис. 3). Лежащие на осях глубокие ниши выделены подпружными арками и завершены конховыми полукуполками на довольно архаичных по типу трюпах. Во вторых ярусах двух ниш на поперечной оси устроено по три лоджии.

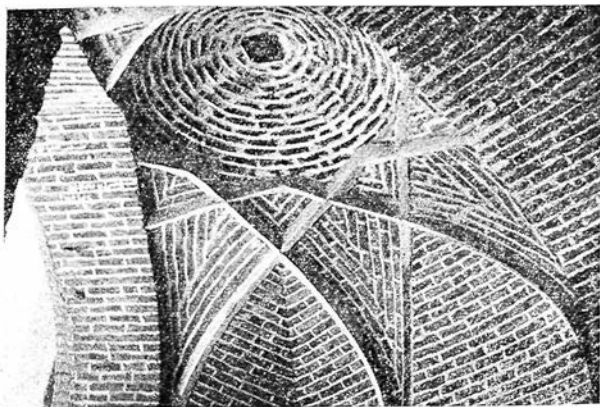

Рис. 4. Масджи-джума. Деталь перекрытия галерей.

Очень оригинальны сводчатые устройства в смежных с главным айваном нишах галерей, где в охвате единой арки дана двухъярусная система лоджий. В первом этаже две арки, переброшенные под углом 45° к фасаду, образуют при посредстве шитовидных парусов переход к двум десятигранным куполкам и к трапезневидному основанию лоджии второго яруса, перекрытой вспарушенными отсеками сомкнутого свода «елочной» кладки (рис. 4).

Архитектоника здания строится на последовательном нарастании разномасштабных арочных форм в охвате П-образных рам. На главном фасаде это порталный свод и настенные арочные нишки примыкающих к нему отрезков стен. В пространстве двора арки главного и боковых айванов, лоджий, галерей и нишек образуют как бы последовательный масштабный ряд. Характерно различие не только их размеров, но и начертания кривых, которые более стройны в айванах и более отлоги в арках галерей, ниш и окон.

В здании почти отсутствует декор — он введен скупыми акцентами сине-бело-голубых мозаик в тимпанах арочек на главном фасаде (мотив

растительных сплетений), широкой полосой мозаичной надписи в своде пештака. Надпись выполнена замысловатой вязью почерка сульс белыми буквами по синему фону, но в одном участке буквы желтые, под золоту. А. Вардак расшифровал здесь имя Султан-Хусейна Байкары и дату строительства, допускающую небольшое разночтение, — 889 (1485) или 887 (1482/3) г. х.

Тема дворовой четырехайванной мечети с обводными купольными галереями на столбах, входным пештаком и главным, перекрытым куполом зданием на оси сформировалась в зодчестве Среднего Востока уже в XII в. Ее эволюцию усматривают в слиянии арабской дворовой многоколонной мечети с чисто иранскими архитектурными формами сводчатых айванов и купольного чартака⁸.

Сохранившиеся памятники дают многочисленные варианты этой композиционной схемы, но хотя Масджиди-Зиаратгох также следует ей, прямого повтора даже среди хронологически близких мечетей она не имеет. Наиболее сходные параллели ее планировки дают мечеть в Верамине (1322—1326 гг.)⁹, мечеть Гаухар-Шад в Мешхеде (1405—1418 гг.)¹⁰ и мечеть Калян в Бухаре (1514 г., при более древней, тимуридской основе некоторых ее частей)¹¹. Эти мечети намного крупнее зиаратгохской, их галереи с прямоугольными столбами перекрывают сотни куполов, в оформлении изобилует богатый изразцовый декор, но планировочный принцип един.

Стилистически же наиболее близка к Масджиди-Зиаратгох бухарская мечеть Калян, причем их роднят именно те черты, которые знаменуют становление в монументальном зодчестве на рубеже XV—XVI вв. неких новых качеств. В бухарской архитектуре XVI в. основные творческие достижения, как известно, проявлялись в разработке новых типов сводчатых конструкций, которые определяли и появление совершенно новых типов архитектурных интерьеров. Но зарождение этих новых идей лежит в лоне эпохи Навои.

Масджиди-джума в Зиаратгохе дает тому еще одно подтверждение. Сводчатые системы этого памятника очень логичны и строго соответствуют характеру перекрываемых ими частей здания. Фактурное выделение конструктивных кладок, достигаемое затиркой ганчевых швов, выявляет строительный метод зодчего, определяя цельность технического и эстетического начала всего архитектурного замысла. В этом отношении Масджиди-Зиаратгох предвещает кирпичные сводчатые конструкции в галереях мечети Калян (1514 г.) и в вестибюле бухарского медресе Кукельташ (1568/69 г.).

В Зиаратгохе имеется другая мечеть — Чильсутун, или Масджиди Гульдастан-Чильсутун, в мозаичной надписи на михрабе которой сохранились имя Султан-Хусейна Байкары и несколько поврежденная дата — 915 (1510) или 919 (1513/14) г. х. Более вероятным представляется завершение этой постройки еще в 1510 г., причем не позднее конца этого года, когда Хорасан попал в руки Сефевидов, и фанатики-кизилбаши

⁸ A. Godard. Les anciennes mosquées de l'Iran. Athar-é-Iran, t. 1, fasc. II, Paris, 1937; е го же. Les anciennes mosquées de l'Iran. Иранское искусство и археология, III Международный Конгресс. Доклады, М.—Л., 1939; е го же. L'art de l'Iran, Paris, 1962, p. 335 и след.

⁹ D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran. The II Khanid Period, Princeton, 1955, p. 158—159, fig. 35, pls. 129—134.

¹⁰ A. Godard. L'Art de l'Iran, fig. 244.

¹¹ Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, рис. 28, стр. 80 и след.; К. С. Крюков. Новые данные о строительстве большой бухарской мечети, Строительство и архитектура Узбекистана, 1966, № 8, стр. 43 и след.

учинили в Герате кровавую бойню, убив прямо в соборной мечети Герата хафиза Зайнуddина, сына мавалаяна Шарафеддина из Зиаратгоха, и предав сожжению могилу Абдаррахмана Джамин¹². В этих условиях многие люди творческого труда вынуждены были бежать в другие страны, и вся сложившаяся обстановка никак не благоприятствовала строительству монументальных зданий. К 1510 г. Султан-Хусейна уже не было в живых, и Хорасан принадлежал Шейбанидам, но упоминание его имени в мечети можно объяснить приверженностью зиаратгохских ходжей к Тимуридам и надеждами на восстановление их политических позиций в Хорасане.

Мечеть Чильсутун стоит близ перекрестка улочек, в тени деревьев, у небольшого хауза. Ориентирована она по странам света, главным фасадом на восток, михрабные ниши ее соответственно смотрят на запад. Название в дословном переводе означает «Сорок колонн», «Сорокастолпная». Однако термином этим на Среднем Востоке обозначали вообще постройки, где архитектурно организующую роль играли колонны, число которых не обязательно равнялось сорока и планировка давала различные варианты их распределения. Бабур, например, упоминает самаркандский дворец Улугбека Чильсутун — двухэтажный, с угловыми башенками, айваны и залы которого были оформлены каменными колоннами — витыми и гранеными¹³. В Исфахане сохранился дворец Шах-Аббаса (XVII в.) Чильсутун, плоские перекрытия которого над залами и террасами покоятся на колоннах¹⁴. Таким образом, термин этот распространялся вообще на парадные, многоколонные здания с деревянными, каменными и кирпичными колоннами или столбами.

Мечеть Чильсутун в Зиаратгохе имеет две части — закрытую (зимнюю) и открытую (летнюю), соединенные четырьмя дверными проемами (рис. 5). Зимний отдел представляет собой прямоугольное помещение, первоначально с 12 столбами и 21 куполком (по семи в трех рядах); однако в результате разрушения южного отсека один пролет столбов и куполов отчленен ремонтной стеной. Летний отдел мечети (рис. 6) имеет вид продолговатого портика с 14 куполами и 16 столбами (по восьми в двух рядах). На западных стенах летней и зимней мечети в центре размещаются михрабы. Стены эти расчленены настенными арками, которые повторяют контуры переброшенных меж столбами несущих арок; в каждом пролете их вверху были устроены оконца, заполненные решетками (ланджара), ныне в большинстве своем заложеными.

Перекрытия мечети составляет система отлгих куполов, основанных на четырех арках и шитовидных парусах, образующих 16-конечный звездчатый контур. Кровля плоская, видимо, за счет устройства между куполами пазушных сводиков.

Материал постройки — жженный кирпич (24×24×5 см) на светлом ганчсвом растворе с затиркой швов, выделяющих направление кладок (горизонтальных в стенах и столбах, радиальных — в арках, елочных — в парусах). В облицовке же михрабных ниш между кирпичами вставлены голубые или синие кашинные полоски. Сам михраб облицован наборными резными мозаиками; нишу его П-образно охватывает лента надписи с белыми (почерком сульс) и желтыми (почерком куфи) буквами

¹² А. Н. Болдырев. Зайнадин Васафи, стр. 82 и след.

¹³ Бабур-наме. Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1958, стр. 61—62. В 1941 г. на территории Баги-Майдана были начаты раскопки (прерванные войной), при которых обнаружены фрагменты мраморных колонн — жгутообразных и круглых, принадлежавших, очевидно, Чильсутуну.

¹⁴ A. Godard. Athar-é-Iran, t. II, fasc. I, Paris, 1937, p. 116 и след.

на общем синем фоне, а тимпаны михрабной арки заполняет мелкий цветочный узор. Небольшие фрагменты аналогичного мозаичного декора видны и на михрабе зимней мечети. Здесь в одном из окон сохранилась деревянная панджара из оконтуренных голубыми кашинными полосками отесанных кирпичиков, образующих узор в виде сотов.

Техническое состояние портика сравнительно благополучно (хотя некоторые устои и арки его деформированы), в отличие от зимней мечети, арки и купола которой изборождены трещинами, столбы распухли и покосились. Памятник требует срочной реставрации.

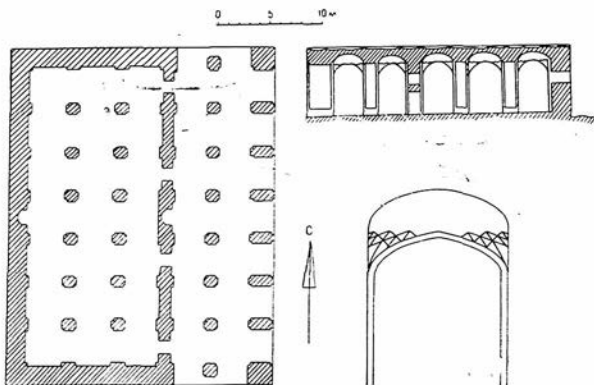

Рис. 5. Чильсутун. План и разрез.

Возможно, что Чильсутун — вторая из мечетей Зиаратгоха, упоминаемых Хондемиром, который (составляя по памяти свое описание спустя много лет после того, как он покинул Герат) ошибочно именует ее «соборной». Остатков какой-либо иной значительной мечети, кроме Масджиди-джума, в Зиаратгохе нет. Однако Чильсутун по своему типу — не столько соборная, т. е. пятничная (хотя в ней, разумеется, проходили и пятничные богослужения), сколько мечеть гузарная, т. е. квартальная, приходская, предназначенная для отправления каждодневных намазов жителями близлежащих кварталов.

Типология средневековых гузарных мечетей Хорасана и Мавераннахра почти неизвестна. Между тем в повседневной жизни восточных городов и селений они играли большую роль, нежели крупные мечети-джума, где основные моления проходили по пятницам и в дни мусульманских праздников.

В гузарных мечетях жители прилегающего района собирались ежедневно по пять раз в день, они служили главными идеологическими центрами квартальной общины, связанной узами родства, профессиональных интересов и социальной регламентации. В зависимости от имущественного положения общины гузарные мечети могли быть богатыми или скромными, но к сооружению их всегда привлекался опытный мастер (иногда не один), и потому они отражают наиболее типичные твор-

ческие тенденции своей эпохи. Это красноречиво засвидетельствовано многочисленными гузарными мечетями Средней Азии XIX—начала XX в.¹⁵

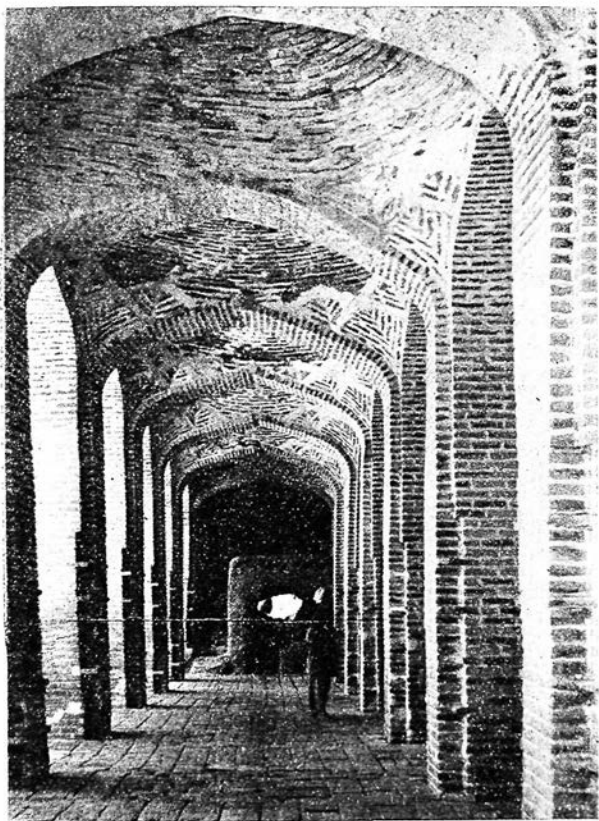

Рис. 6. Чильсутун. Летняя галерея.

Однако от предшествующих столетий гузарные мечети почти не дошли. Среди немногих памятников такого рода можно назвать мечеть Ба-

¹⁵ В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 53 и след.; П. Ш. Захидов. Самаркандская школа зодчих. XIX—начало XX века, Ташкент, 1965, стр. 59 и след.

лянд в Бухаре (начало XVI в.) с закрытой зимней частью, несущей богатый изразцовый и живописный декор и Г-образно схватывающий летний навес¹⁶. Но памятник этот с его деревянными колоннами и балочными перекрытиями принадлежит к иной архитектурной категории, нежели мечеть Чильсутун, выполненная в принципе многостолпной арочно-купольной системы.

Еще один памятник монументальной архитектуры сохранился на старом кладбище у Зиаратгоха, на каменистом склоне близлежащих гор. Это руины мавзолея Мулло-Калян, возведенного в правление Султан-Хусейна Байкары, имя которого выделено желтым в исполненной белыми буквами по синему фону мозаичной надписи на портале. Имя погребенного в мавзолее неизвестно; очевидно, это был влиятельный представитель местного духовенства, быть может, отличавшийся высокой ученостью («мулло» — образованный, главным образом в богословии, человек; «калян» — «великий»).

Рис. 7. Мулло-Калян. Общий вид.

Здание сильно разрушено, помещения первого этажа заполнены обвалами верхних кладок, так что план его в северо-западной части различим, от второго же этажа сохранились лишь отдельные участки внешних стен (рис. 7). Выстроено оно из жженого кирпича с фактурным выделением затертых ганчем швов. Интерьеры оштукатурены желтоватым ганчем, в центральном зале видны следы орнаментальных росписей.

Единственная деталь наружного декора — упомянутая мозаичная надпись в своде портала. Между тем общая композиция здания величественна и впечатляюща. Мавзолеем почти квадратен (19,70—20,90 м), включает центральный крестообразный высокий зал и размещенные в угловых участках худжры и лестничные клетки (рис. 8). Композицию двух сохранившихся фасадов формируют центральные сводчатые айваны, к которым примыкают двухъярусные лоджии, причем на западном

¹⁶ Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, стр. 83 и след.

фасаде они даны в обрамлении вытянутых настенных стрельчатых арок. Характерны системы купольных перекрытий, основанных на сетке шитовидных парусов и распалубок (рис. 9).

Композиция мавзолея Мулло-Калян очень типична для усыпальниц второй половины XV — начала XVI в. В архитектуре Средней Азии, наряду с одиночными мавзолеями центрально-купольной или портално-купольной композиции, типология которых была разработана еще в домонгольское время и сохранилась в XIII—XV вв., уже с XIV в. появляются комплексные сооружения, достигающие наибольшей сложности и грандиозности в период правления Тимура (Дорус-Сиадат в Шахрисабзе, мавзолей Ахмеда Яссави в Туркестане).

Типология же компактно распланированной усыпальницы, в которой главным элементом выступает квадратный, с нишами на осях зал, а в углах размещены

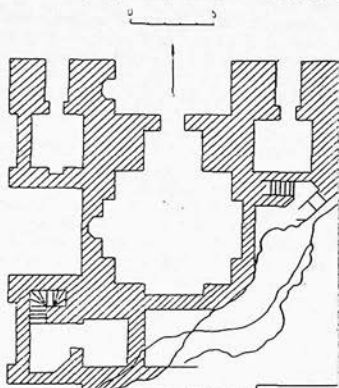

Рис. 8. Мулло-Калян. План.

Рис. 9. Мулло-Калян. Деталь перекрытия.

в один или два этажа подсобные комнатки, жилые худжры, лестницы, прослеживается на ряде среднеазиатских памятников, как мавзолеев

Казы-заде Руми (около 1437 г.)¹⁷, Ак-Сарай в Самарканде (70-е годы XV в.)¹⁸, мавзолей Юнуххана (около 1497)¹⁹ и Суюниджхана (1531/2 г.) в Ташкенте²⁰.

Общность их с Мулло-Қаляном заключается не только в планировке и объемной композиции, но и в архитектонике фасадов, которая строится на противопоставлении обширных порталных сводов и прилежащих отрезков стен, расчлененных двухъярусными лоджиями в системе сводчатых конструкций. Мавзолеей Мулло-Қаляна закономерно входит в этот ряд. Датировать его можно периодом между возведением обеих описанных мечетей Зиаратгоха, т. е. рубежом XV—XVI вв.

В Зиаратгохе имеется еще один интересный архитектурный памятник, который нам, к сожалению, удалось осмотреть лишь мельком. С виду это невзрачное, квадратное в плане, однокупольное здание, покрытое грубой глино-саманной обмазкой. Лишь на одном фасаде, в нише, видны следы первоначальной, тщательно затертой розовой штукатурки и сталактитов. Внутри — крестообразный зал с угловыми коморками. Сохранился великолепный плафон из армированного ганча с системой пересекающихся ребер-гуртов и шитовидных парусов, несущих звездчатый куполок; подобные же конховые полукуполки перекрывают ниши на осях. Судя по конструкциям, напоминающим перекрытия в мечети Анау (1456 г.)²¹, памятник этот также восходит ко второй половине XV в. Вероятно, это была небольшая ханака одной из суфийских сект, весьма влиятельных в эпоху Тимуридов.

Памятники Зиаратгоха восполняют некоторые недостающие звенья в цепи тимуридского архитектурного наследия, которому время нанесло немалые утраты. Художественная ценность их неоспорима, и в истории архитектуры Среднего Востока следует отнести им подобающее место.

¹⁷ В. А. Джахангиров и Б. Н. Засыпкин. Исследование мавзолей, приписываемого астроному Казы-заде Руми, в кн. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951, рис. 2.

¹⁸ Г. А. Пугаченкова. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои, Ташкент, 1957, табл. XXXI—XXXII.

¹⁹ Там же, табл. XXXVIIIб.

²⁰ Ш. Ратия и Л. Воронин. Мавзолей Барак-хан, Архитектура СССР, 1936, № 11, стр. 27—31.

²¹ Г. А. Пугаченкова. Мечеть Анау, Ашхабад, 1959, стр. 20 и след., рис. 22—27.

Н. Б. НЕМЦЕВА

МАЛОИЗУЧЕННЫЙ МАВЗОЛЕЙ
ИЗ АНСАМБЛЯ ШАХИ-ЗИНДА

Одна из наиболее скромных по своим изразцовым одеждам усыпальниц ансамбля Шахи-Зинда тимуровского времени расположена по западной стороне коридора, южнее третьей сени. Мавзолеей приписывается военачальнику армии Тимура — эмиру Бурундуку, но основанием тому служат лишь старые предания¹. На здании не сохранилось надписей с датой постройки или именем того, кому она принадлежит.

По своему архитектурно-планировочному решению это довольно типичный для ансамбля однокамерный мавзолей конца XIV в., правда, несколько больших размеров, чем другие. Основной, кубический объем здания увенчан восьмигранным барабаном в черновой кладке и конусовидной кровлей одинарного купола. Внешний, декоративный купол не сохранился, а скорее, и не был возведен (хотя и предполагался); следов его зри вскрытии памятника не обнаружено.

Главный фасад выделен традиционным пештаком, от которого сохранился северный пилон и часть софита с остатками декора. На месте южного пилона — ремонтный контрфорс. Портальный вход в здание со стороны коридора до недавнего времени был закрыт подпорной стеной, южный проем врос в землю.

Памятник несет следы крупных переделок и ремонтов, произведенных еще в древности. Характер декоративной облицовки портальной ниши (кирпичная мозаика, типичная для XV в.) настолько отличен по стилю и техническим приемам от декора лицевой стороны сохранившегося пилона (резная полихромная терракота второй половины XIV в.), что не оставляет сомнений в разновременности отделки. Это дало основание думать, что пилон портала является частью какого-то другого, неизвестного здания 60-х годов XIV в.² Следы крупных реконструкций носит и интерьер мавзолея.

В основании четверика частично сохранилась изумительная по тонкости исполнения и красочности цветовой гаммы майоликовая панель из шестигранных шашек, замкнутых в прямоугольные рамы. Верх четвери-

¹ Впервые данный мавзолей определен как принадлежащий эмиру Бурундуку в «Туркестанском альбоме» (1871—1872 гг.), составленном А. Л. Куном. В дальнейшем Г. А. Панкратьев (Исторические памятники Самарканда, Самарканд, 1910, стр. 12), Б. П. Денике (Искусство Средней Азии, М., 1927, стр. 30), Б. В. Веймари (Искусство Средней Азии, М.—Л., 1940, стр. 72, 75) и С. Н. Полупанов (Архитектурные памятники Самарканда, М., 1948, стр. 23) приписывали эмиру Бурундуку усыпальницу, выстроившую Уста Али-Несефи. По мнению Л. И. Ремпель (Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 58, прим. 27 к гл. V), указанными авторами допущена ошибка. В книге «Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана» (Ташкент, 1958, стр. 113) Г. А. Пугачикова и Л. И. Ремпель придерживаются определения А. Л. Куна.

² Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 275.

ка, главным образом купол, отделан ганчем с крупным геометрическим рисунком, основные линии которого выделены гуртами и оттенены покраской синим и кызыл-кессаком. Представляется, что два вида декора внутри мавзолея также одновременны.

Архитектурное решение интерьера выполнено в известных по другим мавзолеям ансамбля Шахи-Зиinda формах: стены четверика по осям выше панели разбиты мелкими нишами стрельчатого завершения, в углах восьмерика — арочные паруса со сталактитовым заполнением.

До последних лет мавзолей фактически не изучался, хотя некоторая фиксация в связи с общими работами на ансамбле проводилась и здесь (фотофиксация А. Л. Куна в 1870—1871 гг., С. М. Дудина в 1905 г., обмеры А. П. Удаленкова в 1921 г., Г. Н. Томаева в 1939 г.).

Первое археологическое обследование мавзолея проделал в 1925 г. В. Л. Вяткин. При этом был расчищен интерьер мавзолея, через пролом в полах обследован склеп, который, по сведениям Б. Н. Засыпкина, был потревожен и находился в беспорядке. Костный материал в разбросанном виде лежал на земле. В западной части находился деревянный гроб без крышки. Посредине склепа стояла кашинтовая голубая чашечка XIV в.³

В 1963 г. в связи с предполагаемой реставрацией мавзолея Управление по охране памятников материальной культуры Министерства культуры УзССР впервые осуществило полное архитектурно-археологическое исследование и обмеры. Работы выполнили архитектор Ю. З. Шваб и автор предлагаемой статьи.

Археологические исследования коснулись подземных конструкций и кладок стен для установления строительной периодизации, характера и состояния нижних частей здания, стратиграфии культурных наслоений. Была расчищена порталная ниша, заложен шурф у южного проема мавзолея, обследован склеп.

В результате установлено, что мавзолей в своей конструктивной основе относится к одному строительному периоду.

Расчистка основания северного пилона со стороны порталной ниши показала, что под декоративной «рубашкой» идет сплошной массив однородной кладки (кирпич, раствор) пилона без каких-либо признаков одновременности основного строительства памятника. Разновременными могли быть только декоративно-облицовочные работы. По каким-то причинам отделка мавзолея, начатая в XIV в., была прервана на длительный срок и завершена уже в XV в., быть может при оформлении комплекса Туман-ака, вместе с третьей сенью (1405), но уже в стиле веяний новой эпохи, когда на смену резной поливной терракоте приходят новые виды декора — кирпичная и наборная мозаика.

Если предания верны и усыпальница действительно принадлежит военачальнику Тимура — эмиру Бурундуку, то не удивительно, что здание отделялось в несколько этапов. Длительные завоевательные походы Тимура в конце XIV — начале XV в., политические смуты после его смерти, в которых активно участвовал Бурундук⁴, на долгие годы отвлекали заказчика от строительных забот.

Наиболее интересные результаты дало обследование нижних частей здания. Подпольная часть мавзолея (склеп) представлена крупным (6,90×7,80 м по осям), крестовидным в плане помещением с глубокими развитыми нишами по сторонам (ширина — 2,60, глубина — 2,15—

³ Б. Н. Засыпкин. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зиinda в Самарканде, 1948, ркл. ГУОПМК, № 560, стр. 93—95.

⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 74.

2,60 м), перекрытыми стрельчатыми сводами (высота 2 м), переходящими в центральном квадрате в плоский куполок.

В южной и восточной нишах склепа, соответственно входным проемам надземной части мавзолея, имеется два небольших проема для совершения погребений (рис. 1). Внутренняя полость склепа оштукатурена толстым слоем (1—1,50 см) ганча, местами опавшего.

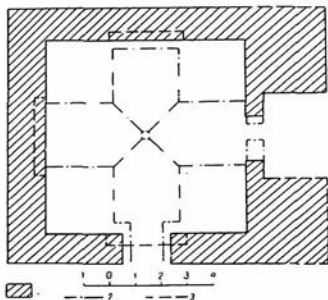

Рис. 1. План мавзолея эмира Бурундука.

1—стены мавзолея; 2—стены склепа; 3—ниши и утраченные части.

Склеп сложен на глине из прямоугольного кирпича (в среднем $29 \times 18 \times 4$ см), характерного для домонгольского Самарканда и, как показали раскопки на соседнем участке, взятого из полуразрушенного к концу XIV в. сооружения XI в., некогда расположенного южнее. Стены надземной части усыпальницы выведены из квадратного кирпича ($26—27 \times 26—27 \times 5—6$ см), типичного для XIV—XV вв. При этом налицо все несомненные признаки одновременности строительства. Склеп и верхняя камера мавзолея конструктивно взаимосвязаны, являя одно целое. Стены мавзолея по внешнему абрису продолжают стены склепа; в местах совпадения планов (крестовидного склепа и квадратного мавзолея) стены склепа выполняют роль фундаментов здания (рис. 2). Такой строительный прием, характерный для определенного этапа в эволюции среднеазиатских склепов, присущ мавзолеям с конца XIV — начала XV в.⁵

Склепы как специальное подпольное погребальное помещение на протяжении времени проходят определенный путь развития, усложняясь и совершенствуясь по архитектурным формам и конструкциям. Незначительное число обследованных на сегодня склепов в Средней Азии (в основном на территории Мавераннахра), как правило, требующих археологических вскрытий, не позволяет еще делать окончательных выводов относительно их генезиса и последующей эволюции как архитектурных типов. Проблема эта переживает стадию «накопления фактов», ограничивая наши представления о развитии мемориального зодчества Средней Азии в целом. Однако уже сейчас можно отметить основные этапы сложения склепа, в частности на территории Маверан-

⁵ Н. Б. Немцева. К истории сложения «средней группы» мавзолеев ансамбля Шахи-Зида. Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1967, стр. 104.

нахра. Этому в немалой мере способствовали археологические исследования последних лет в ансамбле Шахи-Зинда⁶.

Изучение склепов ансамбля Шахи-Зинда позволило получить представление о погребальном ритуале мусульманской знати в разные исторические периоды, дало большой краниологический материал для освещения некоторых вопросов этногенеза местного населения и фактические данные для понимания эволюции склепа как одного из важных функциональных элементов среднеазиатского мавзолея.

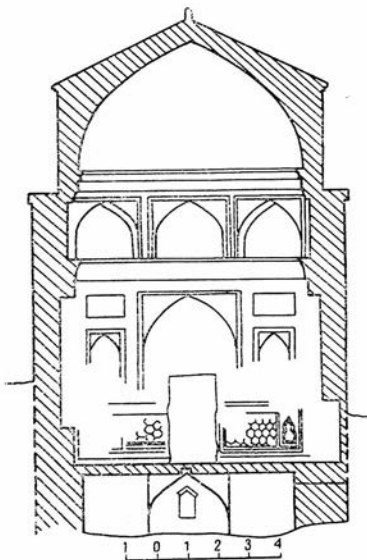

Рис. 2. Разрез мавзолея и склепа по линии север—юг.

Широкий хронологический диапазон (XI—XIX вв.) представленных на ансамбле Шахи-Зинда погребальных сооружений дал возможность проследить на большом сравнительном материале развитие архитектурных форм, конструкций и декоративной облицовки склепа.

Обследование погребальных сооружений X—XII вв. (мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре, Кусам ибн Аббаса в Самарканде, караханидские мавзолеи в Узгенде, Султан-Санджара в Мерве, Султан-Саодат и Хаким ал-Тармизи в Термезе, Ходжа Машад в сел. Саёт и др.) показывает, что среднеазиатские мавзолеи домонгольского времени еще не имели склепов.

⁶ Всего в ансамбле Шахи-Зинда обследовано 18 склепов, в том числе один (мавзолей Казы-Заде Руми) — только снаружи.

Первые склепы мы встречаем в мавзолеях XIV в. из ансамбля Шахи-Зинда (Ходжа Ахмада — 40-е годы XIV в., «Безымянный» — 1360/61 г., Туглу-Текин — 1376 г., «Безымянный» мавзолей работы Уста Али Несефи — 80-е годы XIV в. и ряд раскопанных в 1960—1968 гг. мавзолеев основного и «западного» коридоров).

Они характеризуются отсутствием планировочной и конструктивной связи с надземной частью усыпальницы, представляют совершенно самостоятельный архитектурный объем с элементарно простым планом (квадрат или прямоугольник, близкий к квадрату) и системой перекрытия (чаще всего свод типа «балхи»).

Входной коридорообразный сводчатый «лаз» их обычно направлен в сторону главного портала мавзолея с выходом в порталную нишу, независимо от ориентации последней по странам света. В частности, ансамбль Шахи-Зинда дает примеры ориентации «лаза» на все четыре стороны, определенной топланом ансамбля и расположением главных порталных проемов, а не предписаниями «мусульманского похоронного ритуала», как это представлялось ранее⁷.

Первые склепы представляют собой отдельно выстроенное подпольное (в 30—50 см от пола) помещение, значительно меньших габаритов, чем сам мавзолей (сторона в среднем 2,5—3,5 м, высота — 1,5—2 м). При этом фундаменты мавзолеев не глубоки (30—80 см) и не связаны со склепом. Центральные оси склепа и надземной усыпальницы часто не совпадали: строительство велось в разных котлованах, и практического значения такое смещение осей не имело. Примитивный характер ранних склепов показывает, что развитие нижней погребальной камеры в усыпальницах Мавераннахра, как и формирование архитектурного облика надземной, парадной части, шло самостоятельным путем, в отличие, например, от известных склепов мусульманского Закавказья (Азербайджан) и Западного Ирана, где уже в домонгольское время имели место развитые, сложные в архитектурном выражении склепы, составлявшие главную функциональную часть мавзолея с соответствующим акцентом и в оформлении⁸. При этом местная специфика в характере среднеазиатского склепа сказалась более выраженной, чем в облике надземной усыпальницы, где отдельные архитектурные приемы, декоративная отделка имеют много сходного с памятниками соседних территорий.

Генетически среднеазиатские склепы, судя по их простым формам, чисто утилитарному назначению (могила на несколько погребений) и конструктивной независимости ранних склепов от надземной части мавзолея, ведут свое начало, как нам кажется, от обычных кирпичных могил, издавна известных в Средней Азии.

В частности, прототипом раннего склепа могли послужить широко распространенные в Средней Азии (Самарканд, Бухара, Хорезм, Туркмения) погребальные ямы, обложенные по сторонам кирпичом, а сверху перекрытые «сводиком» из двух сомкнутых вверху кирпичей. С увеличением площади (уже не одиночная могила, а камера на несколько погребений) усложнилось лишь перекрытие и появился специальный лаз (дромос) для повторных захоронений.

Как бы переходной стадией от обычной могилы к склепу можно рассматривать центральное погребение в бухарском мавзолее Сайфиддина Бохарзи, датируемое второй половиной XIII в. Могильная камера здесь

⁷ И. Е. Плетнев. Архитектурный комплекс у мавзолея Гур-Эмир, Сборник научных трудов ТашНИИЭП, вып. VI, Ташкент, 1964, стр. 102.

⁸ Ср. Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв., М., 1966; А. Саламзاده. Вопросы реставрации мавзолея XIV в. в Барде, Вопросы реставрации памятников зодчества Азербайджана, Баку, 1960, стр. 73, 75.

представлена относительно просторным прямоугольным сводчатым (система «наклонных отрезков») помещением (внутри $2,1 \times 0,84$ м), по высоте своей (1,5 м) уже равным некоторым ранним склепам ансамбля Шахи-Зинда (склепы мавзолеев Ходжа Ахмада, Уста Али-Несефи и др.). В нем нет только лаза.

Способ погребения в первых склепах ансамбля Шахи-Зинда (непосредственно на земляном полу или в деревянном гробу, установленном на полу) — также, вероятно, преемственная традиция, связывающая склепы и обычные могилы с труположением на дне или в деревянном гробу.

В XV в., с усложнением функций и архитектурного облика нижней погребальной камеры, превращением склепа в посещаемую для оплакивания покойного часть мавзолея, погребения совершаются уже в специально вырытых гюлилах (Гур-Эмир, Ишрат-хана и др.).

В конце XIV — начале XV в. происходит дальнейшее развитие склепа, разработка его архитектурной формы. Это уже значительно большее по площади помещение, как правило, соответствующее основным габаритам надземной части усыпальницы и конструктивно связанное с нею. Появляются более интересные планировочные композиции, в частности, восьмигранная, крестовидная форма плана с развитыми или мелкими нишами, комбинированная сложная система перекрытия (мавзолей Ширин-бек-ака, эмира Бурундука, Туман-ака, «Восьмигранник» и Казы-Заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда, мавзолей № 2, вскрытый со стороны главного фасада мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви⁹, и Рабия' Султан-Бегим в Туркестане, склеп Гур-Эмира). Процесс этот был определен, главным образом, развитием архитектуры надземной части мавзолея.

Создание в конце XIV—XV в. новых композиций, в частности увеличение высотных пропорций, возникновение двойных (внутреннего и внешнего) куполов, потребовало усиления фундаментов зданий¹⁰. Это привело к конструктивной увязке подземной и надземной камер, объединению фундаментов мавзолея и стен склепа в одно целое (мавзолей Ширин-бек-ака, Туман-ака, «Восьмигранник» из ансамбля Шахи-Зинда и др.; рис. 3). Развитие архитектуры склепа, конструктивно связанного с надземной усыпальницей, продолжалось и позже.

В оформлении интерьера, наряду с дальнейшим усложнением системы перекрытия (пересекающиеся арки, шитовидные паруса), вводятся элементы декора в виде мраморной облицовки, поливных изразцов (склепы мавзолеев Биби-ханым, Ишрат-ханы, Ак-Сарая, склеп, вскрытый южнее мавзолея Гур-Эмир¹¹, склеп Тимура в комплексе Дорус-Сиадат в Шахрисабзе).

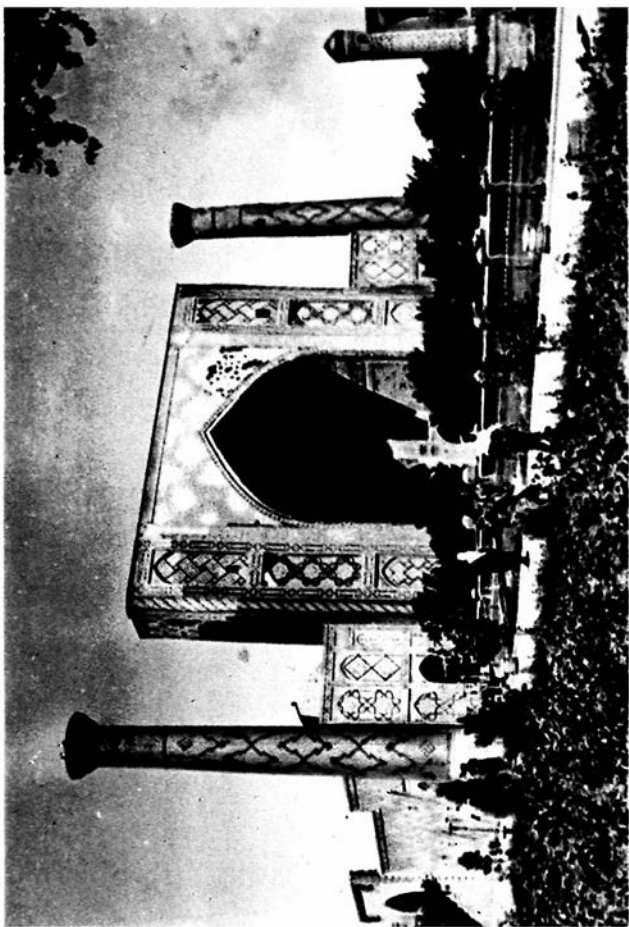
В одном из связующих звеньев этой цепи занимает свое место склеп мавзолея эмира Бурундука. Приведенные выше особенности конструкций подземной части мавзолея позволяют уточнить и время строительства памятника, приближая его к концу XIV в.

Усыпальница эмира Бурундука — одно из первых мемориальных сооружений Самарканда, отразивших новое направление в развитии подземной погребальной камеры, когда ее начинают конструктивно

⁹ Н. Б. Немцева. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмада Ясеви, Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии, вып. 1 (15), Алма-Ата, 1961, стр. 98, рис. 4; стр. 103, рис. 7.

¹⁰ Г. А. Пугаченкова. Вопросы развития строительной техники в древнем и средневековом зодчестве Средней Азии, Строительство и архитектура Узбекистана, 1968, № 3, стр. 34.

¹¹ К. А. Шахурин. Еще раз о погребении Тимура, Материалы по истории Узбекистана (Музей истории), Ташкент, 1963, стр. 116—118.

Медресе Улугбека в Самарканде.

увязывать с наземной частью, но еще не применяют декоративных облицовок.

Во время археологических изысканий 1963 г. на земляном полу склепа были обнаружены погребения, основная часть которых оказалась, как отмечал еще Б. Н. Засыпкин, в перемешанном состоянии. Это довольно обычная картина; мы наблюдали ее при изучении и дру-

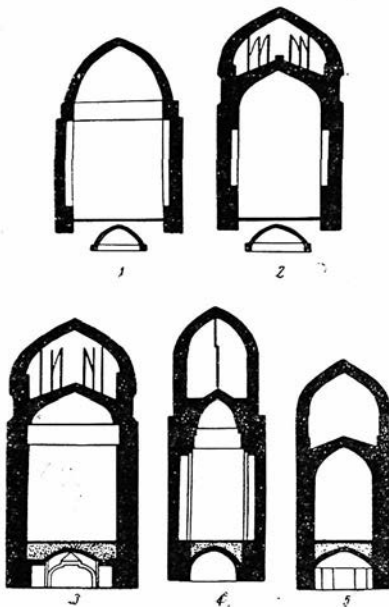

Рис. 3. Схема развития склепа в однокамерных мавзолеях ансамбля Шахи-Зинда.

1 — мавзолей 1360/61 г.; 2 — мавзолей работы Уста Али-Несефи (80-е годы XIV в.); 3 — мавзолей Ширин-бек-ака (1385); 4 — мавзолей Туман-ака (конец XIV в.); 5 — «Восьмигранник» (30-е годы XV в.).

гих склепов ансамбля Шахи-Зинда, когда погребения совершались не в могильных ямах или саркофагах, а прямо на полу. В мавзолее эмира Бурундука костный материал был сосредоточен главным образом в западной и северной нишах склепа. Судя по числу черепных коробок, в мавзолее было захоронено 9 человек.

Три самых поздних погребения в западной нише склепа не были потревожены и лежали анатомически правильно. Ориентация погребений обычная для Самарканда — север — юг.

Одно из захоронений (крайнее у стены) было совершено в деревянном гробу трапециевидной формы. Оно принадлежит мужчине возмужа-

ло-зрелого возраста. Гроб сделан из гладко отесанных досок (толщина — 1,5 см), скрепленных на углах массивными (диаметр — 10 см) стойками-ножками. Связка досок осуществлена путем врубки в пазы стоек, без применения гвоздей или металлических накладок. Гроб был накрыт двускатной крышкой, опиравшейся на торцы треугольного профиля. От крышки сохранилась одна доска, которая упала на скелет, сместив черепную коробку¹². Западная боковая доска гроба выпала из пазов и была прислонена к стене склепа.

Размеры гроба: длина 2,15 м, ширина в изголовье — 67 см, в ногах — 50 см, высота стенок — 28—30 см, угловых стоек — 50 см. Форма описанного деревянного погребального ящика и способ его поделки очень близки деревянному гробу Тимура из Гур-Эмира¹³, что, видимо, сблизжает их во времени, определяя дату погребения в склепе Бурундука началом XV в.

В склепе некогда имелось и другое погребение в деревянном саркофаге. Доски от него в разрозненном полустлевшем состоянии были разбросаны в северной и западной нишах.

Судя по срезам доски (длиной 1,37 м), ящик был несколько иной формы и меньших размеров. Отдельные части ящика, в отличие от вышеописанного гроба и гроба Тимура, крепились с помощью железных гвоздей с широкими шляпками и металлических накладок (скрепок). Так были связаны доски гроба Мухаммед-Султана из Гур-Эмира¹⁴, а также деревянные ящики из мавзолея Ширин-бек-ака и ряда других усыпальниц XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда. Наиболее важным и интересным оказалось непо потревоженное детское погребение, расположенное в западной нише. На костяке сохранился шелковый полосатый халат, позволяющий судить о характере ткани и покрое одежды XV в. Это погребение заслуживает специального исследования.

Итак, археологическое обследование мавзолея эмира Бурундука в ансамбле Шахи-Зинда дало некоторые дополнительные материалы об усыпальницах времени Тимура в Самарканде. Обследование склепа позволило судить об архитектурном типе нижней погребальной камеры, ее конструкциях, являющих очередную ступень в строительном искусстве средневековых самаркандских зодчих, а также мусульманских погребальных обрядах конца XIV — первой половины XV в. Результаты проведенных работ имеют и чисто практическое значение как исходный материал для проекта укрепления и реставрации мавзоля¹⁵.

¹² Лицевая часть черепа лежала **обращенной не на запад**, как положено по мусульманскому обряду погребения, а на восток, и чуть выше шейных позвонков.

¹³ В. А. Шишкин. Гури-Мир, Научные труды ТашГУ, вып. 232, Археология и антропология, Новая серия, кн. 48, Ташкент, 1964, стр. 36.

¹⁴ В. А. Шишкин. Гури-Мир, стр. 42.

¹⁵ Уже в 1963 г. со стороны главного фасада была убрана подпорная стена, отремонтированы ступени порталного входа, укреплены основания стен в порталной нише и открыт доступ к мавзолею со стороны главного портала. В 1968 г. от культурных наслоений освобождены стены по всему периметру здания, в интерьере мавзолея проведены консервационные работы с частичной реставрацией.

М. Е. МАССОН

К ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ЧЕКАНА СРЕДНЕЙ АЗИИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ТИМУРА И ХАЛИЛ СУЛТАНА

Весьма обильный в свое время чекан Тимура и Тимуридов до сих пор не имеет полного корпуса, охватывающего дошедшие до нас монеты, или хотя бы сводной работы о них. В этой связи приобретает большой интерес клад монет из низкопробного сплава «под серебро», обнаруженный в Ташкенте в 1965 г. и переданный на кафедру археологии Средней Азии ТашГУ доц. А. Х. Хамраевым.

Принадлежность всех монетных кружков клада к продукции фальшивомонетчика для нас была очевидна при первом же ознакомлении. Сразу же был определен и отраженный ими отрезок времени — с конца XIV в. до 1407/8 г.

Как видно из табл. 1, наиболее ранними образцами для продукции фальшивомонетчика служили монеты Тимура с именем провозглашенного им в 1370 г. хана Суюргатмыша из рода Угедея. Оба имеющихся в кладе экземпляра принадлежат к типу ранних дореформенных крупных тенег. Легенда аверса первого экземпляра содержит следующий текст:

السلطان العادل سويرغامش خان امير
اعظم تيمور [كورگان] خلد الله ماله

т. е. «Султан справедливый Суюргатмыш хан, эмир величайший Тимур (кураган). Да продлит Аллах царствование его!» В самом исполнении легенды обращает на себя внимание, во-первых, искажение до неузнаваемости двух последних знаков в слове العادل, а, во-вторых, — начертание имени хана в форме سويورغامش вместо принятого на среднеазиатских монетах ¹سويورغتمش. На втором, менее удачном по исполнению, экземпляре Ташкентского клада имя хана транскрибируется без алифа и без второго «و», как سويرغتمش. Начертание с алифом, между прочим, характерно для закавказских эмиссий Тимура², к каковым, возможно, относилась подлинная теньга, послужившая образцом для фальшивомонетчика.

Большинство монет из Ташкентского клада (около 40) связано с именем сына скончавшегося в 1388 г. Суюргатмыш-хана, Султана Махмуд-хана. Хотя он умер в 1402 г., Тимур, как явствует по нумизматиче-

¹ См., напр., хорезмский динар 781 (1379/80) г. х. В. В. Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет А. В. Комарова, ЗВОРАО, вып. I—II, СПб., 1888, стр. 77, и изображение на табл. III, № 12.

² См., напр., П. С. Савельев. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелайридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша, СПб., 1858, стр. 165; изображение монеты, чеканенной в Астрабаде с именем Суюргатмыша, на табл. IV, № 62.

Таблица 1

Состав Ташкентского клада

№	Правитель	Место чекана	Год хиджры	Метрологические данные		Примечание
				диаметр, мм	вес, г	
1	Сюргатмыш и Тимур	—	—	29—30	7,0	Рис. 1, 1
2	"	—	—	26—28	6,67	Другой матрицы
3	Махмуд и Тимур	Самарканд	—	—	6,20	Рис. 2, 3
4	"	Герат	—	25—28	6,0	Рис. 1, 3
5	"	"	—	"	6,10	Другой матрицы
6	"	Тебриз	—	26—28	6,05	Разных матриц
7	"	"	—	28—29	6,06	"
8	Махмуд и Тимур	Маранд	794	25—26	6,18	Рис. 1, 2
9	"	"	"	3—25	6,05	Другой матрицы
10	"	"	—	25—27	5,98	Третьей матрицы
11	"	Марага	—	24—25	6,19	Рис. 1, 6
12	"	Шемаха	—	"	5,98	Разных матриц
13	"	"	—	24—26	5,94	"
14	"	Шираз	—	28—30	6,23	Рис. 1, 4
15	"	Шабанкара	79?	26—28	6,05	Рис. 1, 5
16	"	Кумм	—	26—27	5,96	"
17	"	Багдад	—	22—24	6,03	"
18	"	Султаня	(7?)7	24—25	5,98	"
19	"	"	—	"	5,96	"
20	"	"	—	24—30	6,0	"
21	"	"	—	22—23	5,72	"
22	"	"	—	21—26	6,28	Рис. 2, 4
23	"	"	—	25—26	5,84	"
24	"	"	—	24—25	6,0	Рис. 2, 5
25	"	"	—	"	5,74	"
26	"	"	803	25—28	6,0	Рис. 1, 7
27	"	"	—	23	5,82	"
28	"	"	—	25—27	6,34	Рис. 2, 5
29	"	"	—	24—25	5,69	"
30	"	"	—	26—29	6,08	"
31	"	"	—	22—23	6,23	"
32	"	"	—	26	6,20	"
33	"	"	—	25—26	6,10	"
34	"	"	—	24—26	"	Картуш типа рис. 2, 8
35	"	"	—	22—24	5,67	"
36	Тимур	"	—	24—28	5,96	"
37	"	"	—	25—27	6,08	"
38	"	"	—	22—24	6,04	Рис. 2, 2
39	"	"	—	23—25	6,0	Картуш типа рис. 2, 4 в кольце из точек без соединительных кружков и грубее
40	"	"	—	23—26	"	"
41	Махмуд	"	—	25—26	"	"
42	"	"	—	23—25	6,01	Рис. 2, 7
43	"	"	—	24—25	6,15	Рис. 2, 6
44	Султан Махмуд, Тимур и Мухаммад	"	—	25—27	5,87	Рис. 1, 8
45	"	"	—	25—28	5,96	Рис. 2, 8. Экземпляр очень бракованный
46	"	Шемаха	—	22—25	5,93	Рис. 1, 9
47	"	"	—	26—28	5,87	Аверс типа рис. 1, 9
48	Мухаммад Джехангир	Самарканд	807	22—23	6,57	Рис. 1, 11

Продолжение таблицы 1

№	Правитель	Место чекана	Год хиджры	Метрологические данные		Примечание
				диаметр, мм	вес, г	
49	Джехангир	—	—	24	6,14	Аверс типа рис. 1, 11
50	Мухаммад	—	808	20,5-21	5,90	Реверс типа рис. 1, 10
51	Джехангир	Самарканд	810	23—25	6,17	Реверс типа рис. 1, 10
52	Мухаммад		8??	22—23	6,28	
53	Джехангир	•	8??	23—26	6,38	Реверс типа рис. 1, 10
54	Мухаммад	•	—	23—26	5,95	
55	Джехангир	—	—	22—24	6,05	Самарканд
56	Мухаммад	—	—	20—24	6,19	
57	Джехангир	•	—	23	5,85	•
58	Мухаммад	•	—	23	6,08	
59	Джехангир	•	8??	23—25	6,15	•
60	Неопределенная с фрагментами легенд	—	—	25—27	6,25	
61	•	—	—	24—26	6,12	•
62	•	—	—	22—23	5,94	
63	•	—	—	25—27	6,25	•
64	•	—	—	24—25	6,59	
65	•	—	—	23—24	6,42	•
66	Династия Куртов	Герат	7??	26—28	6,95	
67	•	•	—	25—32	—	•
68	Легенда ошибочно дана слева направо	—	—	23—26	6,21	
69	•	—	—	23—27	6,22	•

ских данных, до конца своего правления выпускал монеты с его именем и никакого другого Чингизида на ханский престол не возводил. Даже при чтении по пятницам в мечетях хутбы провозглашался покойный Махмуд-хан³.

Только одна монета Ташкентского клада явно копирует теньгу самаркандского чекана с именем Махмуда и Тимура, на что прямо указывает название этого города в самой легенде. Подавляющее большинство монетных кружков лишено указаний года и места выпуска, а для 17% монет город точно устанавливается по полностью или частично запечатленному в надписях названию. Здесь мы находим названия многих пунктов, лежащих далеко за пределами Средней Азии. По мере покорения их выбывались тимуровские серебряные монеты, зачастую на тамонных монетных дворах, в подражание прежнему местному чекану, но уже с упоминанием имен нового владыки и его подставного хана.

Как видно по монетам Ташкентского клада, образцами для продукции фальшивомонетчика послужили монеты, появившиеся в результате захвата Тимуром Герата, Мараги, Маранда, Тебриза, Шемахи, Шабанкары, Шираза, Багдада, Кумма, Султани.

³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 48.

Рис. 1. Монеты Ташкентского клада.

1—тенги Тимура и Суюргатмыш; 2—Тимура и Махмуза, Марана, 794 г. х.; 3—то же, Герат; 4—то же, Шираз; 5—то же, Султаня; 6—то же, Марга; 7—то же, 803 г. х.; 8—то же, с именем Мухаммад Султана; 9—то же, Шемаха; 10—Халил Султана, Самарканд; 11—то же, 807 г. х.

Пробелы в датах на дошедших до нас фальшивых копиях несколько снижают научную значимость их как исторических документов, лишая возможности определить время чекана подлинников. Тем не менее в ряде случаев и этот момент поддается известному уточнению. Так, Герат был занят войсками Тимура уже весной 783 г. х. (март—апрель 1381 г.), т. е. когда еще был жив Суюргатмыш. На дошедшем же до нас весьма оригинальном типе аверса тенги Герата (рис. 1, 3) упоминается уже Махмуд-хан. Следовательно, такие монеты были выпущены не ранее 1388 г. Они явно принадлежат к одной из серий, чеканившихся, по нумизматическим данным, в этом городе при Тимуре до первых лет XV в. включительно.

Так же решается вопрос о времени эмиссии монет, с которых скопирован тип фальшивых тенег Ташкентского клада с обозначением Ширази (рис. 1, 4). Фарс был занят Тимуром впервые в 1387 г., и на протяжении первых лет там чеканились его монеты с упоминанием Суюргатмыша. Ширазская же теньга Ташкентского клада несет имя Махмуд-хана. Значит, она появилась лишь после того, как этот город был окончательно отнят Тимуром у Музафарида Мансура в 795 (1393) г. х.

С таким же основанием мы вправе восполнить пробел в дате тенги Султанин, где вышло только «???» (№ 18 нашего перечня), и считать, что подлинная монета была выбита там в 797 г. х., ибо, хотя Тимур впервые захватил его в 787 г. х., но тогда еще не могло появиться на монетах имя Махмуд-хана.

Монетные кружки Ташкентского клада, битые с именем Махмуд-хана, как правило, несут в легенде на реверсе выполненный достаточно строгим куфическим почерком текст калимы لا لله الا الله محمد (لا لله الا الله) с упоминанием четырех первых халифов по сторонам. Текст на аверсах, размещенных в кругу, в квадрате или разнообразных картушах, имеет несколько вариантов. Наиболее употребительна краткая формула: السلطان محمود خان امير تيمور كوركان خلد الله. Иногда в конце добавляются слова و سلطانه и в результате пожелание звучит так: „Да продлит Аллах царствование его и владичество его!“ Довольно часто фигурирует с некоторыми вариантами и следующий текст: السلطان العدل محمود خان خلد الله يرفى امير. „Султана справедливого Махмуд-хана (да сохранится царствование его!) повелением эмир Тимур Кураган Наше слово“. Легенда расположена в несколько горизонтальных тенге

Оригинальное исключение представляет текст на гератской тенге (рис. 1, 3), где он размещен в пяти малых кругах. Место чекана указано на аверсах то в небольшом центральном картуше, то между горизонтальными строками основного текста, то в сегментах между квадратом и кольцевым обрамлением или, наконец, между двумя внешними кругами. В двух последних местах чаще всего располагаются и даты изготовления монеты (года пишутся цифрами или арабскими словами). В оформлении монет встречаются и другие варианты, причем внешний круг из точек далеко не обязателен.

На аверсах некоторых тимуровских монет, в том числе и рассматриваемого Ташкентского клада, особое место отводится личному знаку основателя династии, или «тамге Тимура», состоящей из трех небольших колец. Р. Г. де Клавихо называет этот знак «гербом Тимура». По словам испанского посла, Тимур приказывал чеканить его на монетах, помещать

на своих печатях и ставить на всех вещах, изготовляемых по приказу «великого эмира». Три кольца должны были якобы означать, что Тимур является царем «трех частей света»⁴.

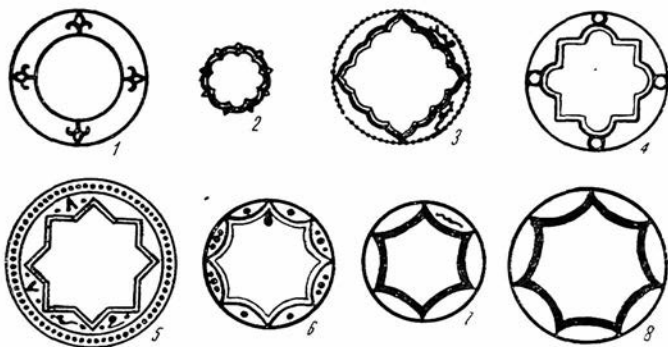

Рис. 2. Разные типы картушей на теньгах Тимура из Ташкентского клада.

Иное толкование тамги Тимура, не отмеченное в специальной литературе, предложил в 1841 г. руководитель кафедры восточных языков

Казанского университета (1819—1845) немецкий ориенталист Ф. Эрмман. Ссылаясь на Ибн Арабшаха, Ф. Эрмман отмечает, что «герб Тимура» имел форму трех одинаковых колечек, из которых верхнее покоится на двух расположенных внизу. Он утверждал, что такой герб помещался на малых монетах, а на больших, вверху имеются два колечка, а внизу — одно. В последнем случае он якобы представлял собой редуцированное изображение воловьей головы, от которой остались только глаза (два верхних кольца) и рот (нижнее кольцо).

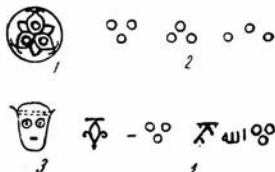

Рис. 3.

1 — аверс тимуровского фулуса самаркандского чекана; 2 — три типа тамги Тимура; 3 — схема бычьей головы на ярлыке Тимура, выданном князю Литовскому (по зарисовке Ф. Эрммана); 4 — тамги и нишаны из монет Ибрахима Арслан хакана.

Основанием для подобного предположения служит будто бы прямое указание Шериф-ад-дина, что гербом Тимура была именно воловьей голова. В подтверждение своего домысла Ф. Эрмман ссылался на ярлык Тимура, выданный князю Литовскому и хранившийся в первой половине

⁴ Р. Г. Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Пер. с прим. И. И. Срезневского, Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, XXVIII, № 1, СПб., 1881, стр. 235.

XIX в. в Московском архиве иностранных дел. К приложенному переводу текста на русском языке, сделанному будто бы в Орде, добавлено выполненное от руки примитивное изображение бычьей головы.

Однако тамга Тимура в монетах его чекана чаще бывает с одним кольцом сверху. Это прослеживается и на примере Ташкентского клада, где мы видим ее на 21 тенге, причем одно кольцо сверху имеют 14 экз.⁵

Возможно, что тамга Тимура действительно имела не просто геральдическое начертание, а в ее изображении вкладывался какой-то определенный смысл. Но во всяком случае она была присуща не ему одному. Мы видим ее и на караханидских монетах середины XII в., чеканенных в Узгенде с именем Ибрахим Арслан хакана, причем наряду с ней, слева от текста, бывает проставлен еще более индивидуализированный нишан⁶. Аналогичная тамга из трех колец имеется также на монетах Хулагуида Аргуна (1284—1291), в частности чеканенных в Мерве при восшествии его на престол.

Особый интерес в историческом отношении представляют монеты Ташкентского клада, отмеченные в нашем перечне под № 44—47.

В конце 80-х годов XIX в. любитель-нумизмат Н. П. Линевиц собрал в Мерве коллекцию старинных монет, которую он передал в 1889 г. на определение В. Г. Тизенгаузену. Внимание последнего привлекла своей необычностью крупная серебряная монета (диаметр—30 мм, вес—6,1 г) с плохо отчеканенным аверсом, к тому же позднее испорченным при нанесении на реверс звездообразного картуша с надписью «Шахрух бахадура».

Из данного В. Г. Тизенгаузеном описания (без приложения фото монеты) явствует, что картуш лицевой стороны дан в форме «четырёхконечной звезды, в виде орденского креста, как на джелаиридских монетах. В одной из оконечностей звезды видно — محمود سلطان, в другой, кажется, تیمور کورکان, в третьей сохранился — خلد, в четвертой — لله ملكه, в промежутках можно прочесть... سنه اربع / او تسعين? надпись в средней рамке совершенно стерлась⁷. Монета была признана по тогдашней терминологии „джагатайской“, чеканенной при султане Махмуде и Тимуре⁷.

В Ташкентском кладе имеется две монеты с картушем аналогичного типа на аверсе. Вписанный в круг из точек, он представляет собой выполненный толстыми линиями четырехсторонний геральдический крест без всяких украшений, и только наружные части его концов имеют фигурные очертания в виде трехлепестковых выступов. Средний квадрат и четыре конца обведены по внутреннему контуру тонкими линиями, что придает картушу определенную выпуклость.

В срединном квадрате помещено слово «Мухаммад», четко фиксирующее верх легенды. Последняя разбита по четырем сторонам крестообразного картуша, выполнена по кругу в две строки, читается с внутренней стороны, обращенной к центру, а начинается слева, где на обонх

⁵ Тамга Тимура с одним кружком сверху изображена на тенгегах Ташкентского клада, отмеченных в табл. 1 под № 3, 5, 10—13, 16, 18, 20, 27, 28, 32, 37 и 42, а с одним кружком внизу — 7, 8, 25, 29—31 и 36.

⁶ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 282, № 557. В сочетании с иным знаком я видел монету Ибрахим Арслан хакана в составе клада, найденного в Чарваке (Южная Киргизия) в 1930 г.

⁷ В. Г. Тизенгаузен. Восточные монеты Н. П. Линевица, ЗВРАО, т. IV, вып. III—IV, СПб., 1890, стр. 310, № 32.

экземплярах Ташкентского клада надписи при изготовлении монеты не вышли, вероятно, из-за дефекта в матрице. Во второй четверти внизу помещено — «Эмир Тимур Кура-»; в третьей, находящейся справа, — «ган Султан Мухаммад», а в четвертой (верхней) приведено стандартное восклицание — «Да продлит Аллах царствование его!» Указание года, если оно и было на матрице, в чекане не получилось. На обратных сторонах обеих монет в среднем квадрате из точек помещена выполненная кufическим почерком калима, обрамленная четырьмя сегментами с именами первых халифов. Все вместе охвачено кругом из точек.

К той же категории относятся два других монетных кружка Ташкентского клада (табл. 1, № 46 и 47), представленных еще более бракованными экземплярами, по которым все же удалось восстановить существенную часть типа аверса с историческим текстом. Помещенный в кольцо из точек картуш являет собой более сложную форму в виде расположенных по кругу пяти трехлопастных замкнутых фигур, пересекающих друг друга боковыми сторонами и образующих в центре десятиконечный медальон, обведенный по внутреннему контуру дополнительной тонкой линией.

В медальоне указан город Шемаха, начертание которого, как и в предыдущих двух монетах, определяет низ и верх аверса при аналогичном расположении слов основной легенды. Начинается она в правой верхней трехлепестковой фигуре словом «Султан», имя которого, как и текст в следующих за ней двух фигурах, не получилось, за исключением двух букв *ك* в левой верхней фигуре, принадлежащих почетному званию «кураган». В четвертой фигуре ясно читается «Султан Мухаммад», а в пятой, находящейся справа внизу, — та же формула: *خلد الله ملكه*. На аверсах от текста калимы дошли лишь чуть заметные следы, позволяющие судить, что она была выполнена строгим кufи.

Хотя обе пары рассмотренных монетных кружков — это варианты, вышедшие из четырех разных матриц, сводный текст аверсов обоих типов восстанавливается без особого труда, поскольку они представляют собой образцы поздних тимуровских тенег. Для № 44 и 45 это — «Мухаммад / (Султан Махмуд-хан.) / Эмир Тимур кура / ган. Султан Мухаммад. / Да продлит Аллах царствование его!» Для № 46 и 47 — «Шемаха. / Султан (Махмуд-хан.) / (Эмир Тимур) / (Кура) ган. / Султан Мухаммад. / Да продлит Аллах царствование его!»

Появившийся в легендах тимуровских тенег третий персонаж — внук Тимура Мухаммад Султан, история которого с рядом подробностей разработана В. В. Бартольд в нескольких трудах начиная с опубликованной в 1915 г. статьи «О погребении Тимура»⁸.

Мухаммад Султан родился в 1374 г. от рано умершего старшего сына Тимура, Джехангира, и „ханской дочери“ Суюн-ага, внуки Узбек-хана. Тимур рано почувствовал в нем незаурядные организаторские способности и вскоре после достижения Мухаммад Султаном совершеннолетия назначил его наследником престола, что получило широкую огласку. Отчасти этому способствовал выпуск монет, где наряду с именем Султана Махмуд-хана и Тимура, упоминался *ولي العهد و زمان محمد سلطان*, т. е. „наследник престола в эпоху Мухаммад Султана“. Экземпляр такой монеты, чеканенной в Хамадане, имеется в Британском музее⁹.

⁸ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., стр. 423—454.

⁹ Catalogue British Museum, add. (Lane Poole, Additions), part II, 144, № 28a; В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 77, рукописная добавка автора к прим. 105.

Зимой 1397/98 г. Мухаммад Султан был поставлен во главе 40-тысячной армии, выступившей в Семиречье для устройства укрепления на Ашпаре и восстановления там земледелия, с чем он успешно справился. Перед отправлением в свой последний многолетний поход на запад Тимур оставил его в 1399 г. правителем Самарканда, а в марте 1401 г. поручил ему бывший «престол Хулагу-хана» (в основном северо-западные области Персии). Мухаммад Султан участвовал в военных мероприятиях 1402 г., доходил до западного побережья Малой Азии, но на обратном пути заболел и умер в марте 1403 г.

Вопрос о месте выпуска подлинных тенег перечисленных типов с именем Мухаммад Султана определенно решается в отношении экз. № 46, у которого в надписи указана Шемаха, столица Ширвана, на монетном дворе которой первый чекан Джелаиридов был выпущен в 768 (1366/67) г. х.

У монетного кружка № 44 в среднем квадрате, где часто проставлялось название города, ясно читается «Мухаммад», быть может, относящееся к имени пророка. Впрочем, изготовивший матрицу фальшивомонетчик мог проставить его по ошибке вместо неверно понятого им на подлиннике названия города персидского Ирака «Хамадан» (همدان), где оно было нечетко дано очень мелкими буквами. На ряде монет этого города, чеканенных в XIV в., помещенный сверху словно черточка «калиф» и расположенный внизу в виде чуть заметной плосковатой дужки «нун» напоминают заполняющие поле украшения, а три первых буквенных знака своим слитным начертанием легко могут быть приняты даже не очень опытным эпиграфистом за слово «Мухаммад». К стати, экземпляр монеты Британского музея с полной расшифровкой имени Мухаммад Султана как «наследника престола» был выбит именно в Хамадане, но штампом иного типа.

Сам характер картушей аверсов монет Ташкентского клада за номерами 44—47 указывает на западноиранские области как район, где их скорее всего могли применять в конце XIV в. Достаточно сравнить их с аналогичными по стилю (хотя и не абсолютно подобными) картушами серебряных монет Джелаирида Джелал-эд-дина Хусейна (1374—1381). В 779 (1377/78) г. х. в дошедшей до нас продукции восьми различных монетных дворов его государства был применен картуш орденского типа с шестиконечной серединой и трехлепестковыми наружными частями концов, как у экз. № 44. В следующем году их сменил более сложный пятиконечный картуш опять же орденского типа, также известный по чекану восьми монетных дворов¹⁰.

Из-за отсутствия дат на известных нам монетах Тимура с упоминанием Султан Мухаммада вопрос о времени их появления пока приходится определять на основании общих соображений. Поскольку Тимур наметил Султан Мухаммада своим наследником вскоре по достижении им совершеннолетия, а зимой 1397/98 г. он был направлен в Семиречье уже имея это звание, то в известной мере устанавливается *terminus post quem*. Март 1403 г., когда последовала его смерть, это уже безусловный *terminus ante quem*.

Монет с именем Мухаммад Султана, которые можно отнести к чекану Самарканда, нет, и в них там едва ли была надобность, поскольку упоминания имени царевича в хутбе звучали для всех достаточно громко-

¹⁰ А. К. Марков. Каталог Джелаиридских монет, Собрание восточных монет императорского Эрмитажа, СПб., 1897, стр. LXII, табл. IV, № 104, 105, 107, 109, 110, 114, 115, 119—123; табл. V, № 125—127; табл. VII, № 219.

гласно. Иным было положение в завоеванных западных странах, то покоряемых, то вновь отпадавших, где Тимур очень ревниво относился к выпуску монет со своим именем в сколько-нибудь значительных и хотя бы временно захваченных городах. Известно, что в 1393 г. при приеме посольства от Джелаирида Гияс-эд-дина Ахмеда (1382—1410) Тимур решительно требовал, чтобы тот в оставшихся за ним владениях провозглашал за него хутбу и чеканил монету от его имени.

Вероятнее всего, что все монеты, выбитые с именем Султан Мухаммада в Шемахе, Хамадане, а возможно и в других расположенных между ними городах, начали выпускаться после свидания его с Тимуром в Карабаге в начале декабря 1401 г., когда ему были переданы в управление все северо-западные области Персии. Из политических соображений они официально объявлялись наследственными землями, некогда подчинявшимися «престолу Хулагу-хана» (1256—1265), а фактически они только что составляли владения Джелаиридов. Дипломатическими соображениями было продиктовано и принятие типа новых тенег — за образец их были взяты не обращавшиеся на рынке монеты часто изменявшего Тимуром Джелаирида Ахмеда, а его брата Желал-ад-дина Хусейна, скончавшегося еще в 1381 г. и ничем не провинившегося перед Тимуром. В целом это мероприятие должно было повседневно напоминать покоренным, но не очень усмирным племенам и народам, что после возвращения Тимура в Мавераннахр правителем и заместителем его здесь остается наследник престола, готовый подавить всякое неповиновение. Исключительную редкость тенег с проставленным на них именем Султан Мухаммада следует объяснить прежде всего непродолжительностью выпуска их на указанной территории до неожиданной смерти Султан Мухаммада.

Попутный вывод, вытекающий из рассмотрения монет с именем Султан Мухаммада, состоит в том, что упомянутая выше редкая теньга Тимура (без указания места и года чеканки) из коллекции Н. П. Линевиича, аналогичная монете № 44, безусловно была выпущена на одном из монетных дворов Северо-Западной Персии, вернее всего южных ее районов и, быть может, именно Хамадана.

Последняя по времени группа монет Ташкентского клада связана с внуком Тимура, Халил Султаном. Сын Мираншаха и «ханской дочери», он родился в 1384 г. Уже в 15 лет, во время индийского похода, он своей воинской доблестью обратил на себя внимание Тимура. Халил Султан участвовал и в «семилетнем походе» Тимура на запад, а в 1402 г. был направлен вместо отозванного из Мавераннахра Султан Мухаммада в Самарканд и «на границу Туркестана».

После смерти Тимура все начальники отрядов правого крыла его армии во главе с царевичем Ахмадом провозгласили Халил Султана государем и принесли ему присягу. Когда же во вспыхнувшей борьбе за самаркандский престол он одержал победу, то вместо себя сделал ханом другого Тимурида — Мухаммад Джехангира, сына Мухаммад Султана. После примерно четырех с половиной лет самостоятельного правления в Самарканде Халил Султан был захвачен Худайдодом и увезен в Фергану. Вскоре он добровольно сдался Шахруху и получил на положении удельного князя г. Рей, где и скончался 4 ноября 1411 г.

Как медных, так и серебряных монет Халил Султана известно не очень много, прежде всего из-за краткости периода их чекана. Его тенги после занятия Самарканда Шахрухом сперва были подвергнуты надчеканке с именем последнего, а вскоре вообще изъяты из денежного обращения и переплавлены в связи с введением в государстве новой:

монетной системы, основанной на «теньге-мискали», более низкого веса. Вот почему подражающие теньгам Халил Султана 12 монет Ташкентского клада (№№ 48—59), даже будучи браком, имеют научный интерес, ибо дают представление о его чекане (в нескольких вариантах) с 807 по 810 (1404/5—1407/8) г. х.

Наиболее распространенный тип его тенег, выпускавшихся только в Самарканде по стандарту тимуровских с очень скромными картушами, за все годы закладает на аверсе в двойном кругу с точками между линиями следующую легенду:

محمود جهانگیر الجلیل الدیان حلیل سلطان و امیر خلد الله ملكه

Между строками указан словами соответствующий год, причем в первых чеканах они разделены двумя небольшими квадратами. В том же 807 г. х. и позднее квадраты исчезают, а в поле появляются два сложных узла счастья.

На реверсе, видимо в начале первого года правления, калима воспроизведена по квадрату строгим кувфическим почерком. Внутри представлены слова «чекан Самарканда», а по сторонам снаружи упоминаются имена четырех первых халифов (рис. 1, 10). Позднее, с 807 по 810 г. х., калима выполняется уже более вычурным куфи в три горизонтальные строки, между которыми помещены слова ضرب سمرقند с простенькими розетками на концах, а по сторонам — имена тех же халифов. Все вместе охвачено таким же кругом, как легенда аверса (рис. 1, 11).

Обращает на себя внимание, что имя подставного государя Мухаммад Джехангира, провозглашенного из уважения к Тимуру и памяти его умершего наследника, помещено вверх, но без титула «хан». Сам же Халил Султан на монетах принимает необычный для последующих Тимуридов скромный титул الجلیل الدین, т. е. «известный правитель», или со смыслом «воздающий за добро и зло», а после имени добавлены слова «и эмир»¹¹.

Среди фальшивых тенег Ташкентского клада оказались две такие же монеты, более тяжеловесные (около 7 г), без указания имени правителя, года и места чекана. Они не копируют тимуридский чекан, хотя по весу близки к таковому, предшествующему введению крупных серебряных монет в 1/2 теньги Дели.

Аверс. В среднем круге محمد/رسول [ل] لله/صلی الله علیه و سلم. Слева снизу вверх — سلم. Между внутренним и внешним кругами, обведенными снаружи точками, в трех лепестках восьмилучевой розетки сохранились слова: ضرب /.../ سبع/مايه, т. е. 7?? г. х.

Реверс. В среднем квадрате калима, выполненная кувфическим почерком; по сторонам следы имен четырех халифов, видимо, с их эпитетами, обведенные одним общим линейным кольцом с внешним кругом из точек.

¹¹ В. Г. Тизенгаузен отнес выпущенную в Бухаре без указания года монету Султан Халил Аллаху к чекану Тимурида Халил Султана и поместил ее в хронологической последовательности между описаниями тенег Тимура и Шахруха (см. его «Новое собрание восточных монет А. В. Комарова, ЗВРАО, т. III, вып. I—II, СПб., 1888, стр. 79). В действительности это серебряный динар монгольского хана Халил Аллах, сына Ясаура (о монетах Халил Аллах см. М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов, стр. 57, 69 и 97).

Монеты эти явно копируют чекан Герата конца XIV в. При сопоставлении с аналогичными монетами предшествующего времени историческая часть легенды в восьмилучевой розетке может быть восстановлена в следующем виде: «Чекан / города / Герата / в году / ... / ... / и семь / сот».

Цифры единиц и десятков остаются неизвестными. Но дата выпуска их, очевидно, не может быть позднее 1381 г. Вероятнее всего, такие монеты выпускались при Гияс-эд-дине Пир-Али, при котором Герат вошел в состав государства Тимура. Близкие по типу монеты начал чеканить Муизд-эд-дин Хусейн, отец Пир-Али.

Рис. 4.

1—гератская теньга династии Куртов; 2—реверс теньги о ошибочном воспроизведении каллимы (слева направо).

Что касается техники изготовления монет Ташкентского клада, то прежде всего бросается в глаза определенное единообразие во внешнем облике самих кружков, в их металле, манере исполнения текста матриц, хотя одни из них чеканились, а другие отливались.

Сплав металла содержит свинец, медь и некоторое количество серебра. Во всяком случае, у большинства монетных кружков поверхность получилась хотя и тускловатой, но довольно светлой, под серебром. При чистке у ряда монет проступает желтизна, а у некоторых в изломе явно усматривается красноватый блеск меди. Вес достаточно близок к подлинным монетам, варьируя в допускаемых для последних пределах. То же относится к внешней форме. Только в нескольких случаях при чекане монет они вместо кружка получились в виде неправильных вытянутых овалов. У изготовленных путем отливки видны места излома у отверстия литка, а на поверхности наблюдается раковинистость и даже полосы наплыва металла из-за повреждений на матрицах. Поскольку весь клад представляет собой образцы нереализованного «брака», неудивительно, что на многих кружках почти не получились типы аверса или реверса, а то и обоих.

В государстве Тимура из-за высокого спроса на денежные знаки большинство монетных дворов работало очень интенсивно. Поэтому при выпуске монет не очень обращали внимание на внешний вид их, лишь бы пробирщики (сахибайёры) удостоверили пробу и полновесность. Это приводило к обращению на рынках массы по существу бракованных тенег, что, в свою очередь, облегчало работу фальшивомонетчиков. Учитывая это, фальшивомонетчик заведомо делал монеты с неполными легендами, беря за образец экземпляры, плохо отчеканенные и к тому же сильно изношенные от длительного хождения, что отчасти помогало скрыть другие недочеты его продукции.

К ним относится порой грубое выполнение сложных картушей с неверной геометрической разбивкой фигур и линиями разной толщины. Встречаются орфографические и эпиграфические ошибки, например про-

пуск начального алифа в слове الله ; искаженная передача слова سلم в виде سام ; изображение одной короткой вертикальной линией второй буквы م в слове „Мухаммад“, выполненном куфическим почерком; слитное начертание всех буквенных знаков слова الله в форме الله и т. д. Курьезом выглядит на монетном кружке № 68 калима, изображенная в обратном направлении — слева направо (рис. 4. 2).

Судя по монетам Ташкентского клада, они выполнены если и не очень грамотным, то, во всяком случае, незаурядным мастером своего дела, должно быть, работавшим на государственном монетном дворе, где он мог ознакомиться со всеми процессами производства металлических денежных знаков, начиная от изготовления матриц, обработки металлов, получения из них заготовок и кончая выпуском самих монетных кружков и их опробованием в весовом отношении. Определенную сообразительность должен был проявить он и при учете спроса на ту или иную монету. Работал он, видимо, несколько более 20 лет, ибо вначале изготовлял тяжеловесные теньги (до 7 г) по образцам монет, выпускавшихся в Герате ранее, а затем Тимуром с упоминанием хана Суюргатмыша, который скончался в 1388 г. Позднее, на протяжении многих лет, он подражает разнообразным тимуровским эмиссиям тенег по новому стандарту (весом около 6 г), преимущественно зарубежным. Самая поздняя продукция представлена фальшивыми теньгами Халил Султана с обозначением 810 (1407/8) г. х.

Прекращение деятельности этого фальшивомонетчика, видимо, совпадает со стабилизацией политической жизни в Мавераннахре в начале правления Шахруха и введением в денежный оборот «тенег-мискали» более заниженного веса.

В заключение хотелось бы отметить, что монеты, обозначенные в конце XIX в. А. К. Марковым термином «варварские подражания теньгам Махмуда и Тимура»¹², следует, очевидно, считать нумизматическими объектами нелегальной фальсификации.

¹² А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 566

И. РАЖАБОВ

НОЕБ МУЗИКА МАНБАИ

Темурийлар даври (XIV—XV асрлар) Урта Осиё ва Хуросон халқлари маданиятининг ҳамма соҳаларида ажойиб тарихий ёдгорликлар қолдирди. Бу даврда фан, адабиёт, санъат, шу жумладан музика санъати ҳам гуллаб-яшнади. Музикавий, адабий, тарихий характердаги манбаларда бу ҳақда қимматли маълумотлар сақланган бўлиб, ўша давр музика ҳаёти, созанда-хонанда ва бастакорлар ҳақида, музика асбоблари тўғрисида тасаввур ҳосил этишга имкон беради. Олимларнинг музикавий-назарий фикрлари, музикавий-эстетик қарашлари XIV—XV аср музикасига бағишланган рисоаларда ўз ифодасини топган эди. Шундай манбалардан бири Зайнулбиддин бин Маҳмуд ал-Хусайний (XV аср)нинг «Қонун илмий ва амалий мусиқий» («Музиканинг илмий ва амалий асослари»)¹ асаридир.

Ал-Хусайнийнинг ҳаёти ва ижодига доир ҳеч қандай маълумот сақланмаган. Унинг асари Алишер Навоийнинг топириғи билан ёзилган ва унга бағишланган бўлса-да, Навоий ва бошқа муаллифлар асарларида ал-Хусайний ҳақида бирор марта ҳам эслатиб ўтилмаган.

«Қонун» асаридан маълумки, муаллиф музика ва шеърятнинг назарий, ҳам амалий масалаларини чуқур билган зўр олим, шоир ва бастакордир. Асарнинг ягона қўлёзмаси ЎзССР Фанлар академияси Алишер Навоий номли Адабиёт музейи фондида сақланади (инв. № 42). Қўлёзма жуда яхши сақланган. Самарқанд қоғозига нафис настаълиқ хатида XV аср охирларида кўчирилган, 63 varaқ, қоғоз формати 12×18 см. Охирги varaқлари йўқолгани учун котиби номаълум.

«Қонун» китоби қисқача сўз боши ва 24 бобдан иборат.

Асар ўзининг мазмуни ва мундарижаси билан Абдураҳмон Жомийнинг «Рисолаи Мусиқий»² сига яқин бўлиб, ал-Хусайнийнинг «Қонун»ида музиканинг назарий ҳамда амалий масалалари чуқур ва кенгрок талқин этилади.

Кириш қисмида ал-Хусайний, асар баъзи дўстларнинг илтимоси билан ёзилгани (бу Навоий эди!) ҳақида айтади. Сўнгра Навоийга бағишланган қасида келтирилади. Қасидада Навоий мадҳ қилиниб, унда машҳур мақомлар номи сўз ўйини билан моҳирона ишлатилади. Қасидага Ироқ, Исфаҳон, Кучак, Бузруг каби мақомлар мазмуни асос қилиб олинади.

Биринчи бобда нағма (музика товуши), бўъд (интервал), жамъ (товуш қатор), лаҳн (куй)ларга таъриф берилади, музика сўзининг келиб чиқиши ҳақида гапирилади.

Баланд-пастиги жиҳатидан муайян бир чегарада садоланиб турадиган товуш — нағмадир. Икки нағма бир бўъдди, иккитадан ортиқ

¹ Бу асар А. А. Семёнов томонидан рус тилига таржима этилган бўлиб, унинг қўлёзмаси Ҳамза номли Санъатшунослик институти кутубхонасида сақланади.

² Абдураҳман Джами, Трактат о музыке, Ташкент, 1960 (проф. А. Н. Болдирев таржима қилган, проф. В. М. Беляев таҳрири остида ва шарҳи билан).

Шахи-Зинда.

бўёдлар бирикмаси жамъларни ташкил этади. Бу ўринда ал-Ҳусайний нағмаларни товушларнинг бошқа турларидан аниқ ажратиб тушунтиради. Чунки, нағма ибораси ўтмишда ва ҳозирда бошқа маъноларда ҳам ишлатилади (куй, музика асари каби).

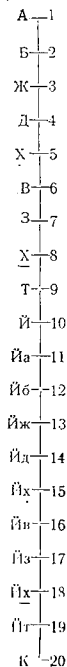
Ал-Ҳусайний лаҳн (кўплиги алҳон) — куй, ашула маъноларида келиб, маълум тартибда тузилган, ёқимли туйиладиган товуш қатор (лад) ларни ҳам лаҳн — деб таърифлайди. Чолғу қуйлар, вокаль асарлар, шеърларни оҳанг ёки вазига солиб ўқиш ҳам алҳон тушунчасига киради.

«Музика» («мусиқий») ибораси юнонча куй ва ашула маъноларини беради.

Иккинчи бобда торли ва пуфлаб чалинадиган асбобларда баланд ва паст товуш ҳосил бўлиши сабабларига тўхтаб ўтилади.

Учинчи боб интервал (бўёд)лар ва уларнинг нисбий муносабатлари масаласига бағишланади. Муаллиф интервалларнинг ёқимли (муттафиқ) — консонанс, ёқимсиз (мутанофир) — диссонанс турлари ҳақида гапирди.

Интервалларни ташкил этадиган товушлар баландлиги торларнинг узун-қисқалиги билан ўлчанади ва товушларнинг маълум нисбатини ташкил этади. Ал-Ҳусайний 20 та тенг қисмга бўлинган тўғри чизиқни чолғу тури — деб фараз қилади (нисбатлар ўнгдан чапга саналади).

Бу ерда ҳарфлар араб алифбосида (абжад) тартибда жойлаштирилган бўлиб, улар сон қийматига эга (чизиқ тагида келтирилади). Чизмадаги сонларнинг ҳар бири ўзаро нисбатларда интервалларнинг маълум хиллини ташкил этади.

Интерваллар уч тоифага бўлинадилар: кичик (абъоди суғро), ўртача (абъоди вусто) ва катта (абъоди кубро).

Кичик интерваллардан: фазла ёки бақия (кичик ярим тон) товушлари КИТ — 20:19 нисбатидан; мужаннаб (кичик бутун тон ва катта ярим тон) товушлари ИТ — 10:9, Их Ид — 15:14 нисбатларида; таниний (катта секунда) товушлари ТХ — 9:8 нисбатидадир.

Ўртача интерваллардан: кварта — 20:15, 16:12, 12:9, 8:6, 4:3 нисбатларида бўлган чизма қисмларидан; квинта — 18:12, 15:10, 12:8, 9:6, 6:4, 3:2 нисбатлардаги қисмлардан; октава 20:10, 18:9, 16:8, 14:7, 12:6, 10:5, 8:4, 6:3, 4:2, 2:1 нисбатларни ташкил этган қисмлардан ҳосил этилади.

Катта интерваллар: ундецима — 16:6, 8:3 қисмларидан; дуодецима — 18:6, 15:5, 12:4, 9:3, 6:2, 3:1 қисмларидан; квинтдецима — 20:5, 16:4, 12:3, 8:2, 4:1 нисбатлардаги қисмлардан ҳосил этилади.

Ал-Хусайний ҳар бир интервални таърифлаганда уларнинг аталishi сабабларини кўрсатиб ўтади, ҳамда у ёки бу интервални ташкил этувчи товушлар биргалликда эшитилганда ёқимсиз (диссонанс) ёки ёқимли (консонанс) эканини уқтириб ўтади.

Масалан, кичик интерваллар ҳар иккала товушнинг айнан бир вақтда садолашишини диссонанс деб кўрсатади. Ал-Хусайнийнинг интерваллар масаласидаги фикрлари ўз даврининг музика амалиётини ҳам акс эттиради. Шарқ, айниқса Ўрта Осиё халқ музикасида, куйларни уд, танбур, дутор, гижжак каби созларда чалинганда кварта, квинта, октава, секста ҳамда бошқа консонанс интерваллар айрим ҳолларда ҳам-оҳанг янграйди, созанда диссонансларни ишлатмасликка ҳаракат қилади. Халқ созандалари ҳозирда ҳам дутор, рубоб асбобларини ижро этганларида бунга риоя қиладилар. Интерваллар масаласи яна шунинг учун муҳимки, улар куйларни ҳосил этадиган асосий воситалардир.

«Қонун» асарининг кейинги бобларида интервалларнинг интиқол этиши (обращение) масаласига ҳам ўрин берилган. Бунда мисол учун квартани квинтага, катта секундани септимага айлантирилади.

Асарда интервалларни бир-бирига қўшиш, айириш ва тақсимлашга алоҳида аҳамият берилади. Бу масала муҳим назарий, ҳам амалий аҳамиятга эга бўлиб, кичик интервалларни бир-бирига қўшиш ёки ўртача ва катта тоифага мансуб бўлган интервалларни кичик интервалларга тақсимлаш орқали лад қурилмаларини ташкил этадиган жинс (тетра-хорд ва пентахорд)лар, жамъ (товуш қатор)лар, мақом (лад) лар ва уларнинг шўъбалари ҳосил қилинади.

Масалан, интервалларни қўшишда назарий масалалар оддий математика усулида ечилади. Жумладан, кварта интервалларнинг нисбати 4:3 бўлса, квинтаники 3:2 нисбатидадир. Катта сонлар — каттасига (4 × 3), кичик сонлар — кичигига (3 × 2) кўпайтирилади. Натижа 12:6 нисбатидан, яъни қисқарганда 2:1 — октаванинг нисбати ҳосил бўлади. Шундай қилиб, бу масала юзасидан олинадиган натижа, товуш қатор ва мақомларни ташкил этадиган интонация ва лад тузилмаларни назарий жиҳатдан аниқлаб беради. Бундай нисбатларни эса, ҳозирда товушларнинг бир секунддаги тебранма ҳаракатини ифодаловчи центлар билан мутахассислар тушунчасига ҳавола этиш мумкин.

Масалан, октава — 1200 цент, квинта — 702, кварта — 498, катта секунда — 204, кичик бутун тон — 180, катта ярим тон — 114, кичик ярим тон — 90, комма эса 24 центни ташкил этади.

Ал-Хусайний интервалларнинг катта -кичиклик даражасини бир-биридан айириш ва тақсимлаш воситаси билан аниқлаб берган эди. Бу масала ҳам, ўз даврида жуда катта амалий аҳамият касб этган эди.

Ал-Хусайнийнинг дostonлар (соз пардаларининг ўрни)ни аниқлашга бағишланган боби ҳам муаллифнинг ўз ихтироси эди. Унинг пардалар ўрнини аниқлашдаги усули ҳам Сафиуддин Урмавий, Маҳмуд Шерозий асарларида тубдан фарқ қилади. Пардалар ўрнини у, мустақил равишда, геометрия қондалари асосида шундай ҳал қилганки, ҳатто Жомийнинг рисоласидаги усулдан ҳам фарқ қилади. Ал-Хусайний 17 поғонали октава чегарасидаги товуш қаторни ўзига хос услубда ҳосил қилган. Лекин, олинган натижа мазкур муаллифларникидан фарқ этмайди.

Муаллиф чолғу торнинг ярмидан 17 поғонали товуш қатор ўрнини белгилаб, уни уд асбобига татбиқ қилади ва мазкур интервалларнинг соzлардан чиқариб олиш мумкин бўлган турли пардалари ўрнини ҳарфий ифодалар воситаси билан кўрсатиб ўтади.

Шуни алоҳида айтиш лозимки, ёқимсиз интервал (диссонанс)лар ҳосил бўлиш сабаблари бобида ал-Хусайний ўз замонасидаги музикавий-эстетик қарашларни, музикавий амалиётни акс эттиради. Сент билан олганда катта секунда таркибида $0+90+114$ бирикмаси ёки кварта таркибида $0 - 408 - 588$ шаклида тузилган товуш қаторлар, кварта поғоналарида икки ёки уч кичик тон келиши эшитилиш нуқтани назаридан номатлубдир.

«Ёқимли интерваллар тузиш» бобида ал-Хусайний катта интерваллар диапазолида товуш қаторлар — ладни ташкил этадиган тетраҳорд ва пентаҳорд ҳамда ладлар ташкил этиш устида фикр юритади. Товуш қаторларни ташкил этишда, уларнинг таркибидаги товушлар ўзаро мақбул бўлган нисбатларда бўлиши ҳисобга олиниши лозим. Бунда ал-Хусайний музика назарияси ва амалиётидаги қонуниятларни ҳисобга олиб, кварта диапазолидаги товуш поғоналарининг 7 навини, кварта диапазолидаги товуш поғоналарининг 13 навини келтиради. Квартанинг етти навининг ҳар бири 13 нав квинта товуш поғоналарига бирма-бир қўшиб чиқилиб, товуш қаторларининг 91 нави ($7 \times 13 = 91$) ҳосил этилади.

Буларнинг кўплари ўрта аср Шарқ халқлари музикасида ишлатилган ладларнинг асосини ташкил этади. Булар орасида натурал ладларнинг турли хилларини учратиш мумкин.

Товуш қаторларининг бу 91 тури Жомий рисолаида ҳам берилмаган бўлиб, «Қонун» асарида жуда аниқ қилиб ишланган жадвалда келтирилади.

Зайнулбиддин Ўн икки мақом (Дувоздаҳмақом) системасига ҳам кенг ўрин ажратади. Бу ерда мақом лад маъносидида ишлатилиб, соzлар дастасидаги пардалардан ҳосил этиладиган муайян товуш қаторлар, куй ҳаракат йўлига боғлиқ бўлган лад қурилмалари кўзда тутилади. Ўн икки мақом ва уларнинг шўъбалари, овоза деб номланган турлари мазкур товуш қаторларининг 91 навидан ажратиб олинган бўлиб, XIII—XV асрда машҳур бўлган музика асарларининг лад асослари эди.

Ал-Хусайний Ўн икки мақомларни қуйидаги тартибда келтиради: Ушшоқ, Наво, Абу Салик, Рост, Хусайний, Ҳижозий, Роҳавий, Зангула, Ироқ, Исфаҳон, Зирафқанд, Бузург. Асарда бу мақомларнинг товуш қаторлари келтирилади, мазкур товуш қаторлар 91 турининг қайси бирига тўғри келиши кўрсатилади, ҳар бир мақомни доира шаклида ҳам тасвирланади. Утминда мақомлар доиралар деб ҳам аталган (доираи Ушшоқ, доираи Бузург — Ушшоқ ва Бузург доиралари каби).

Ўрта асрларда Шарқ музикасида мақом ва ритм доираларини ўрганадиган махсус илм бўлган ҳамда «илми адвор» («доиралар илми»)

деб номланган. Ал-Хусайний мақом доираларини келтирганида турли сўёҳларда мақом товуш қаторларидаги кварта ва квинта поғоналари ҳосил этини имкони бўлган товушларни бирлаштиради (бундай доиралар фақат Урмавийдагина учрайди). Ал-Хусайнийнинг «Қонун» «Илми адвор» ҳақида аниқ тасаввур бергани учун ҳам алоҳида аҳамиятга эга.

«Қонун» рисоласида мақомларнинг 24 шўъбаси, 6 овозалар ҳам кенг шарҳланган.

Мақом системаси масаласи Жомийнинг мазкур рисоласида ва бошқа асарларда ёритилганини ҳисобга олиб, бу ерда муфассал тўхтаб ўтилмади³.

Лекин «Қонун» китобида бошқа манбаларда кам учрайдиган бир ажойиб доира келтирилган. Бунда ал-Хусайний Ҳн икки мақом товуш қаторларини жойлаштиради ҳамда мақомларнинг ўзаро яқинлик муносабатларини кўргазмали қилиб тушунтириб беради. Бундан, ўтмишдаги баъзи мақомлар қайси принципда бир-бирига бирлаштирилганлигини нисбатан англаб олса бўлади.

Ал-Хусайнийнинг рисоласидаги яна бир фазилат шуки, унда мақом, шўъба ва овозларнинг товуш қаторлари уд сози тор ва пардаларидагина эмас, балки XV аср созандалари томонидан қўлланилган дуторга ҳам татбиқ этилиб тушунтирилади. Бу шунинг учун ҳам муҳимки, ўтмишда ишлатилиб келинган дутор хиллари ҳақида жуда кам маълумотга эгамиз. Ал-Хусайний эса, XV аср дуторининг торлари ва пардалари ҳақида аниқ маълумот беради⁴.

Муаллиф мақомларни уд созига татбиқ этиб тушунтирар экан, бу музика асбобининг торлари, пардалари ва уларнинг оралик нисбатлари ҳақида махсус ҳарфлар ва белгилар орқали аниқ маълумот беради. Ҳатто, мақомлар ва уларнинг шўъбаларини ташкил этган поғоналари уд квартага созланмаган вақтда қандай ҳосил этилиши лозимлиги ҳақида ҳам гапирди. Ал-Хусайний ўз ўтмишдошларининг мулоҳазаларига танқидий қарайди ва баъзи пардалар мақомларни бошланиш парда (тоника)си бўла олмаслигини айтади ва Сафиуддин Урмавий (XIII аср) ҳамда Хўжа Абдулқодир (XIV аср)ларнинг бу борада йўл қўйган хатларини танқид қилади.

Ал-Хусайнийнинг «Қонун»ида охириги 4 боб ритм (иқоъ) масалаларига бағишланади. Бунда ритмларни ташкил этадиган энг кичик бирлиги — нақр (зарб)ларга, ритм туроқлари — сабаб, ватар ва фосилаларга, иқоъ ибораларига таъриф берилади, ритм ўлчовларини тузиш усуллари тушунтирилади. Ритм даврлари (даври иқоъ) ва доиралари (адвори иқоъ)⁵ ҳақида муфассал тўхтаб ўтилади. Шарқ олимларининг музика рисоаларида бу масалага алоҳида ўрин берилган. Чунки, иқоъ — музика асарларининг асосини ташкил этадиган таркибий қисм сифатида қуйидаги товушлар узунлигини белгилаб беради. У доирада ижро этиладиган куй усули ҳамдир, ашулага айтиладиган шеър текстларининг ўлчовини белгилаб берадиган восита ҳамдир.

Шу сабабли XIII—XV аср олимларининг музика рисоаларида келтириладиган ритм ўлчовлари, асосан фарқ этмайди.

Сафиуддин Урмавий, Маҳмуд Шерозий, Абдурахмон Жомий асарларида бўлганидек, ал-Хусайний «Қонун»ида ҳам Сақили Аввал, Сақили Соний, Хафифи Сақил, Сақили Рамал, Рамали Хафиф ва бошқа-

³ Абдурахман Джами, Ҳша асар, 32—49, 82—103 бетлар; И. Ражабов, «Мақомлар масаласига доир», Тошкент, 1963 ва ҳоказо.

⁴ И. Р. Ражабов, Трактаты о музыке..., Ташкент, 1954, стр. 295—296 (унинг қўлёзмаси Ҳамза номили Санъатшунослик институти кутубхонасида сақланмоқда).

⁵ «Иқоъ» сўзи арабча «Воқеъ этиш», «юзага келтириш» маъноларида ритм ўлчовларидан ташқари, куйни чолғу асбоблар воситасида рўёбга чиқариш ифодаси ҳамдир.

лар келтирилади. Асарнинг икки боби бизгача етиб келмагани учун «иқоъ» масаласи тўлиқ эмас. Лекин, шубҳасиз, «Қонун»нинг бу камчилиги Жомийнинг рисоласи воситаси билан тўлдирилиши мумкин (қ: Абдурахмон Жомий, Уша асар, 50—64-бетлар).

Зайнулобиддин ал-Хусайнийнинг «Қонун» асари XV аср музыка амалиёти ва назариясининг жуда кўп бошқа масалаларини тушунишга ҳам ёрдам беради. Бу ноёб ёдгорликда замонасидаги музикавий ҳаёт, музикавий-эстетик қарашлар, музыка амалиёти билан боғлиқ бўлган қатор масалалар акс этган. Муаллиф ўз мулоҳазаларини содда, равои форс (тожик) тилида тушунарли услубда изоҳлайди, ўқувчига осон етиб борадиган зўр қўлланма беради.

Ал-Хусайний музиканинг назарий асосларини ёритар экан у нағма, бўъд, жинс, жамъ, мақом, иқоъ масалаларини киши таъбиға мос келиш-келмаслиги, уларни тинглаганда кишида ҳосил бўладиган кайфият нуқтан назаридан энг мақбул деб топилган қисмидан фойдаланишга ундайди.

Лекин ал-Хусайнийнинг бу асари ҳалигача кам ўрганилган. Унинг таржимасини янгидан босмага тайёрлаб, илмий шарҳ билан чоп қилиниши музика—шарқшунослик фанмиизининг жуда катта ютуғи ҳамда ўзбек-тожик халқлари музика меросини ўрганишда муҳим босқични ташкил этган бўлурди.

Т. С. ВЫЗГО

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МИНИАТЮРАХ РУКОПИСЕЙ XIV — НАЧАЛА XVI ВЕКА

Перелистывая страницы старинных манускриптов, мы обнаруживаем большое количество живописных миниатюр, изображающих сцены с участием музыкантов. В сценах дворцовых приемов и интимных вечеринок, в картинах ожесточенных сражений и торжественных выездов, в лирических эпизодах встречи влюбленных — везде музыка выступает активной участницей событий. Объединившись в небольшие ансамбли, музыканты исполняют инструментальные пьесы, аккомпанируют певцам, декламаторам, танцовщицам. Художник показывает их охваченными экстазом или, наоборот, сосредоточенными и подчеркнуто сдержанными. Мастерски выполненные миниатюры XV—XVI вв. дают наглядное представление о музыкальных инструментах эпохи и в какой-то мере — о месте музыки в жизни средневекового общества.

При образе жизни, характерном для крупных тимуридских городов, спрос на музыку был велик. Самаркандские певцы и инструменталисты пользовались такой славой, что беки и вельможи других областей Мавераннахра привозили их на устраиваемые у себя торжества¹.

Музыканты, обслуживавшие городские торжества, пиры, семейные праздники горожан, объединялись в корпорации, наподобие европейских цехов, но с менее четкой технической и экономической регламентацией².

История сохранила имена выдающихся музыкантов, виртуозно игравших на популярных в то время инструментах. Они выступали на маджлисах — литературных вечерах аристократии. В мемуарах Васифи, например, описывается ночной маджлис в Герате, устроенный в богато оформленном и иллюминированном саду, где среди роз и кипарисов возвышались изящные павильоны, а на лужайках, окаймленных журчащими ручьями, были разостланы ковры³. Среди приглашенных музыкантов были Хасан Нан, Куль-Мухаммед Ули, Хасан Балабони, Ахмед Гиджаки, Али Кучак Танбури. В другом месте мемуаров Васифи упомянуты замечательный виртуоз-канунист Мирза Байрам — «совершенство красоты, остроумия и красноречия», дойрист Хонзаде Бульбуль, талантливый исполнитель и автор многих мелодий Ходжа Абдулла Марварид, принадлежавший к числу гератских вельмож⁴. Имена превосходных

¹ А. Ю. Якубовский. Мавераннахр и Хорасан при Тимуридах, История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, 1955, стр. 340.

² О. И. Галеркина. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв. по данным миниатюр ленинградских собраний. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М.—Л., 1951, стр. 12—13.

³ А. Н. Болдырев. Алишер Навои в рассказах современников, в сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 134.

⁴ А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества, в сб. «Алишер Навои», стр. 325, 378.

исполнителей музыкальных произведений на уде, нае, гиджаке, кануне приводятся в мемуарах Бабура⁵.

Сведений о музыкальном быте сельского населения не сохранилось. Но несомненно, что высокий для своего времени уровень музыкальной культуры города не мог не опираться на глубокие традиции народного (в том числе крестьянского) творчества.

Как и в предыдущие века, развитие музыкальной практики в тимуридскую эпоху шло параллельно с развитием музыкальной науки. Ее блестящими представителями были выдающийся поэт и мыслитель Абдурахман Джами (1414--1492)⁶ и «шейх» музыкальных теоретиков Абдул Кадыр. К этому времени относится и создание «Музыкального канона» ал-Хусейни.

Теоретики тимуридской эпохи уделяют музыкальным инструментам специальные главы своих трактатов. Главное место по традиции отводилось уду со всеми деталями его конструкции и способами настройки. Другие инструменты в большинстве трактатов получают лишь краткую характеристику либо просто упоминаются. Источники свидетельствуют об устойчивости определенных типов музыкального инструментария.

Данные трактатов получают убедительное подкрепление в книжной миниатюре. Роль этого источника тем более велика, что при всей своей условности средневековая восточная миниатюра отражала реальные особенности общего стиля эпохи. Это помогает нам восстановить некоторые черты музыкального быта того времени.

Миниатюры говорят о большом разнообразии музыкального инструментария. Особенно богата группа струнных, включающая различные лютии (с короткой и длинной шейкой), арфы, струнно-смычковые и центробразные инструменты.

Представителем лютии с короткой шейкой выступает уд, исключительно широко распространенный на всей территории Тимуридского государства. На миниатюрах разных художественных школ (Герата, Самарканда, Бухары, Тебриза, Шираз) уд сохраняет свой типичный облик. Он всегда наделен большим грушевидным корпусом и короткой шейкой, заканчивающейся характерно отогнутой назад головкой. Струны не везде видны, но судя по колкам, уд тимуридской эпохи имел чаще всего пять двойных (или «парных») струн.

При неизменности основных показателей допускались некоторые различия в трактовке формы корпуса. В большинстве случаев он имеет округлый вид. Таким представлен уд на миниатюре из списка сочинений Низами 1481/82 г.⁷, где хорошо видны колки (по пяти с каждой стороны шейки), подставка для струн и плектр в руках музыканта (рис. 1, 1). Инструмент аналогичной формы изображен на тебризской миниатюре из списка сочинений Рашид ад-Дина 1400 г., хранящегося в Национальной библиотеке в Париже⁸. Здесь ясно обозначены пять двойных струн, а также круглые резонаторные отверстия, наподобие розеток (рис. 1, 2).

⁵ Бабур-наме. Пер. М. Салье, Ташкент, 1948, стр. 213, 228.

⁶ См. Абдурахман Джами. Трактат о музыке. Пер. с перс. А. Н. Болдырева. Редакция и комментарии В. М. Бедяева, Ташкент, 1960.

⁷ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, инв. № 338. Г. А. Пугаченкова относит миниатюры названной рукописи предположительно к Гератской школе. См. ее работу «К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI вв. по данным миниатюр», Труды САГУ, вып. LXXXI, кн. 12, 1956, стр. 103.

⁸ А. У. Порс. A survey of Persian Art, v. V, London, 1938, pl. 850.

Более вытянута форма корпуса уда на миниатюре из списка «Искандер-наме» Ахмади 1522/23 г.⁹, где он вместе с флейтой и дойрой образует ансамбль, сопровождающий танец девушки с кастаньетами (рис. 2). Эта сценка составляет фрагмент многофигурной композиции «Пиршество в саду». Художник хорошо передал эмоциональный подъем музыкантов, объединенных порывом творческого вдохновения.

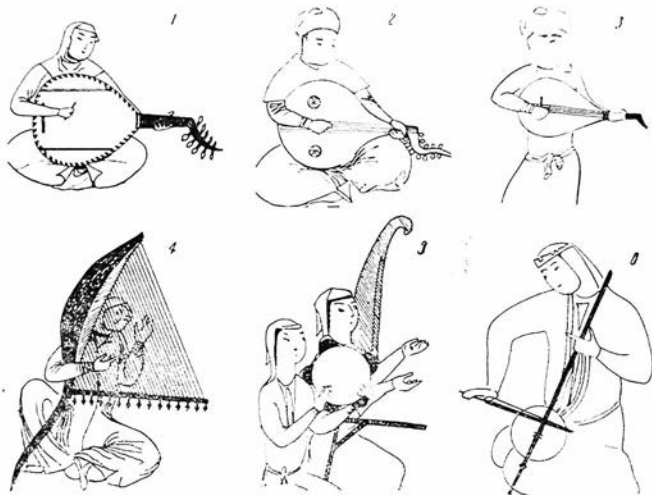

Рис. 1.

1—фрагмент миниатюры из списка сочинений Низами 1481/82 г. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; 2—фрагмент миниатюры из списка сочинений Рашид ад-Дина 1400 г. Тебризская школа. Национальная библиотека Парижа; 3—фрагмент миниатюры из списка «Шахнаме» 1445 г. Рукопись Ленинградского отделения Института народов Азии, № 1654, л. 393; 4—фрагмент миниатюры из списка «Шахнаме» середины XV в. Гератская школа. Рукопись Ленинградского отделения Института народов Азии, № 822, л. 378; 5—фрагмент миниатюры из списка «Хамсы» Низами 1579/80 г. Бухарская школа. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, № 2726; 6—фрагмент миниатюры из списка «Хосров и Ширин» начала XV в. Самаркандская школа. Музей изящных искусств Бостона.

Несколько особняком стоит изображение уда на иллюстрациях к «Шах-наме» в списке 1445 г.¹⁰ Здесь воспроизведен известный эпизод игры знаменитого придворного музыканта Барбада перед Хосровом и Ширин. В отличие от других изображений, удист играет стоя, и инструмент в его руках несколько иной формы (рис. 1, 3). Возможно, здесь воспроизведен прямой предшественник уда — барбат. Предположение не лишено основания, поскольку Барбад славился игрой именно на барбате (отсюда, очевидно, и прозвище его, вошедшее в историю как имя собственное)¹¹. И если к XVI в. стало забываться старое название инстру-

⁹ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, инв. № 566, л. 23.

¹⁰ Ленинградское отделение Института народов Азии, инв. № 1654, л. 393 г.

¹¹ По Талиби, Барбад — уроженец Мерва. См. A. Christensen. *l'Iran sous les sassanides*, Copenhague, 1944, p. 484.

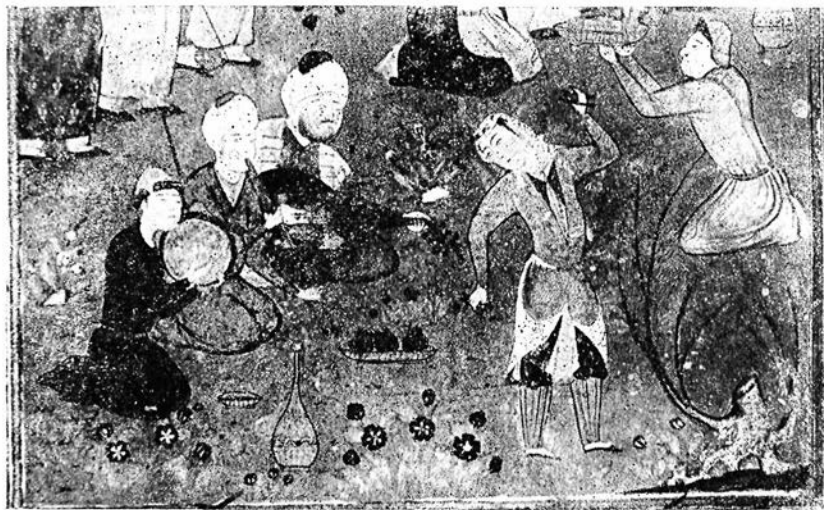

Рис. 2. Фрагмент миниатюры из списка „Искандер-наме“ Ахмади 1522/23 г. Гератская школа. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

мента — барбат, то совершенно очевидно, что сам он продолжал еще существовать. Иначе изображение его вряд ли могло появиться на страницах манускриптов того времени.

Характерно, что все уды на миниатюрах XIV—XVI вв. не имеют ладов. Между тем еще Фараби утверждал, что на шейке уда расположены четыре лада (парда), соответственно четырем (играющим) пальцам левой руки¹². Не результат ли это эволюции уда в промежуток между X и XIV вв.? Однако такому предположению противоречат трактаты теоретиков того же времени, в которых уд всегда фигурирует в качестве ладкового инструмента. Число ладов постепенно увеличивается. Если у Фараби уд имел четыре лада, то у Сафи ад-Дина (XIII в.) — их уже семь¹³. В трактате Ширази (XIII—XIV вв.) «О науке музыки» описаны восемь ладов уда¹⁴. Они перечисляются и в посвященном музыке разделе энциклопедии Амоли (XIV в.)¹⁵. У него же мы находим любопытное указание, что каждая из разных по настройке струн уда имеет свою пару (т. е. струну, настроенную в унисон), благодаря чему усиливается красота и сочность тона¹⁶.

Очевидно, художники просто не считали нужным столь скрупулезно воспроизводить все конструктивные детали инструмента. Но возможно и другое: в практике народного музицирования могли использоваться инструменты, несколько отличные от тех, которые употреблялись учеными для опытов и теоретических исследований. Интересно, что уд, сохранившийся до наших дней в музыкальном быту некоторых народов (например, армян) тоже не имеет ладов¹⁷.

На миниатюрах тимуридских рукописей часто встречаются изображения чанга (арфа). Это инструмент треугольной формы с деревянной или пергаментной декор, снабженный большим количеством струн. Число их доходило до 26 и более¹⁸. Играли на чанге пальцами обеих рук, опирая инструмент угловой частью о землю (при помощи специальной ножки). Хороший образец чанга содержит список «Шах-наме» середины XV в.¹⁹, миниатюры которого типичны для восточной части Ирана²⁰. С чангом в руках скачет Азаде, сопровождающая Бахрам Гура в охоте на ланей (рис. 3); на нем она играет, услаждая слух отдыхающего шаха (рис. 1, 4). Хорошо просматриваются 14 струн, колки для натяжения, характерно выгнутый резонатор и ножка для опоры инструмента.

На бухарской миниатюре из списка «Хамсы» Низами 1579/80 г., воспроизводящей сцену свадьбы Искандера и Раушан, арфистка и дойристка аккомпанируют танцовщице²¹. Струн не видно, но они угадыва-

¹² R. d'Erlanger. La musique arabe, II, I. II, Paris, 1930, p. 166.

¹³ H. G. Farmer. Islam. Musikgeschichte in Bildern, B. III, Leipzig (6. r.), S. 96, Fig. 81.

¹⁴ И. Р. Раджабов. К истории нотной письменности на Востоке, *Общественные науки в Узбекистане*, 1962, № 10, стр. 34.

¹⁵ Амоли. Трактат по музыке из персидской энциклопедии. Пер. с перс. А. А. Семенова. Институт искусствоведения им. Хамзы, инв. № 110а, 1935, л. 55.

¹⁶ Там же, л. 54.

¹⁷ Атлас музыкальных инструментов народов СССР, М., 1963, стр. 89—90, рис. 418.

¹⁸ А. А. Семенов. Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али. Ташкент, 1946, стр. 17.

¹⁹ Ленинградское отделение Института народов Азии, инв. № 822, л. 378 г.

²⁰ Л. Т. Гюзальян и М. М. Дьяконов. Рукописи «Шах-наме» в ленинградских собраниях. Л., 1934, стр. 22.

²¹ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, инв. № 272, л. 2026.

ются благодаря специфическим движениям пальцев музыкантши (рис. 1, 5)²².

Схожие инструменты можно обнаружить на множестве миниатюр XV—XVI вв. Варьируют лишь размеры чанга и число струн²³.

Рис. 3. Фрагмент миниатюры из списка «Шахнаме» середины XV в. Восточно-иранская школа. Ленинградское отделение Института народов Азии, № С-822, л. 365.

В астрологических концепциях древнего Востока чангу отводилось почетное место. Это был инструмент «небесного музыканта» — планеты Венеры (Зухра), которая считалась покровительницей всех музыкантов.

²² Среднеазиатские миниатюры XVI—XVIII вв., М., 1964, табл. 28.

²³ См. ркп. № 9989 Института востоковедения АН УзССР, л. 134, 165, 213; ркп. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС, № 81, л. 746. См. также: Iran. Persian miniatures. Imperial library. Preface B. Gray. Introduction A. Godart, New-York, 1956, pl. XXIII; I. S t c h o u k i n e. Les peintures des manuscrits timurides, Paris, 1954, pl. XXVI, XLVII, LXXXIV.

Возможно, в связи с этим чанг получил столь широкое отражение в изобразительном искусстве. В иллюстрациях к «Шах-наме» разного времени множество раз повторяется известный эпизод охоты Бахрам Гура на ланей. Варьируют только детали: Азаде со своим инструментом то сидит на верблюде позади своего повелителя, то скачет рядом с ним на лошади²⁴.

Алишер Навои по-своему воспроизвел эту древнюю легенду. Но, изменив имя героини (Диларам вместо Азаде), поэт оставил ей все тот же чанг — олицетворение всепоскоряющей силы музыки. Поэтически образно и вместе с тем технически точно описывает Навои форму чанга:

Мы вспомним феникса, на чанг взглянув:
Всю чашу выдолбил чудесный клюв

В ней дырочки сквозные — то проход
Для тонких струн... Какой мудрец сочтет

Число всех звуков, что звенят вокруг²⁵

Прекрасной иллюстрацией к этим стихам может служить миниатюра из списка сочинений Навои 1527 г.²⁶

На большинстве миниатюр чанг выступает вместе с дойрой, создающей ритмический аккомпанемент к мелодии струнного инструмента²⁷. Этот ансамбль встречается во многих лирических сценах, воспроизводящих посещение Бахрам Гуром дворцов царевен или связанных с образом принцессы Ширин. В живописном воплощении поэтического образа прекрасной Ширин чанг становится одним из средств характеристики юной героини, ее «лейттемой».

После XVII в. чанг, столь любимый поэтами и музыкантами средневекового Востока, многократно запечатленный в творениях художников, постепенно уходит из музыкальной жизни народов Средней Азии. Трудно сказать, что послужило тому причиной, как, впрочем, объяснить исчезновение уда с территории тех стран, с которыми связаны самые ранние этапы его многовековой истории.

Исключительное единообразие внешнего вида свойственно струнно-смычковому инструменту — гиджаку, устойчиво сохраняющему свою конструкцию на протяжении веков. Этот инструмент на миниатюрах XIV—XVI вв. очень близко напоминает современный узбекский и таджикский гиджак, отличаясь от него лишь более длинной шейкой. Типичной формы гиджак видим мы на поэтической миниатюре из списка «Хосров и Ширин» начала XV в., относимой Г. А. Пугаченковой к Самаркандской школе²⁸.

Царевич, полулежа на ковре, внимательно слушает игру гиджакистки, исполняющей, судя по настроению участников этой сценки, какую-то лирическую пьесу. Гиджак имеет кругообразный корпус и длинную шейку. Корпус прикреплен к стержню, нижний конец которого заострен и служит ножкой для упора инструмента в пол (рис. 1, б). В правой руке

²⁴ А. У. Роре. *Op. cit.*, pl. 664, 672, 679.

²⁵ Алишер Навои. Семь планет. Пер. С. Липкина, Ташкент, 1968, стр. 50.

²⁶ A. Sakisian. *La miniature persane du XII au XVII siècle*, Bruxelles, 1929, pl. LXVI, fig. 114.

²⁷ См.: I. Stchoukine. *Op. cit.*, pl. XIX, LXX, LXXVII; F. R. Martin. *The miniature, painting and painters of Persia, India and Turkey from the 8th to the 18th Century*. II, London, 1912, pl. 53, 9j; A. Sakisian. *Op. cit.*, pl. LXIV, fig. 110; pl. LXV, fig. 112.

²⁸ Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии, стр. 101—102.

музыкантши смычок, состоящий из короткого древка с прикрепленной к нему прядью конских волос. Количество струн неразлично, но по аналогии с другими изображениями того времени можно думать, что и у данного гиджака их две.

Подобный инструмент изображен и на бухарской миниатюре середины XVI в., где он выступает в ансамбле с чангом²⁹.

Труды средневековых ученых содержат интересные сведения по технологии изготовления музыкальных инструментов. Г. Г. Фармер, опираясь на немецкий перевод трактата Ахмеда-оглы Шукрулла³⁰ (1402—1404), приводит следующие данные: корпус гиджака — бронзовый, шейка — из миндального, орехового или черного дерева; древко смычка должно быть длиной в полторы пяди; две струны настроены в квинту³¹.

В трактате Абдул Кадыра (XV в.) содержится описание кеманчи. Автор утверждает, что корпус ее, похожий на половину шара, делается из скорлупы кокосового ореха и что инструмент звучит лучше, если обе его струны — шелковые. Настроены они обычно в кварту, но возможны и другие настройки. Согласно Абдул Кадыру, кеманча и гиджак однотипны, но последний имеет несколько больший деревянный корпус. Дека этих инструментов делалась из кожи³².

В анонимном трактате середины XIV в. «Kanp al-tuhaf» («Сокровищница редкостей») к описаниям инструментовов приложены схемы. Среди них есть и двухструнный гиджак. Рисунок четко выявляет характерные детали его формы. Автор приводит те же данные по технологии изготовления гиджака: корпус — из бронзы с кожаной мембраной; шейка — из миндального, орехового или, еще лучше, черного дерева; струны (зир и хад) настроены в квинту; смычок — из конских волос (их должно быть не меньше девяти и не больше сорока)³³. На приложенной схеме с нижней стороны корпуса гиджака выступает стержень, упирающийся во время игры в пол. Верхний конец шейки переходит в головку, на которой закреплены колки для натяжения струн.

Такой же гиджак изображен на иллюстрации Бехзада к «Хамсе» Амира Хосрова Дехлеви (список 1485 г.) и на гератской миниатюре начала XV в.³⁴ На одной из миниатюр сефевидской школы гиджак имеет небольшой четырехугольный корпус³⁵.

Обычно гиджак выступал в ансамбле с арфой, удом, рубабом, сопровождаемый дойрой. Певучая кантилена смычкового инструмента хорошо сочеталась с легким коротким звуком щипковых. Такие ансамбли мы встречаем и на бухарских миниатюрах XVI в.³⁶

Игра на смычковых инструментах имеет в Средней Азии и Восточном Иране очень древние и глубокие корни. В одном из литературных источников греко-бактрийского времени — философском диалоге («Миллинда — паньха»), датированном II в. до н. э., сохранилось описание струнного инструмента с перечнем его частей и упоминание о смычке³⁷.

Обобщая исторические данные, современный немецкий исследователь В. Бахман приходит к выводу, что родина смычковых инструмен-

²⁹ Б. П. Денике. Живопись Ирана, М., 1958, рис. 46.

³⁰ W. Friedrich. Die älteste türkische Beschreibung von Musikinstrumenten aus dem Anfang des 15. Jahrhunderts, Breslau, 1944.

³¹ H. G. Farmer. Islam, p. 112.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 98.

³⁴ F. R. Martin. Op. cit., pl. 51, 76.

³⁵ A. Sakistan. Op. cit., pl. XXX, fig. 141.

³⁶ Среднеазиатские миниатюры XVI—XVIII вв., табл. 20, 44.

³⁷ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 26.

тов — Средняя Азия³⁸. Миниатюры тимуридского времени подтверждают устойчивое бытование гиджака, к XIV в. уже обладавшего вполне сложившейся конструкцией, не подвергшейся изменениям в последующие века. Интересно, что большая часть изображений гиджака приходится на работы гератских и бухарских художников, тогда как в миниатюре западногератских школ этот инструмент встречается гораздо реже.

Здесь охарактеризовано лишь три музыкальных инструмента из отраженных в миниатюрной живописи тимуридской эпохи. Рамки данной статьи не позволяют охватить остальные инструменты — танбуры, рубабы, многострунный канун, духовые инструменты (най, сурнай, карнай), а также ударные (литавры, барабаны, тарелки, кастаньеты). Изучение этого обширного материала будет способствовать более глубокому проникновению в сферу духовной жизни и художественного мышления исследуемой эпохи и позволит полнее оценить огромный вклад народов Средней Азии и всего Востока в мировую музыкальную культуру.

³⁸ Werner Bachman. Die Anfänge des Streichinstrumentenspiels, Leipzig, 1946 (Цит. по: В. С. Виноградов. Музыка Советского Востока, М., 1968, стр. 27).

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
С ГОРОДИЩА АХСИКЕТ XIV—XVI ВЕКОВ

Городище Ахсикет в Ахсикетском районе Наманганской области УзССР — крупнейший памятник Ферганской долины, своего рода Афрасиаб оазиса. Изучение его началось еще до Октябрьской революции (Н. И. Веселовский — 1895, Ж. Кастанье — 1914) и продолжено в советское время (работы 1939, 1960 гг.). Но лишь с 1967 г. специальный отряд под общим руководством проф. Я. Г. Гулямова ведет здесь стационарные археологические раскопки. Цель их — изучение городища в историко-археологическом и топографическом отношениях, а также исследование ирригационных сооружений, ремесленного производства и других вопросов, связанных с развитием городов Средней Азии¹.

Работами 1967—1968 гг. выявлено, что руины Ахсикета включают три территориально обособленных разновременных городища: античное, домонгольское и городище XIV—XVII вв., условно названное нами тимуридским.

Античное городище расположено рядом с домонгольским городом, а тимуридское — в нескольких километрах к западу, по течению р. Сырдарья.

Античное городище сильно разрушено при разборке земли на хозяйственные нужды, и изучить его будет довольно трудно. Но без этого невозможно выявить динамику развития города и причины сложения его в более позднее время не на руинах античного городища, а рядом с ним.

Домонгольский Ахсикет дошел до нас в более или менее удовлетворительной сохранности, хотя и его остатки подвергались разрушению.

Хуже обстоит дело с городищем тимуридского времени. Часть территории его освоена под жилье, часть распахана и осталась лишь труднодоступные места, также подвергающиеся разрушению.

Изучение всех трех городищ одинаково важно для воссоздания исторической картины развития города и градостроительной культуры Ферганы в целом. Поэтому раскопочные работы ведутся на каждом городище, а также на территории рабада, где уже раскопана женская баня.

Здесь мы вкратце остановимся на первых итогах изучения городища тимуридского времени, которое находится на территории колхоза им. К. Маркса, в местности Яккайингит, в сельсовете Ахсы.

Тимуридский Ахсикет, как и домонгольский, расположен вдоль высокого обрывистого берега Сырдарьи и занимает площадь около 100 га. Характерная черта его — отсутствие мощных крепостных укреплений. Это объясняется, видимо, наличием здесь высоких обрывистых берегов реки и естественных оврагов, особенно вокруг цитадели. Возможно, городище имело невысокие городские стены вдоль обрывов, увенчанные парапетами, однако они не сохранились. Нельзя восстановить полностью и былую территорию городища из-за разрушения части его водами Сырдарьи.

Исследования оставшейся части уже дали некоторые общие представления о тимуридском городе. В нескольких местах заложены шурфы, произведены зачатки отдельных участков оврагов, где в разрезах выявлены культурные слои, хозяйственные ямы, бадрабы.

Установлено, что городище возникло во второй половине XIV в. на руинах какого-то поселения X—XII вв., которое местами перекрывает слои античного времени. Последний этап жизни городища датируется керамикой и монетами периода Кокандского ханства. Особый интерес представляет комплекс керамики XV—XVII вв., выявленный впервые в Фергане.

В Наманганском музее хранится небольшое количество фрагментов керамики XV в., добытых работниками музея при разведке городища Ахсикет². Археологические работы 1967—1968 гг. дали довольно богатый и

¹ Историю изучения городища см.: Н. А. Хараров. Исследования городища Ахсикет 1960 г., *Общественные науки в Узбекистане*, 1962, № 8, стр. 53; Ю. Г. Чуланов. Городище Ахсикет, *Советская археология*, 1963, № 3, стр. 204.

² Ю. Г. Чуланов. Указ. статья, стр. 204.

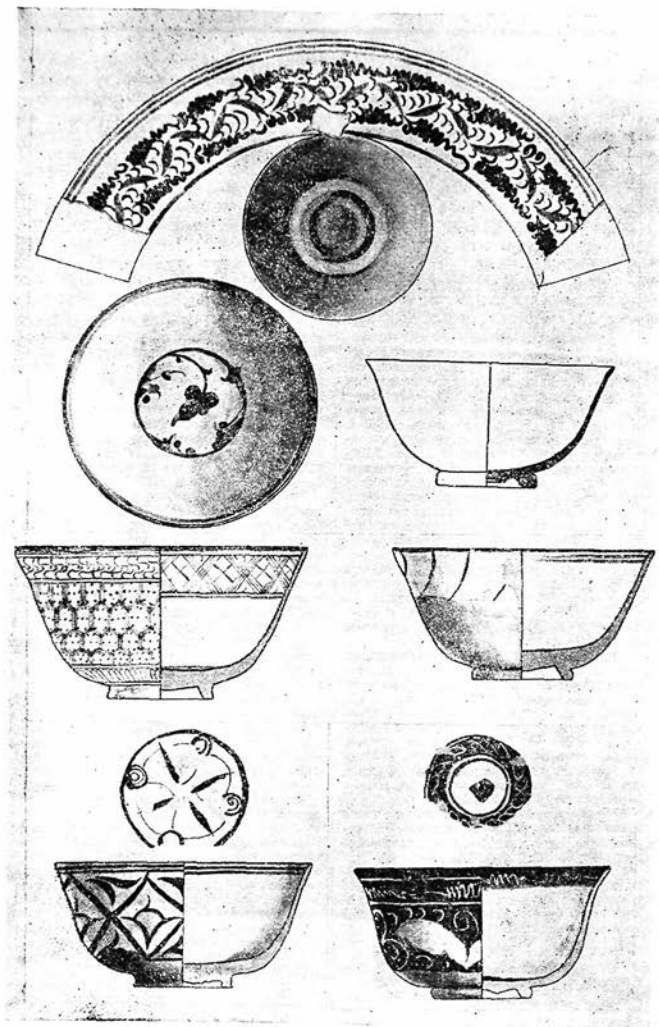

Рис. 1. Образцы художественной керамики из тимуридного Ахсикета.

разнообразный по форме и орнаментации глазурованный керамический материал. В частности, найдены чаши, блюда, тарелки, кувшины, горшки и др.

Чаши имеют высокий кольцевой поддон с плавной отходящими стенками, принимающими у основания полусферические очертания, которые у закраины слегка отгибаются наружу (диаметр венчика—20—22 см, высота—9—10 см, диаметр донца—7—8 см, толщина стенок—0,4—0,8 см). Тесто чаш, как и других керамических форм, розового цвета; встречаются и сероглиняные изделия.

Блюда обычно плоские, а тарелки глубокие. Они имеют маленькое дно. Высота блюд—4—5 см, диаметр венчика—31—32 см, диаметр донца—9 см, причем они плоские, с небольшим углублением внутрь. Высота тарелок—7 см, диаметр венчика—26 см, диаметр донца—9—10 см. Как правило, они имеют кольцевой поддон толщиной до 2 см.

Чаши покрыты с внутренней и внешней сторон белой поливой поверх красного ангоба. Орнамент выполнен синей краской с фиолетовым оттенком, а также черной, темно-коричневой и зеленой. Чаще встречается черная краска с зеленой. Синий цвет использован самостоятельно для передачи рисунка на белом и зеленовато-белом фоне. Особенно богато орнаментированы чаши снаружи, причем рисунок не повторяет орнаментацию внутренней стороны. Мотивы орнаментации в большинстве растительного характера. Они выступают в сочетании с геометрическими мотивами, которые редко встречаются самостоятельно. Блюда, как правило, глазуруются только с внутренней стороны. Полина белая, гу-

стая. Краска та же, что и у чаш. Орнаментальные мотивы здесь тоже располагаются в центре и по краям изделия.

Тарелки покрыты глазурию не только изнутри, но и частично с внешней стороны, где орнамент отсутствует, зато на внутренней поверхности рисунок заполняет все пространство. Мотивы орнаментации в основном те же, что и у чаш.

Обнаружены также фрагменты глазурованных широкогорлых и узкогорлых кувшинов, ваз и детские игрушки—кочкоры с сильно закругленными рогами, покрытые глазурию.

Для керамических изделий тимуридского Ахсикета характерны прежде всего стандартность размеров чаш, тарелок, блюд, а также орнаментации. Растительные мотивы более реалистичны, чем на керамике XII—XIII вв.

Керамические находки с тимуридского городища относятся к XV—XVII вв. и находят широкие аналогии среди опубликованного и неопубликованного керамического материала Средней Азии³.

Двухгодичное изучение городища Ахсикет тимуридского времени показывает, что перед нами руины некогда большого, экономически развитого городского центра, возникшего в конце XIV в. и просуществовавшего по XVII в. Керамический материал свидетельствует о высоком уровне ремесленного производства, шагавшего вровень с такими центрами, как Самарканд, Мерв и др.

Вместе с тем он открывает новые страницы в истории керамического производства средневековой Ферганы.

И. Ахраров

КОЛЛЕКЦИЯ БРОНЗОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ XIV—НАЧАЛА XV ВЕКА ИЗ САМАРКАНДА

В феврале 1969 г. в связи со строительством в Самарканде на площади Регистан здания Республиканского музея истории культуры и искусства Институт истории и археологии АН УзССР и Музей истории народов Узбекистана организовали археологический надзор за культурными наслоениями, извлекаемыми из строительного котлована, площадь которого превышает 7 тыс. м². Наблюдения и раскопки¹ дали ряд ценных материалов для истории Регистана и Самарканда в целом. В частности, была обнаружена уникальная группа бронзовых художественных изделий из ремесленной мастерской медника и ювелира.

Мастерская выявлена под мощной толщей подземных культурных наслоений на глубине 8 м от уровня современной днев-

ной поверхности. Верхний пласт ее примерно на 0,5—0,8 м поврежден механизмами, сдвинувшими культурный слой и снявшими

³ См., напр.: И. А. Сухарев. Два блюда XV в. из Самарканда, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 47; Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв., Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 400; Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVIII вв.), Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 334; О. В. Обельченко. Городища Старого Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г., Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 309. На неопубликованного материала можно отметить большой и интересный сбор керамики в личной коллекции археолога С. Н. Юренина (Бухара) и керамический материал Ташкентского археологического отряда.

¹ В состав отряда, проводившего исследование, входили ст. и. с. Ю. Ф. Буряков, мл. и. с. О. Ибрагимъев, Р. Равианов, Э. Ю. Бурякова.

часть бронзовых изделий. Мастерская частично повреждена и ямой XVI в., прорезавшей слой с бронзовыми сосудами и ремесленным отвалом.

Археологическим раскопом на площади 10 м² вскрыт полутораметровый слой, в котором расчищено скопление из 36 бронзовых изделий, лежавших на небольшой разрушенной металлургической печи.

Судя по абрису закраин футировки печи, ее диаметр достигал 0,8—1 м. Стенки печи несут следы повторного, после долгого использования, ремонта рядом кирпичиков и слоем огнеупорной глины с обильной шамотной примесью.

От долгого пребывания в земле сосуды сильно пострадали, местами они утратили декор, слой густой патины скрыл орнамент. Однако даже предварительная выборочная расчистка показывает тонкость резьбы и разнообразие приемов обработки: чеканка сочетается с филигранной резьбой, нанесением черни, инкрустацией золотом, серебром и красной медью.

Самую большую группу сосудов (свыше 20 экз.) составляют кувшины (рис. 1, 1, 7). Они имеют высокую цилиндрическую горловину со слегка отогнутой наружу закраиной, овально-округлое тулово с призматической нижней половиной и колцевой, рас-

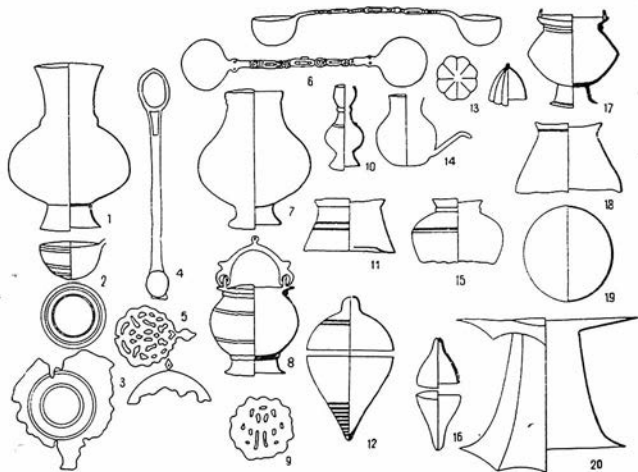

Рис. 1. Типы бронзовых художественных изделий, найденных на Регистане (Самарканд).

Близ печи найдено небольшое количество шлаков, позволяющих предположить, что здесь производилась окончательная обработка черновых металлов, содержащих медь и свинцово-серебряный глет².

Всего в печи найдено более 60 бронзовых изделий на разных стадиях обработки, что позволяет проследить этапы изготовления определенных форм металлургических сосудов и охарактеризовать мастерство самаркандских медников и ювелиров описываемого времени.

² Предварительное определение шлаков дано по внешним признакам; шлаки зеленого и печеночно-коричневого цвета.

ширяющийся раструбом к низу поддон. Изпод венчика на самую широкую точку тулова опускается фигурная ручка.

Фрагментарная сохранность ряда сосудов позволяет определить, из каких элементов составлялся кувшин. Отдельно изготовляли горловину с венчиком. Соединение ее с плечиком декорировали выпуклым валиком. Тулово формировали из двух половинок, верхняя из которых округлая, нижняя — призматическая, донце-раструб также изготовляли отдельно; ручку крепили с помощью заклепок-гвоздиков.

При близких пропорциях кувшины имеют массу вариантов вследствие различных размеров отдельных элементов. Высота варьирует от 18 до 26 см, устье — 6,5—10,5

диаметр тулова — 13—20, а поддон — 8,5—10,5 см.

Подобные вариации позволяли создавать как стройные кувшины с нешироким устьем, так и массивные приземистые сосуды.

Фигурная ручка также имеет несколько вариантов, зависевших от пропорции сосуда. Изгиб ее колеблется от S-образной формы до вопросительного знака, в разрезе она имеет то форму прямого стержня, то сочетание округло-уплощенных форм, в верхней части плоской стороной наружу, в нижней — округлой.

Верхняя часть ручки завершалась обычно треугольным расширением, напоминающим головку змеи; нижний конец часто имеет листовидную форму. Среди обнаруженных изделий частично или полностью украшено примерно 6 сосудов, из которых нами расчищен один кувшин. Это одноручный сосуд из золотистой бронзы, высотой 21 см. Украшения его (чеканка и инкрустация серебром и медью) располагаются горизонтальными поясами. Закраина оторочена невысоким поясом и надписью. Ниже по горловине — орнамент, сочетающий медальоны с серебряными пальметтами, спаренные изображения сирен с лицами людей и туловищами птиц, ноги сидящей человеческой фигуры, растительные побеги. Завершает верхнюю композиционную группу двойной поясok S-образных фигур, составляющих сплошную плетенку.

Орнаментация тулова также разбивается на несколько поясов. Верхний занимает надпись, перемежающаяся с круглыми медальонами с бегущим и зооморфными (?) мотивами. Основной пояс составляет многоплановая композиция со сценами охоты, беседы, пира. Сцены строятся на геометрическом и растительном фоне. Здесь изображены мужские и женские фигуры с нимбом над головой, сидящие на тахте с решетчатой спинкой. Позы традиционны, с определенными атрибутами в руках (плод, чаша, кубок). Изображен также всадник, охотящийся с собакой.

Двойная горизонтальная полоска отделяет от основной композиции нижний пояс в виде радиально расходящихся от поддона булавовидных фигур. Раструб кольцевого поддона также украшен чеканным пояском.

На одном из кувшинов верхний пояс тулова украшен надписью из набитых по верху тулова тонких листочков золота, а поле ниже усеяно серебряными пятнами.

Кувшины, не подвергавшиеся декорировке, интересны тем, что на горловине или тулове их видны следы грубо нанесенной (еще не прочитанной) повторяющейся надписи; возможно, это имена мастера, заказчика или владельца мастерской.

Вторую характерную группу комплекса составляют семь небольших котелков шаровидной формы с выделенным венчиком, кольцевым поддоном, с раструбом и поднимающейся над устьем поперечной фигурной ручкой с петелькой (рис. 1, 8, 17). Высота

сосудов 10—11 см, диаметр тулова в самой широкой части — 11—12 см. Форма сосудов — точная копия известного гератского бронзового котелка XII в.³, но меньших размеров. Тулово также украшено несколькими поясами надписей и медальонов, детальный анализ которых возможен лишь после камеральной обработки сосудов. Отметим лишь, что вершины некоторых букв несут зооморфные завершения.

Большую группу (10 экз.) составляют биконические полые подставки восьмигранной формы (рис. 1, 20). Они имеют почти горизонтально отогнутый наружу верхний раструб с резко очерченными острыми краями, плавно расширяющееся книзу тулово, заканчивающееся также гранистым основанием с более мелкими гранями, чем у вершины. Общая высота их колеблется от 14,5 до 16 см, но преобладают 15,5—16 см, диаметр оснований — 22—26 см.

Все подставки покрыты чеканкой, некоторые инкрустированы красной медью. Орнамент покрывает как верх подставки, так и боковые грани, преимущественно в два пояса: верхний — медальон, нижний — надписи, расчлененные по основанию тулова также медальонами.

Даже без камеральной обработки на некоторых подставках видно чередование круглых медальонов с геометрической плетенкой и медальонов из растительных побегов, в которые вплетены отдельные слова надписей.

Не совсем ясно назначение бронзовых шаров, составленных из двух половинок (рис. 1, 19). Всего найдено 19 шаров, 14 из которых — диаметром 12 см, остальные — 10,5 см. С обеих сторон их сделаны небольшие металлические летки.

Из индийских изделий в первую очередь следует описать округлую ажурную крышечку из золотистой бронзы (рис. 1, 3). Она украшена сквозной филигранной резьбой, черной и инкрустацией серебром и золотом. Декор строится concentрическими поясами вокруг центральной композиции. Последняя изображает выполненную серебром фигуру сидящего с поджатыми ногами на троне молодого мужчины в тюрко-монгольском головном уборе с круглым повершием, в кафтане и шароварах из цветной ткани и в мягкой обуви. Левая рука опущена на бедро, правая с кубком поднята к груди. Фигура показана в фас, но лицо слегка повернуто влево от зрителя. Вокруг головы — нимб. Трон на высоких ножках с чашевидными раструбами вверх. Вокруг — сквозная ажурная резьба непре-

³ Н. И. Веселовский. Гератский бронзовый котелок 559 г. х. (1163 г. н. э.) из собрания А. А. Бобринского. Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою археологическою комиссией, № 33, СПб., 1910.

равного растительного побега. В центре изображения, вероятно в более позднее время, пробито отверстие и грубо вделана петля для подвешивания крышки. Композиция заключена в меандровый пояс, исполненный серебром с легким чернением. Ниже располагается пояс серебряных растительных побегов ислими, завершающихся листиками. В него влетают круглые медальоны с выполюнными золотом изображениями бегущца.

Следующий меандровый пояс отделяет новую, фрагментарно сохранившуюся композицию, составленную из шести медальонов среди непрерывных растительных побегов с завитками листьев и стеблей. В медальонах изображены фигуры в легком повороте или в фас. Это сидящий юноша с бокалом в руке, вероятно из окружения центрального персонажа; юноша, бьющий в бубен, поднятый на уровень груди; юноша, играющий на флейте. Их головные уборы имеют форму тубетейки. Головы юношей также окружены нимбами. От остальных трех фигур сохранились либо головные уборы, либо края медальонов, в которые были заключены фигуры. В орнамент фона здесь тоже влетают медальоны с золотыми изображениями бегущца.

Из мелких поделок интересна десертная ложечка с небольшим миндалевидным резервуаром и длинной ручкой с навершием (рис. 1, 4). Она покрыта сложным узором тончайшей серебряной нити. Вместе с ней найден бронзовый ковш округлой формы с диаметром устья 8 см (рис. 1, 2). К нему крепилась ручка в виде призматического стержня. Тулово ковша снаружи покрыто тонким узором серебряной нити в несколько концентрических поясов. Верхний, разрозненный, состоял, вероятно, из надписей и круглых медальонов, следующие два пояса — меандр, а в центре — узел счастья в той форме, которая широко распространена на монетах Тимура.

Среди находок привлекает внимание крупный котел (очевидно, изготовленный из красной меди) в форме полушара с диаметром устья чуть более 50 см. Стенки сосуда очень тонки — 0,5 мм, по плечу проходит гофрированный пояс. С двух сторон котел имел массивные фигурные стержни, к которым крепились кольцевидные ручки. Снаружи котел покрыт густым слоем копоти, свидетельствующей о принадлежности его хозяйню мастерской.

Следует отметить также два изделия, напоминающих крупные сосуды для курения опиума, расчитанные на большую группу курильщиков. Они имеют цилиндрическую, слегка расширенную вверх горловину, биконическое тулово, узкие концы которого соединены в середине, причем место соединения декорировано массивным валиком, и доща в виде широкой чаши с вогнутым поддоном, стоявшей на 6 ножках-выступах. В нижней части горловины укреплены

ажурные бронзовые решетки (рис. 1, 5, 9) на железной цепочке.

Любопытна находка двух сосудов сферо-конической формы. Один — бронзовый, высотой 18,5 см; венчик не просверлен, место отверстия закрыто медной петлей, прикрепленной к железному стержню (рис. 1, 12). Второй сосуд (рис. 1, 16), миниатюрных размеров, отлит из свинца в форме с неглубоким рельефом орнамента в четыре пояса. В основном это растительный и геометрический орнамент и лишь внизу даны вертикальные полосы и завитки, отдаленно напоминающие медные инкрустированные пластины в нижних частях кувшинов.

Остальные находки представлены небольшими тонкостенными кувшинчиками, горшочками, крышечками узкогорлых чайникообразных сосудов.

Основная группа изделий представляет, на наш взгляд, партию готовой продукции медника, переданной на обработку художнику по металлу. Находка их рядом с небольшой печью для обработки меди и серебро-свинцовой руды может говорить о сосредоточении здесь полного цикла работ по изготовлению и украшению художественной металлической посуды.

Таким образом, перед нами остатки уникальной, фактически впервые обнаруженной на Среднем Востоке, мастерской, в определенной мере датированной и позволяющей судить об этапах производства художественных металлических изделий.

В орнаментации бронзовых сосудов основное место, наряду с чеканкой, занимает инкрустация серебром и золотом. Проводилась она преимущественно способом холодной набойки: серебряные буквы, изображения и медные пластинки вбивали в подготовленную предварительно резцом глубокую основу; золотые буквы подпихи вырезали из тонкого листового золота и набивали сверху. Поэтому ко времени раскопа они сильно пострадали и почти целиком осыпались.

Гораздо лучше сохранились массивные серебряные изображения (фигуры пирующего царя и его окружения). Вероятно, первоначально набивали серебряную пластину, а затем, уже на месте, вырезали фигуры, детали костюмов и проч.

В горячем виде, надо полагать, использовались нити серебра для изображения тончайшего непрерывного орнамента-меандра, горизонтальных линий, сложного узора.

Некоторые изделия можно отнести к предметам, использованным ремесленниками в быту и производстве. Это большой котел кухонно-хозяйственного назначения, бронзовый и свинцовый сферо-конические сосуды.

Датировка и определение круга взаимосвязи изделий данной коллекции требуют полной камеральной обработки материала и широкого участия в изучении его искусствоведами и чалеграфами. Без специального

анализа нельзя с уверенностью говорить о единовременности изготовления всех сосудов.

Форма некоторых изделий, в частности граненых подставок⁴, котелков с ручкой⁵, характерна для периода XII—начала XIII в. В это время в торговке некоторых районов Востока широко используются изобразительные композиции со сценами пира, беседы, охоты, надписи, завершающиеся звериными головками, растительный орнамент. Близок к изделиям того времени сам характер рисунка на наших сосудах⁶ и традиционная тематика парных изображений в медальоне, в частности сирен⁷.

Вместе с тем наши изделия несут ряд элементов, находящихся аналогию в сосудах конца XIII—XIV в. В первую очередь здесь следует остановиться на композиции крышечки, в частности на ее центральном персонаже. Она имеет точную аналогию с изображениями на бронзовой шкатулке из Берлинского музея, приведенными Н. И. Веселовским по фото С. Ф. Ольденбурга, особенно с композицией на ее поперечной стенке⁸. Аналогичны и оформление сцены меандровым поясом, и трон на ножках, завершающихся раструбами. Здесь встречаются такие же бегунцы, как и на нашей крышечке. Шкатулка не датирована, но некоторые ее элементы находят сходство с изображениями на татарских монетах XIV в. и русских—XV в.⁹ Более определенную аналогию орнамента кувшинов и крышечки дают бронзовые подсвечники из Берлинского музея. Это круги с бегунцом, S-образные повторения, превращенные в витую нить, сцены с участием людей, надписи, веренища букв, которые завершаются зооморфными и антропоморфными головками¹⁰.

Возвращаясь к центральному персонажу на крышечке, следует обратить внимание на его головной убор тюрко-монгольского типа, характерный для конца XIII—XIV в.

Меандровый пояс, окружающий изображение, также широко распространяется именно с этого времени. В Самарканде он широко используется в кашинной глазурованной керамике XV в., в частности в находках на Регистане. Кроме того, описываемые изображения находят тесную аналогию в сирийском художественном ремесле XIII—XIV вв., включая росписи по стеклу¹¹.

При характеристике комплекса следует вспомнить и анализ А. А. Ивановым эволюции украшений персидских бронзовых изделий. Автор отмечает, что с 40-х годов XIV в. начинается замена растительного фона геометрическим¹². Это характерно и для наших изделий. На кувшине с изображением сцены пира и охоты используется геометрический фон, мы видим его и на некоторых котелках с ручкой.

Наконец, следует обратить внимание на материалы, сопровождающие бронзовые изделия. В футировке печи, на руинах которой лежали сосуды, встречен вторично использованный облицовочный кирпичик в виде усеченной призмы, покрытый темно-синей глазурью. Известно, что он получил распространение с XIV в.

Керамический материал включает два комплекса. Первый представлен фрагментами блюд с подглазурным процарапанным орнаментом под темно-зеленой глазурью, обломком чаши с коричневым линейным орнаментом под мутно-белой глазурью, а также чирогом голубой поливы. Эти сосуды характерны для XI—начала XIII в. Вторая группа состоит из фрагментов кашинных сосудов с кобальтовой росписью и глиняных сосудов с тонкой мягкой прорисовкой черных завитков растительного орнамента по белому фону. Эти сосуды характерны для конца XIII—XIV в.¹³

Находка сосудов первой группы объясняется тем, что печь медника была врыта в слои XI—XII вв. Бронзовым сосудам синхронны кирпичик с темно-синей глазурью и керамика конца XIV—начала XV в. Этим временем предварительно и следует датировать художественную коллекцию бронзовых изделий. Расположение последних в восточной части Регистана неслучайно. Как показывают материалы раскопок, ремесленные мастерские находились там уже с эпохи раннего средневековья.

При Тимуре и Тимуридах наблюдается разрастание ремесленных кварталов вокруг Регистана вследствие благоприятных по сравнению с предшествующим периодом экономических условий, развития ремеслен-

¹¹ I. R. Vavra. Das Glas und die Jahrtausend, Prag, 1951, S. 63.

¹² А. А. Иванов. О принципах датировки медных и бронзовых изделий Ирана XV—XVIII вв., Труды Государственного Эрмитажа, т. V, Л., 1957, стр. 27.

¹³ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в., Труды САГУ им. В. И. Ленина, вып. XII, Ташкент, 1950, стр. 31.

⁴ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempel. История искусства Узбекистана, М., 1965, табл. 242. В коллекции Музея истории народов Узбекистана хранится бронзовая подставка из городища Минг-Урюк в Ташкенте, найденная нами в слое, четко датированном (монетой Мухаммада Хорезм-шаха) началом XIII в.

⁵ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 6—14; История таджикского народа, т. 2, кн. 1, М., 1964, стр. 261.

⁶ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempel. Указ. соч., табл. 221.

⁷ Памятники искусств Узбекистана, рис. 16, 17.

⁸ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 21—22.

⁹ Там же, стр. 23.

¹⁰ Henrich Glück und Ernst Diez. Die Kunst der Islam, Berlin, 1925, S. 457.

ных школ в самом Самарканде и широкого притока мастеров из других стран. Эти факторы во многом способствовали обога-

щению мастерства самаркандских торевтов конца XIV—XV в.

Ю. Ф. Буряков

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА XV — НАЧАЛА XVI ВЕКА ИЗ ТАШКЕНТА

В связи с широкой реконструкцией и разветвлением крупного строительства в Ташкенте за последнее время значительно оживились археологические изыскания. При Институте истории и археологии АН УзССР создан специальный Ташкентский археологический отряд. В его задачи входит и изучение памятников материальной культуры эпохи Тимура и Тимуридов, в том числе керамики как одного из важнейших показателей уровня материальной культуры минувших эпох.

Проведенные в 1967—1968 гг. раскопные работы дали большой комплекс керамики XV—XVI вв. Основной материал получен с территории бывшего шахристана Бинкета, перерезанной ныне траншеей Тахтапульского канализационного коллектора. Культурные слои здесь сильно нарушены позднейшим обживанием, и стратиграфию пришлось восстанавливать расчищая сохранившиеся в лёссе бадрабы¹, которые дали интересные археологически целые формы керамической посуды².

Керамический материал можно датировать началом XV—второй половиной XVI в.

Наиболее интересный материал дал северный разрез коллектора. Здесь обнаружено множество чаш и блюд. Чаши типа больших глубоких каса имеют кольцевые поддоны и украшены как с внутренней, так и с внешней стороны. Наряду с глиняными изделиями встречаются (правда, гораздо, реже) фрагменты кашинной посуды. Это в основном небольшие чашки и блюда.

Блюда в основном грубоватой выделки, на кольцевых поддонах с отогнутым бортиком. Преобладают чаши и блюда типа «кобальт», но есть и черно-серая разрисовка по голубому фону или марганцевым цветом по белому.

Орнамент в основном растительный: побеги, листья, цветы, ягоды, изредка на дне геометрическая лучевая розетка. Внешняя сторона чаш также покрыта поливой и орнаментирована, но орнамент здесь в основном упрощенный — геометрический или

сильно стилизованный растительный. Приведем некоторые типичные образцы керамики XV—XVI вв.

1. Фрагмент глубокого блюда типа тарелки. Блюдо из светлой, тонкодисперсной глины хорошего обжига; диаметр — 32 см, высота — примерно 13—15 см, бортик утолщен и отогнут наружу. Дно не сохранилось. Полива грязновато-белого цвета. В центре — круг, заполненный по ободку каймой из отдельных листьев с закрученными спиралью черешками, обращенными к центру блюда. Четыре расположенных накрест листа бирюзовые, остальные синие. Затем по окружности расположены два орнаментальных пояса. Первый охватывает центральный круг и разделен на четыре части: четыре картуша, между которыми на синем фоне расположены четыре четырехлепестковых цветка, окруженных спиралью закрученными кругами, по два с обеих сторон цветка. Наконец, по бортику проходит кайма из стилизованных плодов с небольшими листочками. Они чередуются в следующем порядке: два синих, один бирюзовый и т. д. Блюдо поражает своей декоративностью, четкостью и легкостью узора.

По стилю орнаментации и стратиграфическим данным его можно датировать первой половиной XV в.

2. Большое плоское блюдо на кольцевом поддоне (рис. 1). Черепок в изломе розовый. Стенки пологие, бортик отогнут наружу. Сечение стенок около 1,5 см, диаметр блюда — 42 см, высота — 9 см. Фон грязновато-белый. Орнамент нанесен одним кобальтом и расчленен на четыре части. Центральная часть — в круге розетка из восьми радиально расходящихся лепестков, четыре из них оканчиваются «кустиками» листьев. Центральную часть окружают 9 идущих по кругу арочек, между которыми (как внутри, так и сверху над арочками) расположены пучки листьев. В 3-м круге свободно размещены десять стилизованных «пучков» листьев. По бортику идет сильно стилизованный растительный побег.

В целом блюдо орнаментально несколько перегружено, но очень своеобразно и декоративно.

3. Самый распространенный тип керамических изделий — большие глубокие чаши типа касы на устойчивом кольцевом поддоне (рис. 2, 1—3). Диаметр 17—21 см, черепок желтый или розоватый, обжиг хороший.

Орнаментация чаш различна, но в основном подчинена одному принципу — орнаментирован центр и по самому верху проходит синяя или голубая полоса. Поверхность чаш покрыта белой поливой с голу-

¹ М. И. Филанович. Полевой отчет о стратиграфических работах на территории Бешагачской «дахы», Шейхантаурской «дахы» Ташкента и об археологических раскопках в траншее центрального Тахтапульского коллектора с 24 января по 4 марта 1968 г. Машинопись. Рукописный фонд ИИА АН УзССР.

² Работы на этом участке вели археологи М. И. Филанович и Л. Л. Рвельдзев.

боватым, сероватым или желтоватым оттенком, причем снаружи полива немного не доходит до поддона. Внешняя часть

геометрическими полосами, кругами, арочками, напоминающими пчелиные соты, а также побегами или пучками листьев.

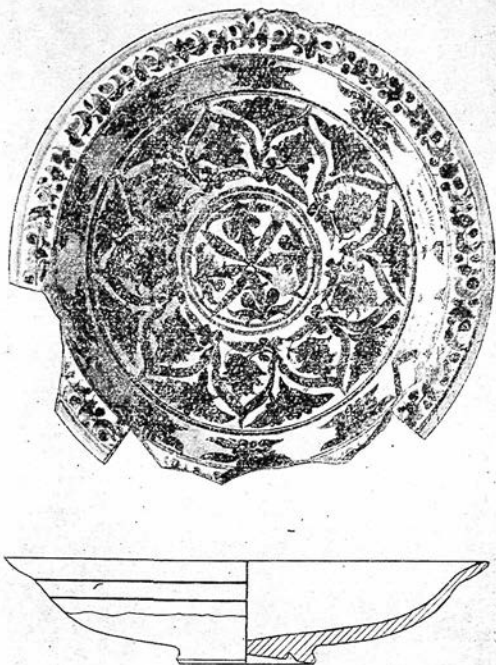

Рис. 1. Художественно расписанная тарелка. Ташкент. Стадион „Спартак“. Коллектор южного разреза.

часто орнаментирована более пышно, чем внутренняя.

Наиболее типичное оформление дна чаш — один побег или цветок типа лилии на изогнутом стебле с листьями, непременно вписанный в круг. Реже в центральном круге размещаются геометрические розетки, нанесенные синей, иногда бирюзовой, черной или марганцевой краской. Орнамент на внешней стороне представлен

4. Небольшие чашки типа пиал. Диаметр — 10—13 см. Одна из них (рис. 2, 4) сделана из желтоватой глины и покрыта голубоватой поливой с орнаментом в виде вихревой розетки, нанесенной синей краской. С внешней стороны — стилизованный побег с продолговатыми листьями и цветами. В орнаментации чаш прослеживается огрубение и упрощение орнамента, ухудшение качества поливы. Этот комплекс

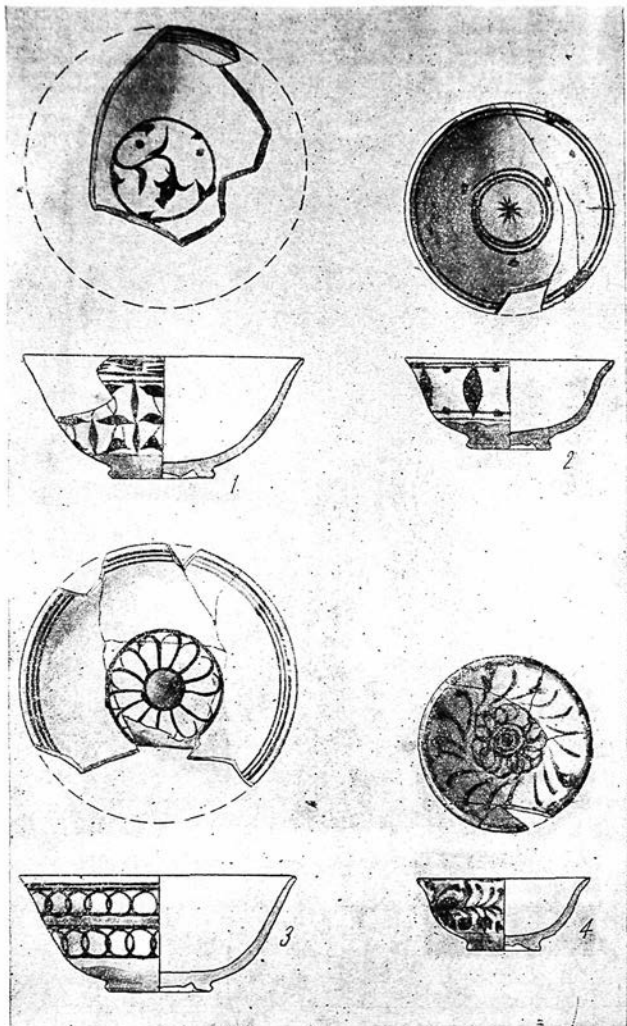

Рис. 2. Образцы чаш и пиа. Ташкент. Стадион „Спартак“ Коллектор северного разреза.

видимо, относится к концу XV — началу XVI в.

Описанная орнаментация больших чаш характерна и для керамики Самарканда XV в.³ Много общего с нею по стилю орнаментации имеют и блюда⁴. Но в отличие от самаркандской керамики, в Ташкенте пока не встречена посуда с зооморфными сюжетами.

Ташкентская керамика тимуридской поры имеет некоторые локальные отличия (особенности выделки, способы орнаментации, стиль орнамента), позволяющие говорить о ташкентской школе керамистов, которая зародилась уже в X в., а может быть еще раньше. Керамика XV—XVI вв. лишь продолжает эти традиции.

Д. Вархотова

НОВЫЕ СБОРЫ ТИМУРИДСКОЙ КЕРАМИКИ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

К числу интересных памятников эпохи Тимуридов относятся остатки Мерва XV в. (ныне городища Абдуллахан-кала и Байрам-Али-хан-кала). В отличие от многих других городов он слагался на новом месте и был заранее спланирован согласно градостроительным принципам того времени. Историческую топографию Мерва XV в. исследовал еще В. А. Жуковский. По-новому, позволили взглянуть на многие аспекты истории Мерва XV в. работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, О. В. Обельченко). Большой интерес представляет, в частности, изучение мервской керамики.

В 1950 г. Г. А. Пугаченкова совершенно справедливо отмечала, что керамика эпохи Тимура и Тимуридов изучена «едва ли не хуже, чем для других столетий» и что литература по данному вопросу крайне скудна. После появления двух статей Г. А. Пугаченковой, посвященных обзору керамики Нисы¹ и Самарканда², тематика эта снова на долгое время почти выпала из поля зрения исследователей. Еще меньше повезло в этом отношении керамике Мерва XV в. Она лишь бегло описана в статье О. В. Обельченко³.

В 1968 г. нам удалось собрать довольно большую коллекцию мервской керамики XV в. (правда, в фрагментарном состоянии). Среди собранного материала преобладали сосуды типа чаш, пиал, тарелок, блюд. Не встречено ни одного черепка бан-

кообразных сосудов или кувшинов. Видимо, эти формы сохранились лишь в небольшой керамике.

Пиалы имеют почти прямые стенки, расширяющиеся вверх к прямому тонкому венчику. Диаметр их обычно 10—12 см, стенки тонкие, 2—4 мм. У глубоких чаш стенки округло изгибаются в средней части либо при переходе к венчику. Венчик прямой, иногда чуть отгибающийся наружу. В последнем случае он даже образует полой узкий (4—6 мм) горизонтальный бортик. Диаметр венчика чаш 12—18 см. Венчики сосудов иногда имеют фестончатое оформление.

У тарелок и блюд широкий (2—2,5 см) уплощенный край. Диаметр их достигает 28—30 см.

Диаметр донца чаш и пиал — 6—11 см. Они имеют разную высоту и обычно довольно высокий кольцевой поддон (0,6—1,3 см), а донца блюд — до 2 см. Толщина стенок сосудов — 0,3—0,7 см, блюд — до 1,3 см в нижней части.

Основная масса керамических изделий представлена кашинovým черепком. Кашин обычно белый, иногда с чуть сероватым оттенком, часто с многочисленными мелкими порами, но встречается и довольно плотный.

Роспись наносилась различными способами — она покрывает то внутреннюю или наружную, то обе стенки сосудов, то ограничивается проведенной внутри или снаружи неширокой полосой орнамента. Часто узкая синяя полоса проходит по самому краю венчика, захватывая и внутренний, и наружный край чаши. Весьма широко применяется проведенная в верхней части лента, ограниченная сверху и снизу тонкими полосками и заполненная внутри либо идущими друг за другом чуть неровными крапинами, либо скобками и расположенными по диагонали крестообразными фигурами. В более широкой полосе, проходящей, скажем, по бортику тарелки, могут присутствовать неровные фигуры, заполненные сетчатым орнаментом, а в промежутках между ними — отдельные растительные завитки.

На большинстве фрагментов орнамент нанесен синей краской по белому фону. Часто нюансы рисунка передаются различными оттенками синего цвета, а не полухромной. Белая прозрачная глазурь нане-

³ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века, Труды САГУ, вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 100, илл. 2.

⁴ И. А. Сухарев. Два блюда XV в. из Самарканда, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 57.

¹ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика XV в. — XVI вв., Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

² Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века, Труды САГУ, Новая серия, вып. XI, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950.

³ О. В. Обельченко. Городища Старого Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г., Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 329—330.

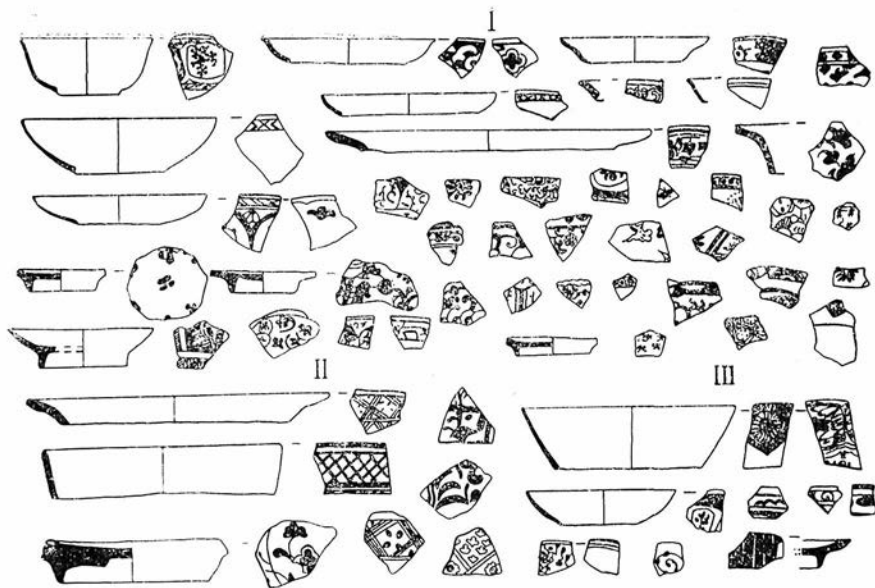

Рис. 1. Фрагменты керамики тимуридского времени из Южного Туркменистана. I — керамика с синим орнаментом на белом фоне (кашши); II — керамика с глиняным черепком; III — керамика с синим и черным орнаментом на белом фоне (кашши).

сена то ровно, то довольно толстым слоем, образуя почти стекловидную поверхность.

Орнаментация на фрагментах стенок сосудов представлена обычно вариантами растительных узоров, в которых иногда можно различить побег с четко очерченным цветком, изогнутыми ветвями, усиками и листьями, но порой узоры доведены до предельной стилизации и образуют сплошное заполнение поверхности изогнутыми в разные стороны условно переданными веточками растений. Очень часто растительные мотивы стилизованы в виде расположенных в разном порядке крапин с отходящими от них тонкими прямыми или изогнутыми веточками. В одном случае встречена явная имитация многострочной, но совершенно не читаемой надписи.

В группе фрагментов мы находим лишь черный орнамент на белом фоне, а на некоторых — сочетание черного и белого орнамента на белом фоне. Краска иногда чуть разливается. Для первой группы это орнамент в виде соприкасающихся друг с другом колец с вписанными в них небрежно размещенными тонкими черточками, мотив пышно стилизованного букета, крупные изогнутые «запятые», разбросанные по донцу сосуда. Остальные мотивы сходны с отмеченными выше росписями синего цвета на белом фоне. Подобное сходство мотивов характерно и для группы керамики, расписанной черным и синим.

Немногочисленную группу составляют фрагменты с росписью синей краской на белом фоне по глиняному черепку. Черепок в изломе желтоватого или серо-желтого цвета. Это фрагменты крупных чаш, блюд и тарелок. Все они толстостенны, несколько грубоваты (толщина стенок от 0,6 до 1,5 см), но цвет синей росписи по белому фону, ее качество и мотивы те же, что и на кашинином черепке. Мастера понимали, что измельченность рисунка не годится для больших плоскостей, и орнамент здесь более крупный, броский. В широких полосах ближе к венчику рисунок имеет вид сплошной косой сетки, либо диагонально идущие перекрещивающиеся полосы оставляют свободными косо расположенные квадраты, в которые вписаны четыре крапины или четыре отдельных штриха. В основном же поле мы видим различно расположенные побеги с крупными листьями, стилизованными цветками и разбросанные крапины и полоски.

Думается, что глазурированная керамика, выполненная в характерных для тимуридского периода тонах на глине и кашине, могла существовать одновременно.

Абсолютно преобладают, как мы уже отметили, фрагменты с кашинином черепком. В Мерве изготовление изделий из кашина известно с XI—XII вв., когда из него выделялись небольшие сосуды и украшения (повдески). В XIII—XIV вв. ассортимент изделий из кашина расширяется. Так, в отвале бракованной продукции у печей того времени найдены фрагменты сосудов типа

пиал, чаш (иногда с фестончатым оформлением венчика), узкогорлых сосудов, чирягов. С XI в. в оформлении этих изделий абсолютно преобладал голубой цвет поливы.

Особую группу составляют фрагменты чаш и пиал с орнаментом, явно подражающим привозным изделиям. Сосуды эти сделаны из кашина иногда не только невысокого качества, но зачастую даже переобожженного до темных оттенков. В росписи их нередко много растекло, нет четкого орнамента. На наружной поверхности стенки роспись часто размещается в больших заovalенных картушах с фестончатым оформлением в верхней или в верхней и нижней частях. Картуши имеют общие боковые стороны. Внизу их обрамляет либо гладкая полоса, либо тонкая полоска, которая определяет заполняющее пространство между картушами тонкий стилизованный растительный орнамент. Внутреннее пространство сплошь заполнено орнаментом в виде тонких веточек и круглых пятен либо дает мотив близко расположенных шестилепестковых цветков. На наиболее выразительном фрагменте растительные элементы как бы струются с места порывом сильного ветра. Несколько раз отмечен мотив крупного многолепесткового цветка с белыми лепестками и большой синей сердцевинкой, обрамленного мишталевидным картушем. Встречаются и иные мотивы (маленькая бабочка с длинными усиками и др.).

Фрагменты привозной керамики немногочисленны. Они отличаются плотным фарфоровым черепком, изяществом формы и в основном небольшими размерами сосудов (диаметр донца — 3,5—5 см, диаметр венчика — 8—12 см, высота кольцевых поддонов — 0,6—1,0 см). Орнамент, выполненный синей краской, тонок и четок, но небольшие размеры фрагментов не позволяют судить о его композиции. Двумя черепками представлены селадоновые сосуды, на одном из них тонкий процарапанный под глазурию орнамент.

В 1968 г. в цитадели на территории двorca, в одной из комнат по восточному фасаду двorca, у сохранившейся на высоту 2 м стены из сырцовых кирпичей (25×25×5,6—6 см), был заложен небольшой шурф (1,5×1,5 м). Возможно, именно здесь располагался вход в комплекс двorca. Этим, очевидно, и объясняется размытость сырцовой кладки на значительную глубину, в связи с чем шурф пришлось вести лишь до глубины 2,6 м. В северном углу шурфа к сырцовой кладке примыкала кладка из жженных кирпичей. Вероятно, здесь находился угол помещения, который и был укреплен жженым кирпичом. Ниже идет кольцо стены высотой 1,2 м из жженных кирпичей разного формата (20×20×4, 25×25×6, 26×26×5, 28×28×5—6 см). На остальной площади шурфа на глубине 50 см проходит слой дресвеной трухи толщиной 10 см и небольшой слой раститель-

ного перегона и золы, а ниже — слой строительного завала с фрагментами сырцовых кирпичей.

мент, выполненный синей, белой и черной краской. Рисунок окаймлен тоненькими черными полосками. Это первый, но важ-

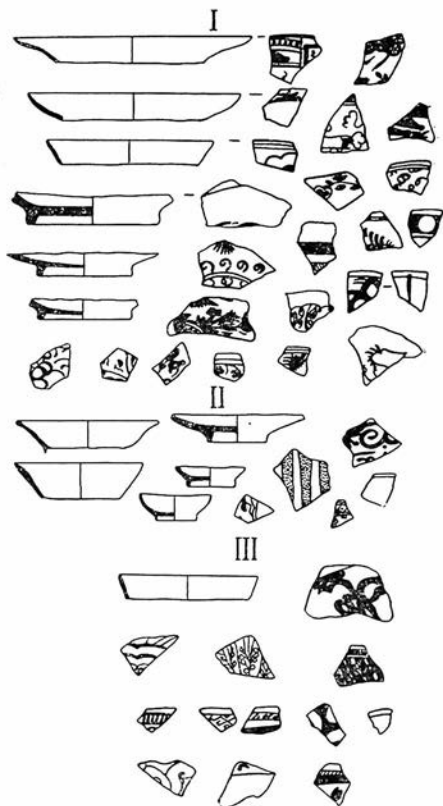

Рис. 2. Фрагменты керамики тимуридского времени из Южного Туркменистана. I — керамика с черным орнаментом на белом фоне (кашини); II — привозная керамика; III — фрагменты керамики из шурфа.

Интересная находка сделана во втором ярусе шурфа — здесь найден фрагмент изразца толщиной 2,5 см, имевший с обратной стороны слой ганча. В изразце на голубом фоне размещен растительный орна-

мент, выполненный синей, белой и черной краской. Рисунок окаймлен тоненькими черными полосками. Это первый, но важ-

ный намек на изразцовую декорацию в оформлении дворца. В первом ярусе шурфа встречались разновременные черепки, а с третьего яруса пошла уже довольно однородная керамика.

жа — фрагменты венчиков и стенок сосудов с синим и черным орнаментом, чаще в сочетании того и другого на белом фоне. Нередко встречается орнамент с радиальной композицией. Особенно интересен небольшой черепок с пейзажным орнаментом, нанесенным тонкими синими полосками. Здесь изображены горы, выглядывающая из-за них луна, плывущее в небе облако и идущая от гор радуга.

На первый взгляд, керамика Мерва тимуридского периода представляет совершенно новое явление. Однако многими своими чертами она связана с развитием здесь гончарного производства в предшествующие периоды. Кольцевые поддоны появляются на керамике Мерва с X в. и безраздельно начинают господствовать в XIII—XIV вв. Изделия из кашина мерские мастера изготовляли уже в XI—XII вв. Желтый и желто-серый цвет черепка глиняных изделий был воспринят от XIII—XIV вв.

Можно проследить и истоки отдельных мотивов орнаментации. Так, разбросанные по дощцу чаши, сгруппированные по 3—4 крупными восходят к излюбленному в Мерве орнаменту X в. Довольно часто встре-

чался в предшествующее время орнамент в виде неровных фигур различных очертаний, заполненных внутри сетчатым рисунком. Завитки из тонких линий с насаженными на них крапинами обычны в подглазурном процарапанном орнаменте XII—начала XIII в. и т. д.

Кобальт широко вошел в керамическое производство Средней Азии с XII—начала XIII в.⁴ и новые цветовые сочетания в керамике XIV—XVI вв. диктовались возможностями использования кобальтовых красок.

Небольшие сборы керамики тимуридского периода с городища Абдулла-хан-када не дают пока возможности в полной мере сопоставить ее с одновременной керамикой других городов. Однако хорошее качество черепка (искусство изготовления кашинного теста складывалось в Мерве веками), разнообразная и зачастую четко выполненная орнаментация позволяют надеяться, что перед нами — одна из своеобразных локальных керамических школ.

С. Б. Лукина

ДЕРЕВЯННЫЙ КЕНОТАФ XV ВЕКА ИЗ КИШЛАКА БЕШИР

В октябре 1967 г. при обследовании архитектурных памятников Кашкадарьинской области мы побывали в горном кишлаке Бешир, в 50 км к северо-востоку от Шахрисабза. Это овеянное легендами место связано с жизнью и деятельностью одного из сподвижников Улугбека — Саид Ахмада, прозванного Беширом.

Местное предание, записанное в Бешире со слов 80-летнего Мавлян-ата сотрудником Кашкадарьинского отделения общества охраны памятников М. И. Исмаиловым, гласит, что Бешир учился в Самарканде, работал вместе с Улугбеком и был его близким другом. Затем он поселился у себя на родине, и здесь его навещал Улугбек.

После смерти Улугбека враги искали Бешира, но друзья предупредили его об опасности, и он скрылся в горах вместе с Али Кушчи, имя которого носит соседний кишлак, где, согласно легенде, и похоронен выдающийся астроном. Бешир с тех пор не бывал в Самарканде и умер примерно в 1461/62 г. Популярность его объясняется ученостью, честностью, скромным, общительным нравом.

По преданию, жители Бешира насыпали над местом погребения Саид Ахмада холм, песок для которого был якобы привезен из других мест. Последнее вряд ли достоверно.

Среди резных мраморных надгробий, разбросанных на вершине холма, имеется одно — с датой 1417 г., прочтенной по нашей фотографии Д. Г. Вороновским. Заросшее фишашковой рощей кладбище сохранило лишь одну постройку — позднюю каркасную мечеть, возведенную, по словам старо-

жилов, над резным деревянным надгробием Бешир-ата, долго простоявшим под открытым небом. Памятников времени Улугбека в Бешире уже нет: в 40-х годах XX в. были разобраны мечеть (ее каменное основание нам показали в кишлаке) и крупный мавзолей с высоким двойным куполом и мозаичной облицовкой.

Мечеть, относимая в учетных списках Главного управления по охране памятников материальной культуры Министерства культуры УзССР, к XVIII в., имеет квадратный план, размеры ее — 9,78 × 9,77 м. Стены каркасные с сырцовым заполнением. Квадратный зал стороны 8,2 м имеет плоское балочное перекрытие, опирающееся на четыре деревянные колонны с резными подбалками. Единственный дверной проем мечети выходит на ветхий айван, вынесенный на 3 м. В окно над дверью оставлена наборная деревянная панджара. В кишлаке считают, что возраст мечети не более 200 лет, т. е. она относится к середине XVIII в. Г. А. Пугаченкова относит деревянные колонны мечети к XV в.¹

⁴ Э. В. Сайко. Краски глазурованной керамики XII—XV вв., Материальная культура Таджикистана, вып. I, Душанбе, 1968, стр. 187.

¹ Г. А. Пугаченкова. Неизвестные архитектурные памятники горных районов Узбекистана, в кн. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. III, Ташкент, 1965, стр. 82—87. План мечети в Бешире (стр. 86, рис. 17) ошибочно аннотирован как «мечеть Дехмуран».

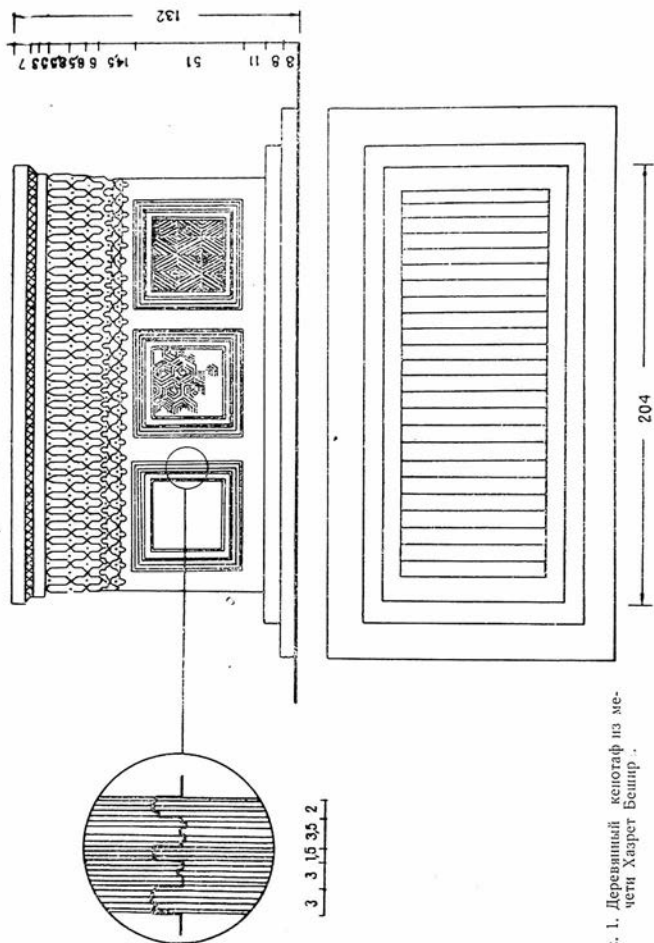

Рис. 1. Деревянный кефир из мечети Хазрет Бешир.

Деревянный кенотаф Хазрети Бешир-ата был установлен внутри мечети. Это весьма оригинальное произведение архитектуры малых форм и прикладного искусства, одно из редчайших в Узбекистане. Здесь известны лишь единичные деревянные надгробия. Это надгробие из гурханы комплекса Имам Маин (XI—XIV вв.), кенотаф Сайфеддина Бохарзи (XIV в.), более поздний кенотаф Мири Араба (30-е годы XVI в.).

Надгробие в Бешире выполнено в характерных для конца XIV—начала XV в. формах, напоминающих большие каменные надгробия тимуровского времени — в мавзолее Хакима ал-Термези и Ходжа Ахмада Ясави. Это крупный параллелепипед (размером в плане 204×84 см, высотой 132 см) на двухступенчатом основании, с плоским верхом и пышной многогранной шарофой, венчающей композицию боковых и торцовых граней.

По длинным сторонам кенотафа врезаны глубокими филенчатыми профилями три квадратных пано (рис. 1), по коротким сторонам — по одному пано. Они заполнены разнообразными гирихами из тонких,

резных, точно подогнанных элементов, приклеенных на месте к доскам остова пустотелого надгробия. Гирихи построены на шестилучевой сетчатой основе, мелкие брусочки закруглены по лицевой стороне, красиво моделируя поверхность наборных пано.

Шестирядный карниз-шарафа устроен из прибитых гвоздями фигурных деревянных плашек зубчатого очертания в трех верхних рядах и в виде мадохилей — в нижних. Вынос карниза образуется накладкой одного слоя плашек над другой. Толщина слоя — до 1 см, так что при высоте карниза около 40 см вынос его невелик — 6—7 см. Верхнюю плиту (обвязку) поддерживает скошенный профилек, покрытый тонкой резьбой занджара.

Простое и сдержанное по формам надгробие производит большое впечатление тонкостью разработки композиции в деталях, пропорциях, технике исполнения. Памятник заслуживает художественной фиксации, консервации и ремонта.

Л. Маньковская

ТЕРМЕЗСКИЙ КЛАД МОНЕТ ТИМУРА И ХАЛИЛ СУЛТАНА

В довольно обширной нумизматической литературе по Средней Азии до сих пор не описано ни одногоклада монет Тимура и Халил Султана. Отсюда вполне понятен наш интерес к кладу монет указанных правителей, обнаруженному в марте 1968 г. колхозником А. Мамараимовым при прокладке арыка в 5 км к северо-востоку от Термеза, на участке 22-й бригады колхоза «40 лет Октября».

Клад помещался в небольшом красноглиняном кувшинчике с одной ручкой и состоял из серебряных монет, часть которых разошлась по рукам, а 150 экз. были переданы учителем школы № 14 Р. Камалетдиновым в Термезский музей. Там они были осмотрены нами и определены как относящиеся к чекану Тимура и Халил Султана. Позднее, при посещении автором этих строк места находки клада (остатки небольшого пригородного селения XIV—начала XV в.), от шофера Н. Джурбаева было получено еще 18 монет.

Итак, в нашем распоряжении оказалось 168 монет. Все они определяются по принадлежности к правителю. Наименование монетного двора четко читается на 87 экз., на девяти — под вопросом, а выпускные данные сохранились на 42 экз. Из общего числа монет удалось выделить более 60 типов. Приведем описание некоторых основных и редких типов.

1. Название города стерто. 793 (1390/91) г. х. Аверс. В линейном круге: سلطان محمود خاننى یرلفى امير تيمور کورکان خلد الله ملكه

По кругу надпись почти стерта, видно лишь... ۷۹۳ سنه ... Реверс. Калима в фигурном картуше и имена четырех первых халифов.

2. Тебриз. 795 (1392/93) г. х. Аверс. В шестилестниковой розетке, заключенной в шестиугольник, читаем:

ضرب سلطان محمود خان خلد ملكه امير تيمور کورکان تبريز خمس و تسعين ...

Реверс. В четырехлестниковой розетке, заключенной в круг, калима и имена четырех первых халифов.

3. Герат. 796 (1393/94) г. х. Аверс. В центральном круге: ضرب فى سنة ست و تسعين و سبعماية هرات

По кругу: [سلطان محمود خان] امير المعظم تيمور کورکان

Реверс. Калима и имена четырех первых халифов.

4. Йезд. 797 (1394/95) г. х. Аверс. В центральном круге: ضرب ۷۹۷ يزد سلطان العظم محمود

По обем сторонам даты шестиконечные звездочки, по кругу: امير المعظم تيمور کورکان خان امير العظم تيمور کورکان اکمنو Реверс. В фигурном картуше калима и имена четырех первых халифов.

Рис. 1. Монеты Тимура и Халил Султана из Термезского клада.

5. Астрабад. Год стерт. Аверс. В линейном круге: سلطان محمود خان
يرلقى امير تيمور كوركان خلد
الله ملكه استراباد
Астрабад* тамга Тимура из трех кружков. Реверс. Калима и имена четырех первых халифов.

6. Баку. Аверс. В фигурном картуше: سلطان محمود خان امير تيمور
كوركان باكو

Реверс. В шестилепестковой розетке, заключенной в круг из перлов, калима и имена четырех первых халифов.

7. Вастан. Год стерт. В многолепестковой розетке: محمود [ضرب سلطان]
خان [امير] تيمور كورگان و سلطان
Реверс. Надпись стерта.

8. Дамган. Год стерт. Аверс. В линейном круге: ضرب دامغان سلطان محمود
خان [امير تيمور كوركان]
Реверс. Калима и имена четырех первых халифов.

9. Кум. Год стерт. Аверс. В центральном двойном линейном круге. По краям круга в овальных картушах: سلطان
محمود خان امير تيمور كوركان
[خلد الله ملكه]

Реверс. Калима и имена четырех первых халифов.

10. Сельмас¹. Год стерт. Аверс. В многолепестковой розетке: ضرب [سلطان]
محمود خان امير تيمور كوركان
خلد الله ملكه سلماتس

Реверс. Калима и имена четырех первых халифов.

11. Тебриз. Год стерт. Аверс. В шестиугольнике, заключенном в круг, — ضرب
سلطان الملك الله تبريز
محمود خان امير تيمور كوركان
Реверс. Калима и имена четырех первых халифов.

12. Хой. Год стерт. Аверс. В линейном и точечном круге: سلطان محمود خان
امير تيمور كوركان خلد الله ملكه
Реверс. В линейном и точечном круге калима, между строками: ضرب خوى

13. С именем наследника престола Мухаммед Султана. Название города и год стерт. Аверс. سلطان محمود خان امير
تيمور كوركان ولي العهد في الزمان
[محمد سلطان خلو ملكه
тамга Тимура. Реверс. В линейном и точечном круге калима и имена четырех первых халифов, в центре: لا اله الا الله

По правителям, от имени которых биты монеты, имеющиеся экземпляры распределяются следующим образом: Мухаммед Суюргатмыш и Тимур — 2, Султан Махмуд и Тимур — 135, Мухаммед Джахангир и Халил Султан — 30, с надчеканом «Шахрух Бехаду» — 1.

Распределение монет по городам: Самарканд — 30, Балх — 2, Герат — 7—1?, Дамган — 1, Астрабад — 1, Керман — 2, Иезд — 8—1?, Шираз — 1, Шесбангаре — 4, Саве — 6, Кашан — 1—1?, Кум — 8—1?, Маранд — 3—2, Тебриз — 7—2?, Хой — 1, Сельмас — 1, Баку — 3, Шемаха — 1, Бидлис — 2, Вастан — 1, со стертым названием города — 72.

Представленные в кладе серебряные теньги охватывают период немногим более двадцати лет, главным образом время правления Тимура и Султан-Махмуда. Осмотр монет показал, что рисунок штемпелей был гораздо больше монетных кружков, а в результате боковые надписи и порой даже центральные легенды лишь частично попадали на монетный кружок.

Что касается грамотности и квалификации резчиков, то она была достаточно высокой, большинство надписей исполнено без ошибок, хотя диакритические точки встречаются очень редко. Художественное оформление монетного кружка довольно изящно, но изредка перенасыщено деталями.

Поражает многообразие типов монет, выпущенных от имени Тимура и Султан-Махмуда, многие из которых чеканены по образцу джеланиридских и музаффаридских монет. Если надписи на них в основном однообразны и различаются друг от друга названием городов или некоторыми словами, то орнаментация их весьма разнообразна. Даже в чекане одного и того же города отмечается несколько типов. Так, чекан Иезда, Кума, Тебриза представлен четырьмя типами. Это говорит о большой интенсивности работ и частой сменяемости штемпелей на монетных дворах.

Взвешивание 15 монет Тимура и Султан-Махмуда показывает, что при диаметре, равном 2,3—3 см, большинство их имеет вес в пределах 5,8—6,0 г, т. е. соответствует весу серебряной теньги, введенной в государство Тимура около 1390 г.² Из тех же

¹ Сельмас — небольшой город в Иранском Азербайджане, недалеко от Хоя, к западу от озера Урмие.

² М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике Джагатандов, Труды САГУ, вып. СХІ, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 43.

монет, вес которых ниже этой нормы, две основательно попорчены, а две (весом 4,6 и 5,7 г) представляют явную продукцию фальшиномонетчика, на что указывают пятна зеленой окиси и небрежно исполненные надписи, а также отлив металла желтизной.

Очевидно, тот, кому принадлежали монеты из нашего клада, был участником походов Тимура и основную часть своих денег накопил в городах Западного Ирана и Азербайджана. Впоследствии, видимо уже на месте, он присоединил к своему богатству еще 30 монет Мухаммеда Джахангира и Халил Султана, битых в Самарканде. Все эти монеты однотипны:

Аверс. В линейном и точечном круге

محمد جهانگر
 ضرب في سنة
 الخليل الديان امير خليل سلطان
 عشر و ثمانماية
 خلد الله ملكه

Реверс. Калима, по сторонам имени четырех первых халифов, между строками:

ضرب
 سمرقند

Халил Султана: الخليل الديان. Проф.

М. Е. Массон переводит слово الديان как „завоеватель, правитель, воздающий за добро и зло“, следовательно, الخليل الديان означает „великий правитель“.

Взвешивание шести монет показывает, что их вес колеблется от 6,9 до 6,25 г при диаметре 2,3—2,5 см, т. е. он близок к весу серебряной теньги Тимура.

Поскольку теньги Халил Султана 810 (1407/8) г. х., наряду с монетой, надчеканенной именем Шахруха, являются самыми поздними в кладах, то ими и датируется наш клад — примерно 811 (1408/9) г. х.

Э. В. Ртвеладзе

КЛАД МОНЕТ УЛУГБЕКА ИЗ САМАРКАНДА

В апреле 1967 г. на западной обочине шоссе, связывающего Самарканд с аэропортом, примерно в 100 м к северу от русла Сиаба, экскаваторщик М. Е. Щелкорин при производстве земляных работ обнаружил клад медных монет.

Находка была передана в кабинет археологии Самаркандского государственного университета, где монеты были очищены лаборантом Е. Н. Амарцевой. Позднее доцент СамГУ Д. Н. Лев предложил автору этих строк ознакомиться с монетами и дать их определение.

Клад состоял из 185 крупных медных монет. Исследование показало, что все они, за исключением двух экземпляров, относятся к чекану Улугбека периода после проведенной им денежной реформы.

Ранее в стране ходили самые разнообразие монеты, причем курс их был различным, что создавало известные трудности в товарно-денежных отношениях и служило источником наживы для многочисленных менял и спекулянтов, ложась дополнительным бременем на плечи трудового населения.

В 832 (1428/29) г. х. на всех монетных дворах государства Улугбека был начат чекан новой единообразной медной монеты. Хожение старой медной монеты было запрещено, а имевшиеся у населения запасы ее подлежали обмену¹.

После завершения обмена все монетные дворы, кроме бухарского, прекратили выпуск медной монеты. Свыше 20 лет медные монеты в государстве Улугбека выпускались в централизованном порядке, только в Бухаре. Характерно, что на новых монетах, независимо от действительного года их выпуска, была выбита дата 832 г. х., т. е. год осуществления реформы.

Монеты нового образца имели следующий вид. Аверс: в поле в линейном и точечном ободке — шестилепестковая розетка; в центре ее — наименование города, а снаружи, между лепестками, надпись: ضرب /

ليه / فلو / اس / عد / ليه

Реверс: в поле, в линейном и точечном ободке:

سنة / في التاريخ / ثلاثين / اثنين / وثمانماية /

Публикуемый нами клад, по классификации Е. А. Давидович, может быть отнесен ко второй хронологической группе². В состав его входят: монеты Бухары без надчеканов — 129, монеты Бухары с надчеканом Бухары — 10, монеты Бухары с надчеканом Самарканда — 29, монеты Бухары с надчеканом Хиссара — 5, монеты Бухары с надчеканом Самарканда и Шахрухин — 1, монеты Бухары с надчеканом Ташкента — 1, монеты Бухары с надчеканом Андижана — 1, монеты Бухары с надчеканом Кар-

¹ Подробнее об этой реформе Улугбека см.: Е. А. Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, в кн. «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 274—300.

² Там же, стр. 230. Во вторую группу входят монеты, битые между 832 и 861 г. х.

ши — 2, монеты Андигана без надчекана — 1, монеты Карши без надчекана — 1, монеты Термеза с надчеканом Самарканда — 1. Все монеты датированы 832 г. х. Кроме того, есть две монеты, выбитые в Хутталане в 852 (1448/49) г. х., и две монеты, битые в Балхе в 854 (1450/51) г. х.

Монеты Хутталана отчеканены еще при жизни Улугбека. Чем же был вызван их чекан?

За несколько дней до начала 851 г. х. (25 зу-л-хиджжа 850 г. х.) умер Шахрух. Собрав войско, Улугбек двинулся к Амударье и захватил Хутталан. Балх и ряд других городов³. Выпуск в Хутталане в 852 г. х. монет, отвечающих единому типу монет, ходившей в государстве Улугбека, и должен был знаменовать собой присоединение новых земель.

Монеты Балха 854 г. х. могли быть выпущены только при сыне и убийце Улугбека Абд ал-Латифе, ибо при Абдулле, занявшем трон после смерти Абд ал-Латифа, Балх оказался в руках Ала ад-Даулы⁴.

Интересно, что на 49 монетах клада уже имелось 50 надчеканов. Это служило источником дополнительной прибыльной казны: время от времени часть монет изымалась из обращения и на них ставились надчеканы, повышавшие их курс.

Как установила Е. А. Давидович, при Улугбеке этот способ дополнительной эксплуатации монетного чекана не практиковался⁵. Поскольку самая поздняя монета клада относится к 854 (1450/51) г. х., то, очевидно, где-то около этого времени описываемые монеты были изъяты из обраще-

ния и спрятаны. Отсюда можно судить, насколько интенсивным был начавшийся после смерти Улугбека процесс надчеканивания монет в целях извлечения дополнительного дохода. Так, примерно за два года (между 1449 и 1451 г.) более четверти монет нашего клада получили надчеканы. Причем одна из монет Бухары была надчеканена дважды: в Самарканде и Шахрухин. Есть также монеты Бухары, надчеканенные в самой Бухаре. Наиболее многочисленные в нашем кладе самаркандские надчеканы (31 экз.), что вполне естественно для монет, обращавшихся в Самарканде и спрятанных одним из его жителей.

Все надчеканы однообразны: в квадратной рамке выбиты слова ضرب دانگی و наименование того города, где был сделан надчекан.

Значение публикуемого нами клада состоит прежде всего в том, что он позволяет нам судить об интенсивности и направлении торгово-денежных отношений между Самаркандом и другими городами Средней Азии в первой половине XV в.

Если наша датировка клада серединой 1451 г. верна, то можно также сделать вывод, что надчеканы на монетах появились уже при первых преемниках Улугбека: Абд ал-Латифе (октябрь 1450 — май 1450 г.) и Абдулле (май 1450 — июнь 1451 г.) — и что процесс надчеканки монет при этих правителях шел весьма интенсивно.

М. Н. Федоров

К БИОГРАФИИ УЛУГБЕКА

Как известно, потеря власти Улугбеком, а затем и гибель его в борьбе с мятежным Абдаллатифом были предreshены поражением Улугбека осенью 1449 г. в битве под Самаркандом. Улугбек пытался укрыться в городе, но его наместник Мираншах запер ворота. Улугбек вынужден был сдаться. Абдаллатиф, лицемерно «простив» отца, благословил его паломничеством в Мекку. Но в то же время он устроил тайное судилище над Улугбеком, которое вынесло ему, согласно фетве «авторитетных» имамов-законоведов, смертный приговор. Улугбек был убит 8 рамадана 853 г. х. (25 октября 1449 г.).

До сих пор мы знали день гибели Улугбека, но оставалась неясной точная дата сражения его с Абдаллатифом. Только историк Даулатшах в своем «Тазкире», написанном почти через 40 лет после смерти Улугбека, называет месяц, в котором про-

изошло это сражение. Сведения его были привлечены В. В. Бартольд¹, а ныне широко используются исследователями². Полный перевод их по ташкентской рукописи сочинения Даулатшаха опубликован О. Д. Чехович³.

По Даулатшаху, сражение произошло близ сел. Димших в округе Самарканда в месяце ша'бан 853 г. х. Начало ша'бана 853 г. х. соответствует 19 сентября, а конец — 17 октября 1449 г. Таким образом, по Даулатшаху, от дня поражения до убийства Улугбека могло пройти максимум 37 и минимум — 8 дней.

Недавно мы обнаружили в неописанной части рукописного фонда Института восто-

¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 158.

² Т. Н. Кары-Ниязов. Астрономическая школа Улугбека, М.—Л., 1950, стр. 287; Б. А. Ахмедов. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра в XV в., в сб. «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 63.

³ О. Д. Чехович. Из источников по истории Самарканда XV в., в сб. «Из истории эпохи Улугбека», стр. 306, со ссылкой на ркп. ИВ АН УзССР, № 53.

³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 148—149.

⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, ч. 2, М., 1964, стр. 163.

⁵ Е. А. Давидович. Указ. статья, стр. 298.

коведения АН УзССР, по-видимому, уникальный список энциклопедического труда самаркандского ученого первой половины XII в. Абу Хафса Омара ибн Мухаммеда ан-Несефи «Матла' ан-нуджум ва маджа' ал-'улуум» («Место восхождения звезд и средоточие наук»)⁴. Как видно из указанного переписчиков, список был выполнен в Самарканде в 765 (1364) г. х. Но хотя время переписки этого труда предшествовало эпохе Улугбека, рукопись № 1462 проливает свет на вопрос о дате сражения Улугбека с Абдаллатифом.

На л. 160б, вне связи с текстом сочинения, на свободном месте в правой части листа, неизвестным читателем оставлена следующая арабская запись:

كان انهزام السلطان الغبيك كوركان
من ابنه اميرزاده عبد اللطيف
و استيلاؤه على سمرقند وقت
الضحوة الكبرى من يوم الجمعة الثامن
والعشرين من شعبان الواقع في
سنة ثلاث وخمسين وثمانمائة قريبا
من قرية هندوان بقرب دمشق
سمرقند

Почерк записи — ранний наста'лик, еще сохранивший следы округлости некоторых букв. По времени почерк близок к эпохе Улугбека. Запись в переводе гласит: «Было бегство Улугбека от его сына, царевича Абдаллатифа, и был захват тем Самарканд в позднеутреннее время в пятницу двадцать восьмого ша'бана, случившегося в восемьсот пятьдесят третьем году, близ селения Хиидуван близ Самаркандского Димишка».

Упомянутая дата соответствует 17 октября 1449 г.⁵ Сел Хиидуван упоминается в источниках⁶.

Итак, перед нами свидетельство (несомненно исходящее из самаркандской среды и, скорее всего, принадлежавшее очевидцу событий), которое в трех скупых строках раскрывает страшную картину: только 8 дней прожил Улугбек, «благословенный» сыном на совершение паломничества. Причем сюда входит и время, ушедшее на попытку Улугбека укрыться в Самарканде, затем в Шахрухи, а также на переговоры с сыном. Таким образом, организация и проведение Абдаллатифом «авторитетного» суда имамов, издание фетвы, подготовка и осуществление убийства — все это проходило в крайней спешке, в какие-нибудь два-три дня.

П. Г. Булгаков

⁵ 28 ша'бана 853 г. х. по современным таблицам перевода эр приходится на четверг 16 октября 1449 г. Однако по некоторым традициям мусульманского летоисчисления отсчет суток велся не от полуночи, а от времени захода солнца. Таким образом, пятница 28 ша'бана занимала вечер четверга 16 октября и утро — день пятницы 17 октября. Ср.: пятница 19 раби I 820 г. х. у Хафиз-и Абру (В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 118 и прим. 146) соответствует в таблицах 6 мая 1417 г., хотя этот день — четверг; вторник 5 раджаба 765 г. х. (р.кп. ИВ АН УзССР, № 1462, л. 198 а.) соответствует в таблицах 8 апреля 1364 г., хотя этот день — понедельник, и т. д.

⁶ См., напр., О. Д. Чехович. Указ. статья, стр. 356, прим. 4.

⁴ Ркп ИВ АН УзССР, № 1462.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО
ВРЕМЕНИ ТИМУРИДОВ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Библиографический указатель)

Составитель Б. В. Лунин

Публикуемый указатель литературы составлен в связи с проводимым ЮНЕСКО международным симпозиумом по искусству времени Тимуридов в Средней Азии. Он не претендует на исчерпывающий характер, но в то же время содержит наиболее полный из всех существующих перечень основных публикаций советских ученых по общей истории, истории культуры и искусства времени Тимуридов, вышедших в свет в 1917—1968 гг.

Данный указатель ограничен по времени охвата материала — с 60-х годов XIV в. до конца XV в. Литература, относящаяся к более раннему или позднему времени, не учтена за отдельными исключениями, когда, например в публикациях, освещающих исторические события или явления культурной жизни начала XVI в., значительное место (и при том в органической связи) уделяется предшествующему (тимуридскому) периоду.

Следует иметь в виду, что множество кратких сведений или упоминаний, нередко беглых и отрывочных, об историко-архитектурных и других памятниках Средней Азии второй половины XIV—XV в., отдельных нумизматических и других находках предметов древности того времени содержится в самых различных изданиях, специально этим памятникам не посвященных (например, в сводных отчетах, обзорах и других материалах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР под руководством С. П. Толстова, Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона, экспедиций, работающих в Таджикистане, Киргизии, Казахстане и др.). Естественно, что учесть и обозреть такого рода данные (тем более выходящие территориально за пределы Средней Азии и прилегающих местностей) в рамках библиографического указателя основной литературы (ограниченного к тому же объемом журнального номера) невозможно. По условиям объема указателя в нем дан предельный минимум аннотаций и не указаны рецензии на те или иные издания.

Вместе с тем в интересах специалистов и других читателей мы сочли нужным воспроизвести для наибольшей полноты наименование ряда сводных библиографических указателей исторической, археологической и иной литературы, вышедшей в свет в послеоктябрьские годы и содержащей перечни публикаций и по истории культуры времени Тимуридов.

Среди них читатель найдет также указатели литературы, посвященной жизни и творчеству Алишера Навои и других титанов поэтической мысли времени Тимуридов. В нашем указателе даны лишь выборочные сведения о тех публикациях, которые характеризуют не отдельные литературные произведения Навои, Джамии и других авторов, а их жизненный путь и мировоззрение, а также дают общую оценку значения их бессмертного литературного наследия.

Надеемся, что при всех возможных пробелах публикуемый Сектором историографии Института и археологии Академии наук Узбекской ССР библиографический указатель окажется полезным для участников симпозиума. Он свидетельствует о весомом вкладе советских ученых — историков, археологов, нумизматов, искусствоведов, историков архитектуры и других специалистов в историко-культурное изучение времени Тимуридов.

* * *

I. ОБЩАЯ ИСТОРИЯ.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ТИМУРИДОВ.
РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ, ГОРНОЕ ДЕЛО И ИРРИГАЦИЯ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

- Абдураимов М. А. К изучению истории социально-экономической жизни государства Тимуридов. В кн.: «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв.»—Ташкент, 1960, стр. 5—32.
- Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингиз-хане и Аксак-Темире. Перевод с тюркского и джугатайского языков. Вступительная статья и комментарии В. А. Панова.—Москва—Ленинград, «Academia», 1934, 348 стр.
- Авторы XV века о самаркандских событиях 1365 года.—Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, Том I, Ташкент, 1935, стр. 32—46.
Содержание: Шерифуддин Йезди (перевел А. А. Семенов).—Абдуразақ ас-Самарканди (перевел А. А. Молчанов).—Мирхванд (перевел А. А. Семенов).—Хвандемир (перевел А. А. Семенов).
- Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV века.—Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1957, 94 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения).
- Азимджанова С. А. Черты социально-экономической жизни Ферганы на рубеже XV—XVI веков.—Труды Института востоковедения (Академии наук Узбекской ССР), Вып. 3, Ташкент, 1954, стр. 25—42.
- Аполлова Н. Г., Шишкин В. А. Средняя Азия и Казахстан (в конце XV в.—начале XVII в.). В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в.»—Москва, Издательство Академии наук СССР, 1955, стр. 874—900.
- Арунова М. Р. К истории народных выступлений в государстве Тимуридов в XV в.—Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, XXXVII, Москва, 1960, стр. 34—36.
- Атаев С. К вопросу об ирригации и возделывании сельскохозяйственных культур в Средней Азии X—XV вв.—Ученые записки Кулябского государственного педагогического института, Вып. II, Куляб, 1957, стр. 33—60.
- Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. Отв. редактор проф. И. П. Петрушевский.—Москва, Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965, 195 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии. Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения).
Глава IV. Взаимоотношения кочевых узбеков с Тимуридами.
- Ахмедов Б. А. Из истории взаимоотношений кочевых узбеков с Тимуридами.—Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 304, Серия востоковедческих наук. Вып. 14, История стран Востока, Ленинград, 1962, стр. 79—93.
- Ахмедов Б. Из истории формирования кочевого узбекского государства (XV в.).—Научные работы и сообщения. Сборник. Кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 191—198, на узбек. яз. (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).
- Ахмедов Б. Из политической истории Хорезма в XV в.—Известия Академии наук Узбекской ССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 5, стр. 45—53.
- Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.—В кн.: Бартольд В. В. Сочинения, Том V, Москва, 1958, стр. 17—192.
Тимур, Улугбек и другие Тимуриды.
- Бартольд В. В. Ислам.—Петроград, Издательство «Огни», 1918, стр. 95. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том VI, Москва, 1966, стр. 79—139.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.—Ленинград, 1927, 256 стр. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1963, стр. 169—433.
Тимур и Тимуриды, стр. 265—267.
- Бартольд В. В. История Туркестана (Конспект лекции по истории Туркестана с древнейших времен до завоевания края русскими).—Ташкент, Туркгоисиздат, 1922, 50 стр. (Труды Туркестанского государственного университета, вып. 2). Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1963, стр. 109—166.
Тимур и Тимуриды, стр. 157—162.
- Бартольд В. В. Краткий обзор истории Азербайджана.—Приложение к кн.: В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей...—Баку, 1925,

- стр. 139—147. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1963, стр. 773—783.
- Тимур и Азербайджан, стр. 780.
- Бартольд В. В. Культура мусульманства.—Петроград. Издательство «Огни», 1918, 109 стр. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том VI, Москва, 1966, стр. 141—204.
- Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира.—Баку, 1925, 124 стр. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1963, стр. 649—772.
- Тимур и его государство, стр. 731—746 и др.
- Бартольд В. В. Мусульманский мир.—Петроград. «Наука и школа», 1922, 92 стр. (Введение в науку. История. Под редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Кравина, М. Д. Приселкова, вып. 22). Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том VI, Москва, 1966, стр. 205—297.
- Бартольд В. В. Отец Едигея.—Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии, Том I (58), Симферополь, 1927, стр. 18—23. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1963, стр. 797—894.
- Тимур, стр. 798—803.
- Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа.— В кн.: «Туркмения», Том I, Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1929, стр. 1—69. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1963, стр. 545—623.
- Тимур и туркмены, стр. 592.
- Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских.—Хлопковое дело, Москва, 1924, № 11—12, стр. 3—13. Также: Бартольд В. В., Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1963, стр. 435—448.
- Хлопководство при Тимуре, стр. 446.
- Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века).—Труды САГУ имени В. И. Ленина, Новая серия, Вып. XXVI, Экономические науки, Кн. 3, Ташкент, 1958, 104 стр.
- Беленицкий А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. (во владениях Тимура).—Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, II, Ленинград, 1940, стр. 185—201.
- Беленицкий А. М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XV вв.) (Образование института «Суюргал»).—Историк-марксист, Москва, 1941, Кн. 4, стр. 43—58.
- Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв.—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР, VI, Москва, 1940, стр. 43—47.
- Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тяньшаня. — Ленинград, 1949, стр. 337—384.
- VII. Каракитайская культура. Тимур и Тимуриды, стр. 382—384.
- Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.—Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, IV, Ленинград, 1947, стр. 313—422.
- Бубнов М. А. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии (Рудничный район Шельджи).—Советская археология, Москва, 1963, № 2, стр. 85—94.
- XIII—XIV века.
- Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбары. I. Ходжа Ислам.— В кн.: «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 3—19.
- Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда (Очерки истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв.). Под ред. В. А. Быстрянского.—Москва, Госполитиздат, 1941, 204 стр.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. Под общей редакцией комиссии Академии наук СССР по изданию научно-популярной литературы.—Москва—Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1950, 479 стр.
- Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ответственный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов.—Ташкент,

1957, 314 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии). Параллельное издание на узбек. яз. Редактор А. Р. Мухамеджанов. 1959, 324 стр.

Гуревич А. М. О классово-публичной борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг.—Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, Том I, Ташкент, 1935, стр. 25—31.

Давидович Е. А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в.—Известия Академии наук Таджикской ССР, Отделение общественных наук, 1961, № 1, стр. 25—44.

Давидович Е. А. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии (К постановке проблемы).—Народы Азии и Африки, Москва, 1965, № 6, стр. 83—91.

Ерматов М. М. К истории китайско-среднеазиатских дипломатических отношений в первой половине XV века.—Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института имени Низами, Вып. 3, Ташкент, 1956, стр. 129—151.

Заходер Б. Империя Тимура.—Исторический журнал, Москва, 1941, № 6, стр. 78—88.

Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк.—Ленинград—Москва, Государственное научно-техническое геолого-разведочное издательство, 1932, 80 стр.

Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.).—Москва, ИВЛ, 1958, 247 стр. (Академия наук СССР. Институт востоковедения).

Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв. Сборник статей.—Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1960, 114 стр.

История Казахской ССР. Том I. Редакционная коллегия: М. О. Аузлов, С. Б. Баишев, И. С. Горюховатский, С. К. Кенесбаев, С. М. Муканов, А. Н. Нуусупбеков, С. Н. Покровский, М. С. Сапаргалиев, В. Ф. Шахматов.—Алма-Ата, Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957, 609 стр. (Академия наук Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии).

Социально-экономические отношения и политический строй Казахстана в XV—XVII веках, стр. 151—179. Культура казахского народа в XV—XVII веках, стр. 180—199.

История Киргизии. Том I. Редакционная коллегия: М. П. Вяткин, М. П. Грязнов, Д. Д. Джамгерчинов, С. И. Ильясов, П. Н. Кожемяко.—Фрунзе, Киргизское государственное издательство, 1963, 591 стр. (Академия наук Киргизской ССР. Институт истории).

Киргизия при Тимуре и Тимуридах, стр. 189—225 и 243—245.

История народов Узбекистана. Том I. С древнейших времен до начала XVI века. Авторы К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. Под редакцией С. П. Толстова, В. Ю. Заходера, Я. Г. Гулямова и Р. Н. Набиева.—Ташкент, 1950, 473 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии)

История таджикского народа. Том II, Кн. I. Возникновение и развитие феодального строя (VI—XVI вв.). Под редакцией Б. Г. Гафурова и А. М. Белицкого.—Москва, Изд-во «Наука», 1964, 492 стр. (Академия наук Таджикской ССР. Институт истории им А. Дониша).

Средняя Азия под властью Тимура и его потомков, стр. 324—338; Социально-экономический строй в эпоху Тимуридов, стр. 339—347; Культурная жизнь при Тимуридах, стр. 348—363.

История Туркменской ССР. Том I, Книга первая. С древнейших времен до конца XVIII века. Редакционная коллегия: А. Карьев, О. К. Кулиев, М. Е. Массон (главный редактор), А. А. Росляков, Ш. Т. Ташлиев, Г. А. Чарыев.—Ашхабад, Издательство Академии наук Туркменской ССР, 1957, 495 стр. (Академия наук Туркменской ССР. Институт истории, археологии и этнографии).

Феодальное общество на территории Туркменистана при Тимуре и Тимуридах, стр. 327—342; Культура Туркменистана в XI—XV вв., стр. 343—368.

- История Узбекской ССР. Том первый. С древнейших времен до середины XIX в. Ответственный редактор Я. Г. Гулямов. Редакционная коллегия: М. А. Ахунова, Х. З. Зияев, Т. Н. Кары-Ниязов, И. М. Муминов, Р. Н. Набиев, С. П. Толстов, В. А. Шишкин. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1967, 770 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
- Государство Тимура, стр. 435—460; Мавераннахр и Хорасан при Тимуридах (XV в.), стр. 461—508.
- Кутбаев З. А. Интересный документ по аграрной истории Средней Азии. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1968, № 12, стр. 34—36.
- Земельные владения Ходжи Ахрара в Ташкентском вилайете (вторая половина XV в.).
- Лященко П. И. Народности Закавказья и Средней Азии в XIV—XVII вв.—В кн.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том I, Москва, 1947, стр. 338—343.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.—Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1932, 504 стр. (Труды историко-археологического института и Института востоковедения Академии наук СССР, Том 6, Материалы по истории народов СССР, Вып. 3).
- Массон В. М. и Ромодин В. А. История Афганистана. Том I. С древнейших времен до начала XVI века.—Москва, Изд-во «Наука», 1964, 432 стр.
- Глава XI. Тимур и Тимуриды, стр. 323—379.
- Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Была разработана полезных ископаемых.—Ленинград, 1934, 108 стр. (Академия наук СССР. Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г. Материалы, Вып. 20).
- Массон М. Е. К истории добычи асбеста в Средней Азии.—За недра Средней Азии, Ташкент, 1934, № 4, стр. 91—97.
- Массон М. Е. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алма-тыла. — Москва—Ленинград, 1936, 40 стр. (Академия наук СССР. Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. Труды, Вып. 37).
- Массон М. Е. К истории добычи ртути в Средней Азии.—Народное хозяйство Средней Азии, Ташкент, 1930, № 5, стр. 90—98.
- Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1953, 75 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
- Массон М. Е. К истории горной промышленности Карамазара.—Труды Ташкентской базы Академии наук СССР. Том IV, Москва, 1935, стр. 216—232.
- Массон М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана.—Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1947, 64 стр.
- Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР).—Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том XIII, Ашхабад, 1966, 298 стр.
- Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Ответственный редактор А. М. Беленицкий.—Душанбе, Издательство «Дониш», 1966, 129 стр. (Академия наук Таджикской ССР. Институт истории им. А. Дониша).
- Махмудов Н. Из истории земельных отношений и налоговой политики Тимуридов. Вакуфное земледелие.—Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, № 1(32), Душанбе, 1963, стр. 21—33.
- Молчанов А. А. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои.—В кн.: «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 68—79.
- Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XV в. По материалам «Ваф-намэ».—Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1966, 354 стр.
- Мукминова Р. Г. Народные движения в Узбекистане в 1499—1501 гг.—Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1950, № 1, стр. 10—14.
- Мукминова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в.—Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, Вып. 3, Ташкент, 1954, стр. 119—137.

- Мукминова Р. Г. Ремесленное производство как основа развития города Самарканда в конце XV—XVI вв.—Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов. Ташкент, 1969, стр. 30—32.
- Муминов И. М. К изданию факсимиле «Уложения Тимура». — В кн.: «Уложение Тимура», Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1968, стр. III—V.
- Муминов И. М. Об исторических условиях развития искусства Средней Азии эпохи Тимуридов.—Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 3—11.
- Муминов Ибрагим. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1968, 45 стр. (То же на узбек. яз., 51 стр.).
- Мухтаров А. К развитию социальной категории «дихкан» в средние века. — Москва, Издательство восточной литературы, 1963, 10 стр. (XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Набиев Р. Н. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. (Заметки о Ходжа-Ахраре).—В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 25—49.
- Набиев Р. Н. Источники по истории крепостного права в Средней Азии.—Археологический ежегодник за 1963 год, Москва, 1964, стр. 87—105.
Документы XVI—XIX вв. по Ферганской долине.
- Очерки истории Каракалпакской АССР. Том I (С древнейших времен до 1917 г.). Под редакцией С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. Камалова, Р. Косбергенова, Л. С. Толстой.—Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1964, 429 стр.
- Петрушевский И. П. Движение сербедаров в Хорасане.—Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР, Том XIV, Москва, 1956, стр. 91—162 (перечень опечаток. Том XVII, 1958).
- Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.—Москва—Ленинград, 1960, 224 стр.
- Петрушевский И. П. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XV веках.—Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 179, Серия востоковедческих наук, Вып. 4, Ленинград, 1954, стр. 159—191.
- Петрушевский И. П. К истории внутреннего строя города в Средней Азии и Иране в эпоху монгольского владычества (XIII—XIV вв.).—Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1945, № 11—12, стр. 34—35.
- Петрушевский И. П. К истории института сойоргала.—Советское востоковедение, VI, Москва—Ленинград, 1949, стр. 302—311.
- Петрушевский И. П. Народные движения в Иране XIV века.—Научная сессия Ленинградского государственного университета 1952—1953 годов. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук, Ленинград, 1953, стр. 22—26.
- Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках.—Ученые записки Туркменского государственного университета имени А. М. Горького, Вып. 21, Ашхабад, 1962, стр. 185—244.
- Семенов А. А. Авторы XV века о самаркандских событиях 1365 г.—Труды Государственной библиотеки Узбекской ССР, Том I, Ташкент, 1935, стр. 32—35, 39—45.
- Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана XV—XVI вв.—Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, Сталинабад, 1954, стр. 3—37 (Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, Том XII, Вып. I).
- Семенов А. А. Некоторые данные по экономике империи Султана Хусейн-Мирзы (1469—1506).—Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Вып. 4, Душанбе, 1953, стр. 69—82.
- Семенов А. А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр.—Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, Сталинабад, 1954, стр. 109—150 (Академия наук Таджикской ССР. Труды Института истории, археологии и этнографии, Том XII, Вып. I).
- Семенов А. А. Роль Средней Азии в распространении материальных и духовных

- ценностей.—Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений, Ташкент, 1957, стр. 101—102.
- Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов.—Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, Сталинабад, 1954, стр. 39—83 (Академия наук Таджикской ССР. Труды Института истории, археологии и этнографии, Том XII, Вып. I).
- Строева Л. В. Возвышение Тимура (1360—1370). Тезисы кандидатской диссертации.—Научный бюллетень Ленинградского государственного университета, Ленинград, 1945, № 4, стр. 26—28.
- Строева Л. В. Возникновение государства Тимура.—Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 128. Серия востоковедческих наук. Вып. 3. История и филология стран Востока. Ленинград, 1952, стр. 64—87.
- Строева Л. В. Сербедары Самарканда.—Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 98. Серия востоковедческих наук, Вып. 1, Ленинград, 1949, стр. 270—281.
- Тимур.—Большая советская энциклопедия, Том 42, Издание 2-е, Москва, 1956, стр. 441—442.
- Тимуриды.—Большая советская энциклопедия, Том 42, Издание 2-е, Москва, 1956, стр. 442.
- Уложение Тимура.—Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1968, V+144 стр.
Факсимиле с издания Н. П. Остроумова «Уложение Тимура (Тамерлана)», выпущенного в Казани в 1894 г. (перевод с французского).
- Умняков И. И. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в.—Москва, 1960. 11 стр. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Умняков И. И. Малоизвестный французский источник о Тимуре.—Труды Самаркандского государственного университета, Новая серия, Вып. 101, История (Материалы по истории народов Узбекистана), Самарканд, 1950, стр. 173—179.
- Умняков И. И. Международные отношения Средней Азии в начале XV века. Сношения Тимура с Византией и Францией.—Труды Узбекского государственного университета, Новая серия, Вып. 61, Исторический факультет, Самарканд, 1956, стр. 179—200.
- Чехович О. Д. Оборона Самарканда в 1454 году.—Известия Академии наук Узбекской ССР. Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 4, стр. 36—44.
- Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.).—Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, 28, Москва, 1949, стр. 30—43.
- Якубовский А. Ю. и Петрушевский И. П. Государства чингисидов и их преемников в Средней Азии, Закавказье, Иране. Народно-освободительные движения в этих странах (XIII—XV вв.).—В кн.: «Всемирная история». Том III, Москва, Издательство политической литературы, 1957, стр. 572—587.
Восстание сарбадаров в Самарканде. Образование государства Тимура. Походы Тимура и его внутренняя политика. Мавераннахр в XV в. Образование узбекского и казахского хантов. Разгром узбеками Тимуридского государства. Культура народов Средней Азии в XIV—XV вв. Иран под владычеством Тимура и Тимуридов.
- Якубовский А. Ю. Государство Тимура. Мавераннахр и Хорасан при Тимуридах (XV в.).—В кн.: «История Узбекской ССР», Том I, Ташкент, 1967, стр. 435—508.
В издании 1955 г. в работу А. Ю. Якубовского были внесены некоторые дополнения Р. Н. Набиевым. В издании 1967 г. работа А. Ю. Якубовского опубликована с сокращениями и дополнениями С. А. Азимджановой и Б. А. Ахмедова.
- Якубовский А. Ю. Из истории падения Золотой Орды.—Вопросы истории, Москва, 1947, № 2, стр. 30—45.

- Взаимоотношения и политическая борьба между Тимуром и Тохтамышем.
 Якубовский А. Ю. Средняя Азия в XIII—XV вв.—В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XI вв.», Москва, Издательство Академии наук СССР, 1953, стр. 648—679.
 Якубовский А. Ю. Тимур (Опыт краткой характеристики).— Вопросы истории, Москва, 1946, № 8—9, стр. 42—74.
 Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.—Труды Историко-археологического института и Института востоковедения Академии наук СССР. Материалы по истории народов СССР, Вып. III, часть I, Москва, 1932, стр. 1—60.

II. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
 И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ.
 АЛИШЕР НАВОИ, АБДУРАХМАН ДЖАМИ
 И ДРУГИЕ КРУПНЕЙШИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ.
 ТВОРЧЕСТВО БАБУРА

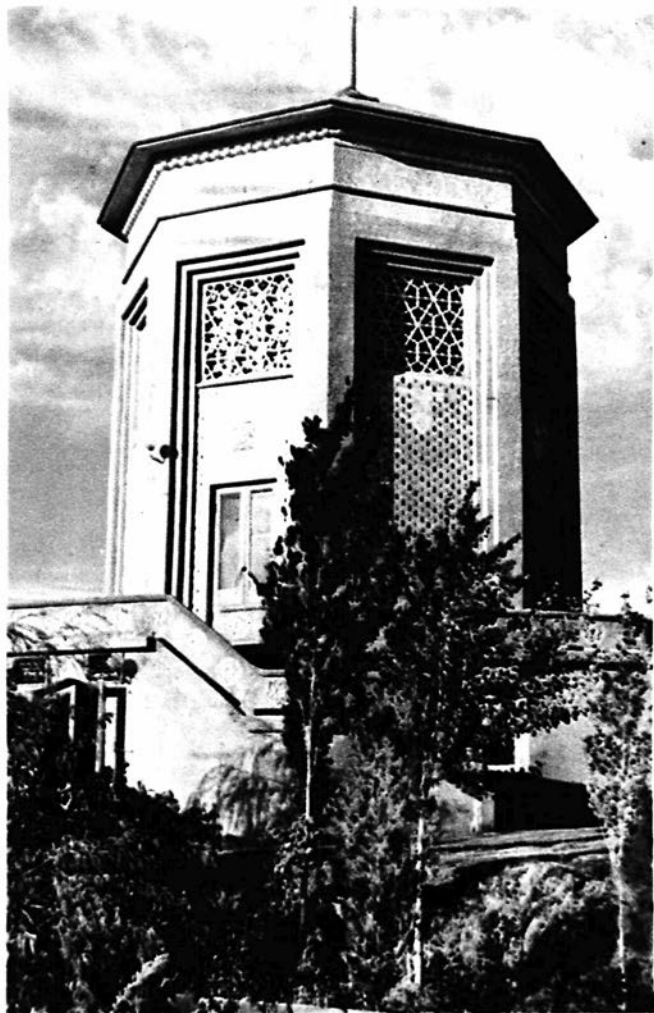
- Абдугафуров А. Сатира Алишера Навои.—Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1966, 313 стр., на узбек. яз.
 Абдуллаев В. А. Алишер Навои в Самарканде.—Ташкент, Объединенное издательство..., 1967, 35 стр. (серия «Знание», № 25), на узбек. яз.
 Абдуллаев В. Алишер Навои в Самарканде.—В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 77—104, на узбек. яз.
 Абдуллаев В. А. Алишер Навои в Самарканде (К 500-летию со дня рождения А. Навои).—Самарканд, Издательство Самаркандского государственного университета, 1948, 52 стр., на узбек. яз.
 Абдуллаев В. А. Абдурахман Джами в Самарканде.—Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1965, № 3, стр. 22—26.
 Абдуллаев В. Навои и Бабур.—Труды Узбекского государственного университета, Новая серия, № 34, Самарканд, 1947, стр. 23—24, на узбек. яз.
 Абдуллаев В. Навои и Хусейн Байкара.—Труды Узбекского государственного университета. Новая серия, № 34, Самарканд, 1947, стр. 20—22, на узбек. яз.
 Абдурахман Джами. Сборник статей. Эпоха, жизнь и творчество.—Душанбе, Издательство «Ирфон», 1965, 212 стр.
 Абдурахман Джами и Алишер Навои. Подготовил и составил П. Шаменов. Ответственный редактор С. Ганиева.—Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1966, 151 стр., на узбек. яз.
 Азимджанова С. А. Индийский диван Бабура.—Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1966, 85 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения им. Абу Рейхана Беруни).
 Азимджанова С. Некоторые экономические взгляды Захир Ад-дина Мухаммада Бабура, изложенные в «Мубайине».—Москва, 1960, 8 стр. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
 Айбек К. вопросу о мировоззрении Навои.—Литература и искусство Узбекистана, Ташкент, 1940, Кн. 3, стр. 77—81.
 Айбек М. Т. и Дейч А. Мир идей Алишера Навои.—В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 83—119.
 Айни С. Алишер Навои и таджикская литература.—В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 198—211, на узбек. яз.
 Акрамов А. М. Мухаммед Салих (1455—1535).—Ташкент, Объединенное издательство..., 1966, 28 стр., на узбек. яз. (Серия «Беседы о науке», № 21).
 Аликулов Х. Естественные науки эпохи Алишера Навои.—Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1968, № 9, стр. 56—58.
 Алишер Навои. Сборник статей под редакцией члена-корреспондента АН УзССР А. К. Боровкова. Отв. редактор акад. В. В. Струве.—Москва—Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1946, 236 стр.
 Ахмедов Б. Хондамир.—Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965, 53 стр., на узбек. яз.
 Ахмедов Б. и Муниров К. Хафиз Таиш Бухари.—Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1963, 64 стр., на узбек. яз.
 Бакоев М. Джами и Хусрау.—В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей. Эпоха, жизнь и творчество», Душанбе, Издательство «Ирфон», 1965, стр. 137—146.
 Бартольд В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь.—В кн.: «Мир-Али-Шир», Ленинград, 1928, стр. 100—164. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть 2, Москва, 1964, стр. 198—260.

- Бахрами Г. К вопросу о социально-экономических взглядах Джами. — В кн.: «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв.», Ташкент, 1960, стр. 33—40.
- Бертельс Е. Э. Абдурахман Джами и его дружба с Навои. — В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей. Эпоха, жизнь и творчество», Душанбе, Издательство «Ирфон», 1965, стр. 118—136.
- Бертельс Е. А. Джами (1414—1492). Эпоха, жизнь, творчество. Под общей редакцией Е. Н. Павловского. — Сталинабад, Государственное издательство Таджикской ССР, 1949, 175 стр. (Таджикский филиал Академии наук СССР. Институт истории, языка и литературы).
- Бертельс Е. Э. Избранные труды, Том IV. Навои и Джами. — Москва, Издательство «Наука», 1965, 408 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
- Бертельс Е. Э. История изучения Навои. — В кн.: Бертельс Е. Э. Навои. Москва—Ленинград, 1948, стр. 77—86.
- Бертельс Е. Э. К вопросу о мировоззрении Навои. — Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1945, № 5, стр. 15—17.
- Бертельс Е. Э. Литература на персидском языке в Средней Азии. — Советское востоковедение, V, Москва—Ленинград, 1948, стр. 199—228.
- Бертельс Е. Э. Навои и Атгар. — В кн.: Бертельс Е. Э. Избранные труды, Том III, Москва, Издательство «Наука», стр. 377—420.
- Бертельс Е. Э. Навои и литература Востока. — Дружба народов, Альманах, Книга шестая, Москва, 1941, стр. 332—352.
- Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии. — Москва—Ленинград, 1948, 272 стр. (Академия наук СССР. Научно-популярная серия).
- Бертельс Е. Э. Низами и Навои. — Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1945, № 11—12, стр. 27—33. (Также: Известия Академии наук Казахской ССР, № 55. Серия литературная, Вып. 6. Алма-Ата, 1948, стр. 78—84).
- Бертельс Е. Э. Список произведений Навои. — В кн.: Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии, Москва—Ленинград, 1948, стр. 269—270.
- Болдырев А. Н. Алишер Навои в рассказах современников. — В кн.: «Алишер Навои», Москва, 1946, стр. 121—152.
- Болдырев А. Навои и его время. — Звезда, Ленинград, 1947, № 10, стр. 9—11.
- Боровков А. К. Алишер Навои (К 500-летию со дня рождения) — Советское востоковедение, I, Москва, 1940, стр. 107—111.
- Боровков А. К. Изучение жизни и творчества Алишера Навои. — В кн.: «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 11—29.
- Боровков А. К. Навои и Джами в народном предании. — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, Том VI, Вып. 6, Москва, 1948, стр. 481—492.
- Брагинский И. С. Заметки к изучению творчества Джами. — В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей. Эпоха, жизнь и творчество», Душанбе, Издательство «Ирфон», 1965, стр. 51—66.
- Брагинский И. С. 12 миниатюр (Об «общем» и «особенном» в иранском Ренессансе X—XV вв.). — Москва, Издательство «Художественная литература», 1967, 64 стр.
- Бретаницкий Л. С. и Розенфельд Б. А. Архитектурная глава трактата «Ключ арифметики» Гияс ад-Дина Каши. — Искусство Азербайджана. Вып. V, Баку, 1956, стр. 87—130.
- Великий узбекский поэт. Сборник статей. Под редакцией М. Т. Айбека. — Ташкент, 1948, 157 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы).
Содержание: Гулямов Я. Г. К изучению эпохи Навои. — Набиев Р. Н. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. — Захидов В. Ю. Некоторые социально-политические взгляды Навои. — Дейч А. Мир идей Алишера Навои. — Массон М. Е. К исторической топографии Герата XV в. — Гулямов Я. Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV века.
- Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII—XIX вв.). Под редакцией доктора филос. наук К. Бесембиева и М. Сатбаева. — Алма-Ата, Издательство «Казахстан», 1965, 238 стр.
- Ганиева С. Алишер Навои (Жизнь и деятельность). — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1962, 81 стр., на узбек. яз.

- Григорян Е. Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока.— Москва, Издательство «Наука», 1966, 352 стр. (Академия наук СССР. Институт философии).
- Гулям Гафур. Навои и наша эпоха.— Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1948, № 5, стр. 3—14.
- Гулямов Я. Г. и Семенов А. А. Исторические знания у народов Средней Азии (в XI—XVI вв.).— В кн.: «Очерки исторической науки в СССР», I, Москва, Издательство Академии наук СССР, 1955, стр. 253.
- Гулямов Я. Г. К изучению эпохи Навои.— В кн.: «Великий узбекский поэт. Сборник статей», Ташкент, 1948, стр. 5—24, на узбек. яз.
- Жирмунский В. М. Алишер Навои и проблема Ренессанса в восточных литературах.— Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 299. Серия филологических наук, Вып. 59, Ленинград, 1961, стр. 86—97.
- Жирмунский В. М. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока.— В кн.: «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. Сборник статей», Москва, Издательство «Наука», 1967, стр. 460—471.
- Занд М. И. Шесть веков Славы. Очерки персидско-таджикской литературы. Ответственный редактор И. С. Брагинский.— Москва, 1964, 252 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
- Зарифов Х. Лютфи и Навои.— В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 197 (Также: «Шарк Юлдузи», Ташкент, 1948, № 4, стр. 8—36).
- Заходер Б. Н. Алишер Навои. Опыт исторической характеристики.— В кн.: Айбек. Навои. Роман, Москва, Издательство «Советский писатель», 1946, стр. 360—374.
- Захидов В. Ю. Великий узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои. Доклад.— Ташкент, 1948, 34 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы).
- Захидов В. Ю. О философии произведения А. Навои «Лисонут-таир».— В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 105—130, на узбек. яз.
- Захидов В. Ю. Великий узбекский поэт и мыслитель.— Шарк юлдузи, Ташкент, 1951, № 1, стр. 143—159, на узбек. яз.
- Захидов В. Ю. Захириддин Бабур.— Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 131—139.
- Захидов В. Ю. Мир идей и образов Алишера Навои.— Ташкент, Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР, 1961, 376 стр.
- Захидов В. Ю. Некоторые социально-политические взгляды Навои.— В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 50—82.
- Капранов В. А. К вопросу о воззрениях Джами на язык.— В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей», Душанбе, 1965, стр. 105—117.
- Каюмов А. Захириддин Мухаммед Бабур.— Фан ва Турмуш, Ташкент, 1958, № 2, стр. 2—5.
- Конрад Н. И. Средневековое Возрождение и Алишер Навои.— Иностранная литература, М., 1962, № 2, стр. 212—220.
- Конрад Н. И. «Средние века» в исторической литературе.— В кн.: Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи, Москва, Главная редакция восточной литературы, 1966, стр. 89—118.
- Лунин Б. В. Вклад русских ученых в изучение жизни и творчества Алишера Навои.— Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1968, № 4, стр. 26—39.
- Малов С. С. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии.— Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, Том VI, Вып. 6, Москва, 1947, стр. 475—480.
- Мир-Али-Шир. Сборник к пятидесятилетию со дня рождения.— Ленинград, 1928, 174 стр. (Академия наук СССР).
- Муминов И. М. Абдурахман Джами как ученый-мыслитель. Выступление на Объединенной научной сессии, посвященной 550-летию со дня рождения Джами. 19 декабря 1964 г.— Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1965, № 2, стр. 27—30.

- Муминов И. М. Алишер Навои — великий мыслитель-просветитель. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1968, № 6, стр. 3—9.
- Муминов Ибрагим. Выдающиеся мыслители Средней Азии. — Москва, Издательство «Знание», 1966, 47 стр. («Новое в жизни, науке и технике»).
- Муминов И. М. К вопросам истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане (X—начало XX вв.). — Труды Узбекского государственного университета. Новая серия. Вып. 54, Самарканд, 1949, стр. 3—81.
- Муминов И. М. Народы Средней Азии (X—XX вв.). — В кн.: «История философии в СССР», Том I, Москва, стр. 150—170.
Совместно с А. М. Богоутдиновым, Т. А. Чарьевым и К. П. Бейсембаевым.
- Муминов И. М. О жизни и деятельности Навои. — В кн.: Муминов И. М. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 61—67, на узбек. яз.
- Муминов И. М., Богоутдинов А. М., Чарьев Г. А. Развитие общественно-политической и философской мысли народов Средней Азии в эпоху феодализма (по XVIII в. включительно). — В кн.: «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», Том I, Москва, 1955, стр. 82—96 (по Узбекистану — И. М. Муминов).
- Набиев Р. Н. Историкография Узбекистана (в XI—XV вв.). — В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», I, Москва, 1955, стр. 160—165.
- Назуллаева С. Алишер Навои. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1966, 155 стр., на узбек. яз.
- Раджабов З. Ш., Джалилов А. Д. и Негматов Н. Н. Эпоха Абдурахмана Джами (Краткая справка). — В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей», Душанбе, 1965, стр. 7—30.
- Раджабов Н. Алишер Навои — покровитель наук. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1968, № 9, стр. 27—29, на узбек. яз.
- Раджабов М. Философские и общественно-политические взгляды Абдурахмана Джами. — В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей», Душанбе, 1965, стр. 67—86.
- Родоначалник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои. — Ташкент, Узбекистанский филиал Академии наук СССР, 1940, 222 стр.
- Рустамов Э. Мунизарэ «Стрела и лук» узбекского поэта XV века Якини. — Советское востоковедение, Москва, 1957, № 4, стр. 90—106.
- Рустамов Э. Р. Страницы из биографии Алишера Навои. — Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР, 63, Москва, 1963, стр. 80—86.
- Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV века. Под редакцией И. Э. Бертельса. — Москва, Издательство восточной литературы, 1963, 367 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии. Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы имени А. С. Пушкина).
- Саади А. Навои как литературовед и критик. — Литература и искусство Узбекистана, Ташкент, 1939, № 1, стр. 88—100.
- Саади А. Навои — поэт-гуманист. — Литература и искусство Узбекистана, Ташкент, 1939, № 2, стр. 90—98.
- Саади А. Положительные образы в творчестве Алишера Навои. — Труды Узбекского государственного университета. Новая серия, № 17. Филология, Вып. 3, Самарканд, 1940, стр. 3—31.
- Саади А. Творчество Навои как высший этап в развитии узбекской классической литературы. — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ташкент, 1949, 20 стр.
- Салье М. Алишер Навои как биограф. — Литературный Ташкент, Альманах, Вып. 2, Ташкент, 1947, стр. 124—131.
Выдержки из биографий Абдурахмана Джами, Хасан ибн Ардешира и Пехлевана Мухаммед Абу-Саида.
- Салье М. А. Кемаль ад-дин Беннаи и его покровители. (Страничка из истории культурной жизни Средней Азии). — В кн.: «Дар». Альманах, Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1944, стр. 173—178.
Сведения о взаимоотношениях Навои и Беннаи.
- Салье М. А. «Книга благородных качеств» и ее автор. Новые биографические ма-

- териалы об Алишере Навои. — В кн.: «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 170—176.
- Салье М. Новые биографические материалы об Алишере Навои. (О «Книге благородных качеств» Хондемира). — Литература и искусство Узбекистана, Кн. 2, Ташкент, 1940, стр. 95—102.
- Салье М. А. Новые материалы для биографии Абдурахмана Джами. — В кн.: «Тезисы научных докладов на сессии Академии наук Узбекской ССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 146—147.
- Салье М. Очерки по истории узбекской литературы, IV, Алишер Навои (Жизнь, личность, творчество). — Звезда Востока, Ташкент, 1947, № 8, стр. 79—92; № 10, стр. 64—76.
- Салье М. Поэт, мыслитель, ученый [Джами]. — Звезда Востока, Ташкент, 1946, № 1—2, стр. 147—151.
- Самойлович А. Н. К истории литературного среднеазиатского языка. — В кн.: «Мир-Али-Шир. Сборник статей», Ленинград, 1928, стр. 1—23.
- Семенов А. А. Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусайн-Мирзы. — Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели, Москва—Ленинград, 1960, стр. 237—249 (Академия наук СССР. Отделение исторических наук).
- Семенов А. А. Историография Таджикистана (в XI—XVII вв.). — Очерки исторической науки в СССР, I, Москва, Издательство Академии наук СССР, 1955, стр. 153—160.
- Семенов А. А. Мир-Али-Шир Неваи (Библиографическо-литературный очерк). — Литература и искусство Узбекистана, II, Ташкент, 1938, стр. 124—138.
- Сулейманов Х. Опыт изучения и составления критического текста рукописных диванов Алишера Навои. — Москва, Издательство восточной литературы, 1960, 11 стр.
- Сулейманов Х. С. Опыт составления научно-критического текста лирики Алишера Навои «Сокровища мудрости». — Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 877—883.
- Сулейманов Х. Текстологическое исследование лирики Алишера Навои. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Ташкент, 1961, 67 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы имени А. С. Пушкина).
- Султанов М. Исследователи Навои. — Литература и искусство Узбекистана, Ташкент, 1941, № 2, стр. 76—82.
- Усманов А. «Мухакамат ал-Лугатайн» Алишера Навои в аспекте его борьбы за узбекский язык и узбекскую литературу. — Ташкент, 1948, 128 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы).
- Хайитметов А. Литературно-критические взгляды Алишера Навои. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1959, 196 стр., на узбек. яз.
- Хайитметов А. Проблемы творческого метода А. Навои. Ответственный редактор член-корр. АН УзССР В. Ю. Захидов. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1963, 173 стр., на узбек. яз.
- Хайитметов А. Ценный источник для изучения жизни и творчества Навои. — Народы Азии и Африки, Москва, 1961, № 6, стр. 136—142.
Послание Алишера Навои Саиду Хасану.
- Хайруллаев М. Бабур (1483—1530). — Ташкент, Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР, 1957, 10 стр.
- Хамидов Х. К вопросу о влиянии Навои на литературу народов Востока. — Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1948, № 5, стр. 82—99, на узбек. яз.
- Хамраев А. Х. Великий гуманист Алишер Навои (Иранские ученые о Навои). — Научные труды Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина, Вып. 238. Исторические науки, Кн. 50, Ташкент, 1964, стр. 103—113.
- Хамраев А. Х. К вопросу об исторической обусловленности творчества Алишера Навои. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, Вып. 23. Гуманитарные науки, Кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 63—72.
- Хасанов Х. Памятные места Бабура. — Шарк Юлдузи, Ташкент, 1961, № 5, стр. 150—153, на узбек. яз.
- Ходизода Р. Эстетика Джами. — В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей», Душанбе, 1965, стр. 87—104.

Музей Улугбека в Самарканде.

- Хусанходжаев И. Алишер Навои о мактабах и медресе. — Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, Том 39, Вып. 2, Ташкент, 1963, стр. 172—181.
- Шарафутдинов А. Алишер Навои (Время, жизнь, деятельность и смерть А. Навои). Предисловие С. Хусанова. — Ташкент, Государственное техническое издательство, 1939, 71 стр., на узбек. яз.
- Шарафутдинов А. Алишер Навои. Жизнь и творчество. Под ред. М. Айбека. Перевод М. А. Салье. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1948, 196 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы), на узбек. яз.
- Шамухамедов Ш. М. Абдурахман Джами (Жизнь и творчество). — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1963, 84 стр., на узбек. яз.
- Шамухамедов Ш. М. Классики персидско-таджикской литературы. — Ташкент, Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР, 1963, 186 стр. (Серия «Беседы о классиках Востока»).
- Шейхзаде М. Гениальный поэт. (Некоторые проблемы изучения деятельности А. Навои). — Ташкент, 1941, 83 стр., на узбек. яз.
- Шейхзаде М. Гениальный узбекский поэт. Пер. Б. Кармышевой. — Ташкент, Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР, 1941, 52 стр.
- Шейхзаде М. О лирическом герое Навои. — В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 131—158, на узбек. яз.
- Шукуров Ш. Тема труда и образы тружеников в творчестве Алишера Навои. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Самарканд, 1963, 16 стр. (Самаркандский государственный университет имени Алишера Навои).
- Юсупов И. А. К изучению экономических воззрений Алишера Навои. — В кн.: «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв.», Ташкент, 1960, стр. 47—67.
- Юсупов И. А. Об экономических воззрениях Алишера Навои. — В кн.: «Из истории экономической мысли народов СССР. Сборник статей», Москва, 1961, стр. 75—86.
- Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. — В кн.: «Алишер Навои», Москва — Ленинград, 1946, стр. 5—30.

**III. УЛУГБЕК, ЕГО ЖИЗНЬ И ТРУДЫ.
ОБСЕРВАТОРИЯ УЛУГБЕКА И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
(ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, РАСКОПКИ, ОПЫТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ).
БИОГРАФИИ АСТРОНОМОВ**

- Акрамов С. А. Великий узбекский ученый Улугбек. — Ташкент, 1961, 43 стр. («Знание»), на узбек. яз.
- Али Кушчи. Письма об астрономии. Введение и статья академика Академии наук Узбекской ССР И. М. Муминова. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1968, 272 стр., на узбек. яз.
- Ахмедов Б. Улугбек. Отв. ред. акад. АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов. — Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965, 38 стр., на узбек. яз.
- Ахмедов Б. А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека. Сборник статей», Ташкент, 1965, стр. 5—66.
- Ахмедов Б. Об Улугбеке. — Звезда Востока («Шарк Юлдузи»), Ташкент, 1969, № 4, стр. 124—136, на узбек. яз.
- Бартольд В. В. Улугбек и его время. — Петроград, 1918, 160+24 стр. (Записки Российской Академии наук. Историко-философское отделение, Том VIII, № 5). Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том II, часть I, Москва, 1964, стр. 25—196.
- Булгаков П. Г. К биографии Улугбека. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 99—100.
- Вороновский Д. Г. Астрономы Средней Азии от Мухаммеда ал-Хаваразми до Улугбека и его школы (IX—XVI вв.). — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека. Сборник статей». Ташкент, 1965, стр. 100—172.

- Вопросы истории математики и астрономии в Средней Азии... Сборник статей. Отв. редактор М. С. Куклес. — Самарканд, 1962, 124 стр. (Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои, Новая серия, Вып. 119).
- Вяткин В. Л. Мирза Улугбек и его обсерватория в Самарканде. — В кн.: «Мирза Улугбек». Туркестанское научное общество при Среднеазиатском государственном университете, Ташкент, 1925, стр. 6—8.
- Гевеллий Ян. Атлас звездного неба. Редакция и вступительная статья академика АН УзССР В. П. Щеглова. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1968, XXXII стр. + 56 табл.
Сведения об изданиях основного труда Самаркандской обсерватории «Зидж Улугбека». Деятельность обсерватории и Улугбека.
- Гулямов Я. Г. и Буряков Ю. Ф. К планировке обсерватории Улугбека по материалам раскопок 1967 года. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1968, № 2, стр. 69—71.
- Джалалов Г. Д. Гияс ад-дин Джемшид Чустин (Каши) — крупнейший астроном и математик XV века. — Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института имени Низами, Вып. VII (Физико-математические науки), Ташкент, 1959, стр. 141—158.
- Джалалов Г. Д. К вопросу о составлении планетных таблиц Самаркандской обсерватории. — Историко-астрономические исследования, Вып. I, Москва, 1955, стр. 110—122.
- Джалалов Г. Д. Некоторые замечательные высказывания астрономов Самаркандской обсерватории. — Историко-астрономические исследования, Вып. IV, Москва, 1958, стр. 381—386.
- Джалалов Г. Д. Обсерватория Улугбека в свете новых данных. — Научная сессия Академии наук Узбекской ССР 9—14 июня 1947 г. — Ташкент, 1947, стр. 127—136.
- Джемшид Гиясэддин ал-Каши. Ключ арифметики. Трактат об окружности. — Историко-математические исследования, Вып. VII, Москва, 1956, стр. 186—224.
- Из истории эпохи Улугбека. Сборник статей. Отв. ред. доктор филологических наук А. К. Арендс. — Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965, 378 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения им. Абу Рейхана Беруни).
- Казизаде ар-Руми. Об определении синуса одного градуса. Перевод с арабского Б. А. Розенфельда. Комментарии А. П. Юшкевича и Б. А. Розенфельда. — Историко-математические исследования, Вып. VII, Москва, 1956, стр. 538—556.
- Кары-Ниязов Т. Н. Астрономическая школа Улугбека. Ответственные редакторы проф. С. П. Толстов и проф. Л. Л. Маткевич. — Москва—Ленинград, 1950, 330 стр. (Академия наук СССР).
- Кары-Ниязов Т. Н. Мировое значение астрономической школы Улугбека в Самарканде. Тезисы докладов, Ташкент, 1969, стр. 4—6.
- Кары-Ниязов Т. Н. Обсерватория Улугбека в свете новых данных. — В кн.: «Научная сессия Академии наук Узбекской ССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 127—136.
- Кары-Ниязов Т. Н. О некоторых результатах, полученных обсерваторией Улугбека. — Москва, 1960, 10 стр. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Кары-Ниязов Т. Н. Секстант, как главный инструмент обсерватории Улугбека. — Астрономический журнал, Москва, 1947, I, XXIV, № 7, стр. 249—253.
- Кары-Ниязов Т. Н. Улугбек—великий астроном XV в. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека. Сборник статей», Ташкент, 1965, стр. 67—99.
- Леонов Н. И. Научный подвиг самаркандских астрономов XV века. — Москва, Государственное издательство физико-математической литературы, 1960, 117 стр.
- Леонов Н. И. Улугбек—великий астроном XV века. Издание 2-е. — Москва, Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1950, 68 стр.

- Лунии Б. В. Самаркандский любитель древности и каллиграф Абу Саид Махзум. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 178—184.
- Его участие в открытии руин обсерватории Улугбека.
- Маур Ю. Н. и Дондуа К. Д. «Зидж» Улугбека с персидско-грузинским комментарием. — В кн.: «Персо-грузинские исследования», Часть I, Тбилиси, 1926, стр. 1—53.
- Матвиевская Г. П. К истории математики Средней Азии IX—XV веков. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1962, 125 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт математики имени В. И. Романовского).
- Массон М. Е. Обсерватория Улугбека. — Ташкент, 1941, 48 стр. (Академия наук СССР. Узбекский филиал. Институт языка, литературы и истории).
- Муминов И. М. Об одном рисовании Али-Кушчи. — Фан ва турмуш (Наука и жизнь), Ташкент, 1967, № 5, стр. 23—27, на узбек. яз.
- Нильсен В. А. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде. — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, Том V, Обсерватория Улугбека, Ташкент, 1953, стр. 101—128.
- Обсерватория Улугбека. — Ташкент, 1953, 128 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Труды Института истории и археологии, Том V).
- Пугаченкова Г. А. Архитектурная композиция обсерватории Улугбека. — Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов, Ташкент, 1969, стр. 28—30.
- Розенфельд Б. А. и Юшкевич А. П. О трактате Казии-Заде ар-Руми об определении синуса одного градуса. — Историко-математические исследования, Вып. XIII, Москва, 1960, стр. 530—548.
- Савицкий А. П. Заметки о памятнике Улугбеку. — Труды Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина, Новая серия, Вып. 169. Исторические науки, Кн. 34. Материалы из истории Средней Азии и Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 40—44.
- Сираждинов С. Х. и Матвиевская Г. П. О математических работах школы Улугбека. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека. Сборник статей», Ташкент, 1965, стр. 173—199.
- Мирза Улугбек. Сборник статей. — Ташкент. Государственное издательство Узбекской ССР, 1925, 32 стр. (Туркестанское научное общество при Среднеазиатском государственном университете).
- Шишкин В. А. Обсерватория Улугбека и ее исследования. — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, Том V. Обсерватория Улугбека, Ташкент, 1953, стр. 3—100.
- Шишкин В. А. Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде в 1948 г. — Известия Академии наук Узбекской ССР, 1949, № 3, стр. 36—45.
- Шишкин В. А. Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде в 1948 году. — В кн.: «Тезисы научных докладов на сессии Академии наук Узбекской ССР 24—28 января 1949 г.», Ташкент, 1949, стр. 87.
- Шишкин В. А. Самаркандская обсерватория Улугбека. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1965, стр. 200—226.
- Шмидт А. Э., Субботин М. Ф. и Вяткин В. Л. Мирза Улугбек. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1925, 8 стр.
- Щеглов В. П. К вопросу о географических координатах и азимуте секстанта обсерватории Улугбека в Самарканде. — Астрономический журнал, Москва, 1953, Том XXX, № 2, стр. 86—89.
- Щеглов В. П. Обсерватория Улугбека в Самарканде. — Москва, Издательство Академии наук СССР, 1958, 32 стр.
- Щеглов В. П. Самаркандская обсерватория Улугбека. — Земля и Вселенная, Москва, 1967, № 4, стр. 62—68.
- Юшкевич А. П. О математике народов Средней Азии в IX—XV веках. — Исто-

рико-математические исследования, Вып. IV, Москва—Ленинград, 1958, стр. 455—488.

- Юшкевич А. П. и Розенфельд Б. А. Джемшид Гиясэддин ал-Каши. В кн.: «Джемшид Гиясэддин-ал-Каши. Ключ арифметики. Трактат об окружностях». — Москва, 1965, стр. 3—36.
- Юшкевич А. П. и Розенфельд Б. А. Математика в странах Востока в средние века. — Из истории науки и техники в странах Востока, Вып. I, Москва, Издательство восточной литературы, 1960, стр. 349—421.

IV. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ ВРЕМЕНИ ТИМУРИДОВ
(РАСКОПКИ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ, КУРГАНОВ И ДР.).
ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ТОПОГРАФИИ

- Ахмедов Б. К исторической географии Гератского вилайета эпохи Навои. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1968, № 9, стр. 52—56.
- Ахраров И. Археологические исследования городища Ахсыкет в 1960 году. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1962, № 8, стр. 53—58.
- Ахраров И. Новые археологические материалы с городища Ахсыкет XIV—XVI веков. — Общественные науки в Узбекистане, 1969, № 8—9, стр. 79—81.
- Бартольд В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. — Известия Российской академии истории материальной культуры, IV, Ленинград, 1925, стр. 119—132. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, Москва, 1966, стр. 269—279.
- Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. — Записки Восточного Отделения Русского археологического общества, Том XXV (1917—1920), Петроград, 1921, стр. 55—76. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, Москва, 1966, стр. 377—396.
- Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры, I, Ленинград, 1926, стр. 207—216. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, Москва, 1966, стр. 282—289.
- Беленицкий А. М. Историческая топография Герата XV века. — В кн.: «Алишер Навои. Сборник статей», Москва—Ленинград, 1946, стр. 175—202.
- Бернштам А. Н. Древний Отрар. (Предварительный отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1948 г.). — Известия Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1951, № 108. Серия археологическая. Вып. 3, стр. 81—97.
- Буряков Ю. Ф. Историческая топография Самарканда тимуровского времени. — Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов, Ташкент, 1960, стр. 26—28.
- Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. — Самарканд, Главизука Наркомпроса Узбекской ССР, 1926, 65 стр.
- Вяткин В. Л. Самаркандская археологическая хроника. — Известия Среднеазиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, Вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 276—279.
Находки времени Тимуридов.
- Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. — Сталинабад, 1955, 231 стр. (Академия наук Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Труды, Том 35).
Первые века н. э. — XIX в.
- Забелина Н. П. Раскопки на городище Калан-Мир. — Материалы и исследования по археологии СССР № 37, Москва, 1953, стр. 294—301.
Многослойное городище: VII—V, II—I вв. до н. э. и XV, XVIII—XIX вв. н. э. Таджикская ССР.
- Иванов П. П. Сайрам. Историко-археологический очерк. — В кн.: «Ал-Искандерна». Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 46—56.

- Кабанов С. К. Археологические разведки в Шахрисябском оазисе. — Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1951, № 6, стр. 61—68.
- Кудряшев С. Н. Материалы по культурной флоре древнего Термеза XV в. — В кн.: «Термезская археологическая экспедиция», Том II, Ташкент, 1945, стр. 176—190 (Труды Академии наук Узбекской ССР, Серия I. История, археология).
- Левина В. А. Позднее городище Анау. — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Том II, Ашхабад, 1951, стр. 344—378. IX—XIX вв.
- Лунина С. и Усманова З. И. Некоторые археологические наблюдения на городищах Чиназа и Занги-Ата. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. III. Исторические науки, Кн. 25. Археология Средней Азии, Ташкент, 1957, стр. 193—196.
Обследование средневековых поселений Ташкентской области.
- Лунина С. и Усманова З. И. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции. — В кн.: «Археологические открытия 1968 года», Москва, Издательство «Наука», 1969, стр. 423—424.
Шахрисябская крепостная стена времени Тимуридов.
- Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.). — Известия Академии наук Казахской ССР, № 49. Серия историческая, Вып. 4, Алма-Ата, 1948, стр. 119—145.
Памятники VIII—XVI вв.
- Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. — Ташкент, 1951, 124 стр. (Академия наук Узбекской ССР, Труды Института истории и археологии, Том IV).
- Массон В. М. Городище Ханбад. — Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета, Вып. 3 (Гуманитарные науки), Ташкент, 1951, стр. 73—87.
VI—XVII вв.
- Массон М. Е. Археологические работы в Узбекистане за 1933—1935 гг. В кн.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады», Москва—Ленинград, 1939, стр. 127—129.
- Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои (Вторая половина XV в.). Краткий историко-топографический очерк. — Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, Вып. 81. Исторические науки, Кн. 12. Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 57—84.
- Массон М. Е. Ахангерая. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, 144 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
- Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение. — Труды Узбекского филиала Академии наук СССР. Серия I. История, археология, Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1940, стр. 5—122.
- Массон М. Е. К исторической топографии Герата XV века. — В кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 120—145.
- Массон М. Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением в нем городской железной дороги в 1923 году. — Известия Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, Вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 115—120.
Памятники и культурные отложения XIV—XV вв.
- Массон М. Е. Прошлое Ташкента (Археолого-топографический и историко-архитектурный очерк). — Известия Академии наук УзССР, Ташкент, 1951, № 2, стр. 105—132.
Ташкент при Тимуре и Тимуридах.
- Массон М. Е. Старый Сайрам. — Известия Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, Вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 23—42.
- Массон М. Е., Лунина С. Б. Пятый сезон археологических работ в Кашкадарье. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1958, № 6, стр. 61—62.
- Обельченко О. В. Городища старого Мерва Абдулла-хан-када и Байрам-Али-када в свете работ ЮТАКЭ 1950 г. — Труды Южно-Туркменистанской

- археологической комплексной экспедиции, Том XII, Ашхабад, 1963, стр. 309—349.
- Пацевич Г. И. Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII—XV вв. н. э. (По археологическим данным). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Москва, 1954, 16 стр. (Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры).
- Пачос М. Средневековые погребения на городище Афросиаб. — Научные работы и сообщения, Кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 191—196 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).
- Писарчик А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы. — Труды Академии наук Таджикской ССР, Том 42, Душанбе, 1956, стр. 145—194.
- Работы кафедры археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимуридов. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. 49. Гуманитарные науки, Кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 3—10.
- Сухарева О. А. К исторической топографии Бухары первой половины XVI в. — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Вып. 5, Душанбе, 1954, стр. 153—166.
- Умняков И. И. К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары. — В кн.: «Ал-Искандарна». Сборник Туркестанского восточного института в честь А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 148—157.
- Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-када в Ургенче. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР, II, Москва, 1958, стр. 505—528.
- Хасанов Хамидулла. Среднеазиатские географы и путешественники. — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1964, 252 стр., на узбек. яз.
- Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. — В кн.: «Афрасиаб», Вып. I, Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1969, стр. 3—121.
- Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции) — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, II, Ленинград, 1940, стр. 113—163.
- Якубовский А. Ю. Обследование памятников античного времени и средневековья.
- Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда. — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, II, Ленинград, 1940, стр. 285—337.

V. НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

- Альхамова З. А. Клад медных тимуридских монет XV века, найденных в Ташкенте при расширении Алмазарской трассы в 1940 году. (Автореферат дипломной работы). — Тезисы докладов научной сессии, посвященной 25-летию САГУ, Ташкент, 1945, стр. 51—53.
- Бартольд В. В. Монеты Улугбека. — Известия Российской Академии истории материальной культуры, II, Петроград, 1922, стр. 190—192. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, Москва, 1966, стр. 362—364.
- Буряков Ю. Ф. Находка тимуридских монет близ Каттакургана. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1961, № 7, стр. 67.
- Быков А. А. Новый клад из Таджикистана. — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, I, Ленинград, 1945, стр. 87—113.
- Давидович Е. А. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, 80, Москва, 1960, стр. 109—113.

- Давидович Е. А. Денежная реформа Шейбанихана (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.). — В кн.: «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии». Сталинабад, 1954, стр. 95—108 (Академия наук Таджикской ССР. Труды Института истории и археологии, Том 12, Вып. 1).
- Давидович Е. А. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). — Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, Новая серия, Вып. II. Гуманитарные науки, Кн. 3. Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 137—170. Близость к тимуридским монетам.
- Давидович Е. А. К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре в XV—первой половине XVIII в. — Доклады Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1951, № 5, стр. 50—54.
- Давидович Е. А. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в. — В кн.: «Нумизматика и эпиграфика», I, Москва, 1960, стр. 193—198.
- Давидович Е. А. К медным номиналам конца XV—начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза. — Сообщения Таджикского филиала Академии наук СССР, Вып. XXIV, Сталинабад, 1950, стр. 39—46.
- Давидович Е. А. К организации обмена медных монет в Средней Азии конца XV—начала XVI вв. — Труды Академии наук Таджикской ССР, Том СХХ. Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и археологии народов Средней Азии, Сталинабад, 1960, стр. 61—64.
- Давидович Е. А. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 274—299.
- Давидович Е. А. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. — Нумизматика и эпиграфика, V, Москва, 1965, стр. 225—248.
- Давидович Е. А. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Вып. 3, Сталинабад, 1953, стр. 45—72.
- Давидович Е. А. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана. — В кн.: «Абдурахман Джами. Сборник статей. Эпоха, жизнь и творчество», Душанбе, Издательство «Ирфон», 1965, стр. 31—50. Монетное дело тимуридского времени.
- Давидович Е. А. Нумизматическая коллекция Ленинабадского областного историко-краеведческого Музея. — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Вып. 2, Сталинабад, 1952, стр. 64—82.
- Давидович Е. А. Нумизматические данные по социально-экономической и политической истории Средней Азии X—XVIII вв. (Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук). — Душанбе — Москва, 1964, 64 стр.
- Давидович Е. А. Нумизматические коллекции. — В кн.: Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР (Краткий обзор), Сталинабад, 1956, стр. 30—34.
- Давидович Е. А. О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов. — В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии», Москва, Издательство «Наука», 1968, стр. 244—249. Денежная реформа Улугбека. Бухарский чекан с неизменной датой 832 г. х. (1428—1429).
- Давидович Е. А. О чем рассказывают древние монеты. — В кн.: «Археологи рассказывают», Сталинабад, Государственное издательство Таджикской ССР, 1959, стр. 203—225. Денежная реформа 1507 г., стр. 214—219.
- Давидович Е. А. По поводу двух кладов медных монет XV в. из Таджикистана. — Эпиграфика Востока, XVII, Москва — Ленинград, 1965, стр. 111—119.
- Давидович Е. А. По поводу южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухаммед Шейбани-хана. — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Вып. I, Ашхабад, стр. 144—172.
- Давидович Е. А. Шаартузский клад двойных динаров 906/1500—1501 и 907/1501—1502 гг. — Доклады Академии наук Таджикской ССР, Вып. IX, Сталинабад, 1953, стр. 31—42.
- Лукин Б. В. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (По архивным данным). —

История материальной культуры Узбекистана, Вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 164—178.

Монеты чекана Тимуридов.

- Массон М. Е. К истории монетного чекана Средней Азии периода правления Тимура и Халил Султана.— *Общественные науки в Узбекистане*, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 51—63.
Ташкентский клад фальшивых монет — копий тенег Тимура и Халил Султана конца XIV — начала XV в.
- Массон М. Е. Клад медных монет XV века близ Оша.— *Эпиграфика Востока*, XIII, Москва, 1960, стр. 110—124.
Описание клада. Некоторые особенности обращения медных монет на территории Восточной Ферганы в XV в.
- Массон М. Е. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом.— *Ташкент*, 1933, 23 стр. (Материалы Узкомстариса, Вып. 4).
- Массон М. Е. Монетный клад XIV века из Термеза.— *Бюллетень Среднеазиатского государственного университета*, Вып. 18, № 7, Ташкент, 1929, стр. 53—68.
- Массон М. Е. Серебряные монеты XIV века из погребения в могильнике в бассейне реки Нура.— *Труды Института истории, археологии, и этнографии Академии наук Казахской ССР*, Том VII, Археология, Алма-Ата, 1959, стр. 262—265.
- Мухтаров А. Надпись Султана Захируддина Бабура (1483—1530 гг.) на камне в Матче.— *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*, Вып. 5, Сталинабад, 1954, стр. 109—115.
- Пономарев А. И. Поправки к чтению «надписи Тимура». — *Советское востоковедение*, III, Москва — Ленинград, 1945, стр. 222—224.
- Поппе Н. Н. Карасакпайская надпись Тимура.— *Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа*, II, Ленинград, 1940, стр. 185—187.
- Ртвеладзе Э. В. Термезский клад монет Тимура и Халил Султана.— *Общественные науки в Узбекистане*, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 95—98.
- Семенов А. А. Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара в Гур-и Эмире в Самарканде.— *Эпиграфика Востока*, I, Москва—Ленинград, 1947, стр. 23—26.
- Семенов А. А. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире.— *Эпиграфика Востока*, II, Москва—Ленинград, 1948, стр. 49—62; III, 1949, стр. 45—54.
- Сусенкова Р. С. Клад медных монет конца XV века из горного селения Суюк Ташкентской области.— *Труды Среднеазиатского государственного университета*, Новая серия, Вып. CXI. Исторические науки. Кн. 25. Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 177—180.
Тимуридецкий медный чекан.
- Федоров М. Н. Клад монет Улугбека из Самарканды.— *Общественные науки в Узбекистане*, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 98—99.
- Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в.— *Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР*, 66, Москва, 1956, стр. 59—64.
- Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты.— Москва, Издательство «Наука», 1968, 152 стр.
Разгром Золотой Орды Тимуром, стр. 145—148.
- Федоров-Давыдов Г. А. Монетная система Хорезма XIV в.— *Советская археология*, Москва, 1957, № 2, стр. 239—246.

VI. ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ИХ ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО.
ВОПРОСЫ РЕМОНТА И РЕСТАВРАЦИИ

- Абдурашулов Р. Р. и Ремпель Л. И. Неизвестные памятники Кашкадарьи (Из материалов искусствоведческой экспедиции Института искусствознания АН УзССР, 1961).— *Искусство зодчих Узбекистана*, I, Ташкент, 1962, стр. 5—44.
- Альбаум Л. И. Панель Гуримира.— *Труды САГУ. Новая серия*, Вып. 49. Гуманитарные науки, Кн. VI. Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 131—141.

- Альхамова З. А., Давидович Е. А., Литвинский Б. А. и Мас-сон М. Е. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте.—Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. 49. Гуманитарные науки, Кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 171—179.
- Архитектурные памятники Туркмении. Вып. 1. Сост. Н. М. Бачинский при участии С. А. Ершова, А. А. Марущенко и В. А. Пилявского. Научный редактор Н. Б. Бакланов.—Москва—Ашхабад, Издательство Академии архитектуры СССР, 1939, 182 стр.
- Бакланов Н. Б. Герих. Геометрический орнамент Средней Азии и методы его построения.—Советская археология, IX, Москва, 1947, стр. 102—120.
- Бакланов Н. Б. Три сооружения Тимура.—Труды Всероссийской Академии художеств, I, Москва, 1947, стр. 51—66.
- Дворец Ак-Сарай в Шахрисабзе, мечеть Биби-Ханым в Самарканде и мавзолей Ходжа-Ахмеда Ясеви в г. Туркестане.
- Бартольд В. В. Анау [Из письма академика Бартольда Институту туркменской культуры].—Туркменоведение, Ашхабад, 1928, № 9, стр. 68—69.
- Мечеть в Анау.
- Бартольд В. В. Новые данные о самаркандских памятниках.—Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества, т. XXV, Петроград, 1921, стр. 83—88. Также: Бартольд В. В., Сочинения, т. IV, Москва, 1966, стр. 238—242.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920 г.—Известия Российской Академии наук, 6 Серия, т. XV, Петроград, 1921, стр. 188—219.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (в 1920 г.).—Известия Российской Академии истории материальной культуры, II, Петроград, 1922, стр. 1—22. Также: Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, Москва, 1966, стр. 243—261.
- Бартольд В. В. Перидское арк («крепость, цитадель»).—Известия Российской Академии истории материальной культуры, I, Петроград, 1921, стр. 29—32.
- Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. Предисловие акад. А. В. Шусева. Отв. редактор А. П. Смирнов.—Москва—Ленинград, 1949, 48 стр. (Академия наук СССР. Институт истории искусств).
- Бачинский Н. М. Исследование и освоение материалов и методов старых среднеазиатских зодчих.—Доклады Академии наук СССР, Том XXX, Москва, 1941, № 3, стр. 278—281.
- Бачинский Н. М. К вопросу об антисейсмических мероприятиях среднеазиатских зодчих XV—XVII вв.—Проблемы истории докапиталистических обществ, Москва—Ленинград, 1934, № 5, стр. 101—109.
- Бачинский Н. М. Резное дерево в архитектуре Средней Азии.—Москва, Государственное архитектурное издательство, 1947, 220 стр.
- Безбородов Н. А. Мозаичные резные изразцы средневекового Анау.—Доклады Академии наук СССР, Том 51, № 5, Москва, 1936, стр. 68—74.
- Безбородов Н. А. Строительные материалы мавзолея Анау.—Известия Туркменского филиала Академии наук СССР, Ашхабад, 1948, стр. 36—42.
- Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии.—Москва—Ленинград, 1950, 146 стр. (Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры).
- Бернштам А. Н. К происхождению мавзолея Бабаджи Хатун.—Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, 61, Москва, 1956, стр. 86—95.
- Бернштам А. Н. Мазар Манаса.—Фрунзе, Государственное издательство Киргизской ССР, 1946, 12 стр. («Памятники архитектуры Киргизстана». Научно-популярная серия).
- Бородин И. Ф. Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека.—Советская археология, Москва, 1962, № 2, стр. 185—200.
- Бородин И. Ф. Интерьер монументальных сооружений Самарканда конца XIV—XV веков.—Автореферат диссертации..., Ленинград, 1965, 26 стр. (Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Академии художеств СССР).
- Бородин И. Ф. Интерьер памятников архитектуры Самарканда рубежа XIV—XV вв.—Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Душанбе, 1958, № 2(17), стр. 11—30.
- Бородин И. Ф. Реставрационные работы в интерьере мавзолея Гур-Эмир в 1965 г. (Информационное сообщение).—Исследование и реставрация памят-

- ников архитектуры Узбекистана. Сборник статей, Ташкент, 1966, стр. 37—38.
- Бретаницкий Л. С. К вопросу взаимосвязи в средневековом зодчестве Азербайджана и Средней Азии. — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, Том IV, № 7, Баку, 1948, стр. 315—319.
- Булатов М. С. Зодчий и эпоха. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 20—25.
- Характеристика общественного положения зодчих в государстве Тимуридов.
- Булатова В. А. К истории сложения ансамбля Шах-и-Зинда в XV в. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека. Сборник статей», Ташкент, Издательство «Фан», Узбекской ССР, стр. 256—273.
- Бурнашева Ф. А. Опыт технологического исследования глазурей керамической мозаики XV в. из медресе Улугбека. — Научные работы и сообщения, Кн. 3, Ташкент, 1961, стр. 265—272 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).
- Быков В. и Яралов Ю. Ансамбли Самарканда — Ходжа-Абди-Дарун и Ходжа-Даниар. — Архитектура СССР, Москва, 1944, № 6, стр. 34—38.
- Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. — Москва, Государственное архитектурное издательство, 1948, 62 стр. (Декоративное искусство народов СССР).
- Веймарн Б. В. Изучение орнамента Хивы XIV—XIX вв. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР, 28, Москва, 1949, стр. 110—114.
- Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии. — Москва, Издательство «Искусство», 1940, 192 стр.
- Веймарн Б. В. Мечеть Кок-Гумбез в Ура-Тюбе. — Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, 8, Москва, 1947, стр. 17—24.
- XV в. Таджикская ССР.
- Веймарн Б. В. Регистан в Самарканде. — Москва, Академия архитектуры СССР, 1946, 100 стр. (Сокровища зодчества народов СССР. Под редакцией акад. В. А. Веснина).
- Визель О. Э. Сведения о грунте, на котором построена мечеть Анау (По данным проф. Р. Пампелли). — В кн.: «Обследование состояния сохранности мечети Анау 16-го июля 1926 г. членами Туркменского научно-исследовательского института», Полторацк (Асхабал), 1926, стр. 3—5.
- Виноградов А. Н. Мавзолей-восьмигранник в ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде. — В сб.: «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», Вып. I, Москва, 1950, стр. 5—13.
- Волин С. Л. Старейшее письменное известие о Шах-и-Зинде. — Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1940, № 11, стр. 69—70.
- Ворогин Л. Н. Сооружения башенного типа в архитектуре Востока и их генезис. — Труды Среднеазиатского индустриального института. Строительный факультет, Вып. I, Ташкент, 1937, стр. 7—34.
- Ворогин Л. Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. — Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, Вып. I, Москва, 1950, стр. 14—24.
- Ворогина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии. — В сб.: «Архитектурное наследство», III, Москва, 1953, стр. 3—35.
- Ворогина В. Л. Каменная колонна. — Труды Среднеазиатского индустриального института. Строительный факультет, Вып. 4, Ташкент, 1939, стр. 45—70.
- Эволюция каменной колонны в средневековой архитектуре Узбекистана.
- Ворогина В. Л. Колонны соборной мечети в Хиве. — Архитектурное наследство, Москва, 1958, № 11, стр. 154—168.
- Ворогина В. Л. Неизвестные памятники Средней Азии. — В сб.: «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», Вып. I, Москва, 1950, стр. 84—100.
- Архитектурные памятники XI—XVIII вв.
- Ворогина В. Л. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана. — В сб.: «Архитектурное наследство», III, Москва, 1953, стр. 107—129.
- Архитектурные памятники Шахрисабза XIV в.
- Ворогина В. Л. Резные колонны мечети Бокбонли в Хиве. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Вып. 61, Москва, 1956, стр. 96—102.
- XIV в.
- Ворогина В. Л. Стиль надписей колонн соборной мечети в Хиве. — Нумизматика

- и эпиграфика, II, Москва, 1960, стр. 80—88.
Колонны X—XVI вв.
- Вяткин В. Л. Архитектура древнего Самарканда. Иллюстрации Ю. Корнякова. — Москва, 1929, 35 стр.
- Гаганов Г. И. Геометрический орнамент Средней Азии. — Архитектурное наследство, Вып. 11, Москва, 1958, стр. 65—82.
- Гендель Э. Выпрямление минарета в Самарканде. — Архитектура СССР, Москва, 1966, № 2, стр. 59—61.
- Гражданкина Н. С. Глазурованные изразцы в декоре памятников XIV—XVII вв. как датирующий материал. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 6, Ташкент, 1966, стр. 168—175.
- Гражданкина Н. С., Рахимов М. К. и Плетнев И. Е. Архитектурная керамика Узбекистана (Очерк исторического развития и опыт реставрации). — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1968, 156 стр.
- Гулямов Я. Г. Выпрямление северо-восточного («падающего») минарета мадрасы Мирзы Улугбека. — Социалистическая наука и жизнь, Ташкент, 1938, № 11—12, стр. 22—24.
- Гулямов Я. Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. — В кн.: «Великий узбекский поэт. Сборник статей», Ташкент, 1948, стр. 146—157. (Также на узбек. яз., стр. 212—224).
- Гулямов Я. Г. О надгробии Зенгиата. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 267—271.
- Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. — Ташкент, 1941, 44 стр. (Институт языка и литературы и истории Узбекского филиала Академии наук СССР, Труды, Серия 1. История. Археология, Вып. 3).
- Гулямов Я. Г. Склеп Джахангира в Шахрисабзе [XIV в.] — Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1949, № 2, стр. 98—106.
- Гулямов Я. Г. Чупан-Ата. — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Материалы по археологии Узбекистана, Том 1, Ташкент, 1948, стр. 22—34.
- Архитектурный памятник XV в. в окрестностях Самарканда.
- Гулямов Я. Г. и Ахраров И. Раскопки мавзолея в Яккабаге — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 26—29.
Памятник XIV—XV вв. близ Шахрисабза.
- Давидович Е. А. К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре. — Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, Вып. 1, Москва, 1950, стр. 25—30.
- Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. — Москва—Ленинград, Издание Всесоюзной Академии архитектуры, 1939, 228 стр.
- Денисова М. М. Памятник архитектуры эпохи Тимура (Соборная мечеть «Биби-Ханым» в Самарканде). — Труды Секции истории искусств Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов, V. Искусство Средней Азии, Москва, 1930, стр. 72—80.
- Джахангир В. А. и Засыпкин Б. Н. Исследования мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде Руми. — В кн.: «Архитектура республик Средней Азии», Москва, 1951, стр. 215—228.
- Дудин С. М. К вопросу о технике изготовления изразцовых мозаик Средней Азии. — Известия Государственной Академии истории материальной культуры, IV, Ленинград, 1925, стр. 183—204.
- Жуков В. Д. Остатки монументального сооружения XIV в. [Дворцового сооружения эпохи Тимура в Самарканде]. — Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1949, № 4, стр. 112—113.
- Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. — Москва, Издательство Академии архитектуры СССР, 1948, 159 стр. (Очерки по истории архитектуры народов СССР).
- Архитектурный ансамбль Шах-и-Зинда (стр. 78—88). Соборная мечеть Биби-Ханым (стр. 93—97). Гур-Эмир (98—100). Архитектура времени Улугбека (стр. 101—104). Мавзолеи Ишрат-хана и Ак-Сарай (стр. 105—110). Ансамбль площади Регистан (стр. 130—133).
- Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. — В кн.: «Вопросы реставрации», Том II, Москва, 1928, стр. 207—283.
- Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Ферганы. — Труды Секции истории искусств Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов, V, Искусство Средней Азии, Москва, 1930, стр. 62—71.

- Засыпкин Б. Н. Декоративно-художественные элементы мавзолея Ишратхана. — В кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 91—108.
- Засыпкин Б. Н. Изучение древних сооружений Средней Азии. — Новый Восток, 1925, Кн. 10—11, стр. 257—270.
- Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. — В кн.: «Вопросы реставрации», Том I, Москва, 1926, стр. 137—178.
- Засыпкин Б. Н. Памятники монументального искусства Советского Востока. — В кн.: «Художественная культура Советского Востока», Москва—Ленинград, «Academia», 1931, стр. 21—49.
- Засыпкин Б. Н. Своды в архитектуре Узбекистана. — Архитектурное наследие, XIII, Москва, 1961, стр. 130—168.
- Захидов П. Ш. Мавзолеем Бабн-Ханым. — В кн.: «Архитектурное наследие Узбекистана. Сборник статей», Ташкент, 1960, стр. 60—74. (Академия наук Узбекской ССР. Институт искусствознания).
- Кабанов С. К. Руины дворца Ак-Сарай в Шахрисабзе. — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, Том I, Материалы по археологии Узбекистана, Ташкент, 1948, стр. 35—46.
- Калмыков В. П. К вопросу изучения исторической архитектуры Средней Азии. — Советская архитектура, Москва, 1933, № 6, стр. 41—46.
- Карелин А. А. Состояние мозаик и других украшений мечети. Заключение. — В кн.: «Обследование состояния сохранности мечети Анау 16—20 июля 1926 г. членами Туркменского научно-исследовательского института», Полторацк (Асхабад), 1926, стр. 10—11.
- Кесати Р. Т. Деревянная резная дверь из Гури-Мира. — Труды Государственного Эрмитажа, II, Ленинград—Москва, 1958, стр. 147—158.
- Кобранов Е. Я. Историческое и культурное значение Анау. — Асхабад—Полторацк, Туркменское государственное издательство, 1927, 51 стр.
- Константинова В. В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарья. — Известия Академии наук Казахской ССР. Серия архитектурная, Вып. 2, Алма-Ата, 1950, стр. 37—54.
Мечеть Али Ходжа-ата (XV—XVIII вв.).
- Корнилов П. Е. Архитектурные памятники Бухары. — Архитектура СССР, Москва, 1936, № 6, стр. 62—64.
- Кочедамов В. И. Городские водоемы Бухары и Самарканда. — Архитектурное наследие, 8, Москва, 1957, стр. 165—186.
- Крусман Б. В. К вопросу о стиле архитектурных памятников Самарканда XV в. — Труды Секции истории искусства Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов, V, Искусство Средней Азии, Москва, 1930, стр. 28—41.
- Крюков К. С. Построение арок в архитектуре Средней Азии IX—XVII вв. — Сборник научных трудов, Вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 118—122 (Научно-исследовательский институт по строительству Академии строительства и архитектуры СССР).
- Крюков К. С. Прогрессивные тенденции зодчества Средней Азии XVI века. — Автореферат диссертации..., Ташкент, 1965, 22 стр. (Министерство высшего и среднего специального образования Узбекской ССР. Ташкентский политехнический институт).
- Крюков К. С. Реставрация большого тимпана на медресе Шир-Дор в Самарканде. — Строительство и архитектура Узбекистана, Ташкент, 1962, № 1, стр. 16—17.
- Лавров В. А. Архитектурно-планировочная композиция Среднеазиатского города. — Проблемы архитектуры, Том 2, Кн. 1, Москва, 1937, стр. 245—259.
- Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века). — Москва, Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950, 178 стр.
Раздел V. Среднеазиатские города Тимуридов и Шейбанидов.
- Лавров В. Цвет в архитектуре Средней Азии. — Архитектура СССР, Москва, 1941, № 3, стр. 61—68.
- Левина В. А. О резной деревянной двери медресе Улугбека в Бухаре. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, Вып. 49. Гуманитарные науки, Кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 161—169.
- Левина-Булатова В. А. К истории мавзолея Зейн-аддина. — Архитектурное наследие Узбекистана. Сборник статей, Ташкент, 1960, стр. 75—84. (Академия наук Узбекской ССР. Институт искусствознания).

- Литвинский Б. А. — О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Вып. 4, Сталинабад, 1953, стр. 55—67.
- Лунии Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1958, 320 стр.
Данные к изучению историко-археологических и других памятников времени Тимуридов.
- Мавзолей Ишратхана (в Самарканде). Монографический сборник. Под редакцией действительного члена Академии наук Туркменской ССР, профессора М. Е. Массона. — Ташкент, Государственное издательство художественной литературы, 1958, 168 стр.
- Маньковская Л. Ю. Исследования архитектурного комплекса мавзолея Ахмеда Яссави в городе Туркестане и вопросы его реставрации. — Автореферат диссертации..., Ташкент, 1963, 18 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт искусствознания им. Хамзы).
- Маньковская Л. Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XVI в. (Мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави). — Искусство зодчих Узбекистана, I, Ташкент, 1962, стр. 93—142.
- Маньковская Л. Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Яссави в г. Туркестане. — Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии, Вып. 3 (14), Алма-Ата, 1960, стр. 52—59.
- Маргулан А. Х. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. Из отчета экспедиции 1946 г. — Вестник Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1947, № 11, стр. 62—71.
VIII—XV вв.
- Маргулан А. Х., Басенов Т. Қ. и Мендикулов М. М. Архитектура Казахстана. — Алма-Ата, 1959, 171 стр.
- Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Сборник статей. Посвящается памяти Б. Н. Засыпкина. Научный редактор канд. ист. наук Ы. А. Нильсен, Вып. I. Ташкент, Государственное издательство художественной литературы УзССР, 1967, 160 стр.
- Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. I. — Москва, 1950, 102 стр.
- Массон М. Е. Ишрат-хана и фрагмент ее панели. — В кн.: «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели». — Ташкент, 1927, стр. 171—178.
- Массон М. Е. Катта Ялгар в области средневекового Кеша. — Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, Вып. 295. Археология Средней Азии, VII, Ташкент, 1966, стр. 66—105.
- Массон М. Е. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах (По поводу выпрямления северо-восточного минарета медресе Улугбека в Самарканде). — Материалы Узбекстанского Комитета по охране памятников старины, искусства и природы, Вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 1—10.
- Массон М. Е. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея Ходжа Ахмеда в группе Шахзинда в Самарканде в 1922 году. — Известия Узбекстанского отдела Русского географического общества, Том XVII, Ташкент, 1924, стр. 153—160.
- Массон М. Е. О былых охотничьих парках в Средней Азии. — В кн.: «Сборник статей по истории и философии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953, стр. 145—150. (Академия наук Таджикской ССР. Труды Института истории, археологии и этнографии, Том XVII).
- Массон М. Е. О местонахождении сада Тимура «Девлет Абад». — Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы, Вып. III, Ташкент, 1928, стр. 43—58.
- Массон М. Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане. — Известия Среднеазиатского географического общества, Том XIX, Ташкент, 1929, стр. 39—45.
- Массон М. Е. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде. — Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, Вып. I, Москва, 1950, стр. 46—51.
- Массон М. Е. Падающий минарет (северо-восточный минарет Самаркандского медресе Улугбека). — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1968, 44 стр.
Из воспоминаний (поддержание и выпрямление минарета в 1918—1932 гг.).

- Массон М. Е. План окрестностей Самарканда второй половины XV века. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, Вып. 61. Гуманитарные науки, Кн. 6. Археология Средней Азии, II, Ташкент, 1953, неум. стр. (Приложение).
- Массон М. Е. План Самаркандского хисара XV века. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. 61. Гуманитарные науки, Кн. 6. Археология Средней Азии, II, Ташкент, 1953, неум. стр. (Приложение).
- Массон М. Е. Предисловие «От редакции» к статье «Обследование усыпальницы Чильдухтарон в Самарканде». — Социалистическая наука и техника, Ташкент, 1936, № 5, стр. 32—34.
- Массон М. Е. Проблема изучения шестерн-сардоба. — Материалы Узкомстарта (Узбекистанского комитета по охране памятников материальной культуры), Вып. 8, Ташкент, 1935, 44 стр.
Сардобы времени Тимура.
- Массон М. Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстарта на мавзолеях «Гур-Эмир» и «Ак-Сарай» в Самарканде в 1924 году. — Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы, Вып. I, Ташкент, 1926, стр. 82—114.
- Массон М. Е. рец. Julius Smolik. Die Timuridischen Baudenkmäler in Samarkand aus der Zeit Tamerlans, Wien, 1928, 47 стр. — Труды Узбекистанской государственной публичной библиотеки, Том I, Ташкент, 1935, стр. 242—247.
- Массон М. Е. Самарканд времени Улугбека. — Звезда Востока, Ташкент, 1948, № 5, стр. 89—101.
- Массон М. Е. Самаркандский мавзолей, известный под названием Ишратхана. Историко-археологический очерк. — В кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 7—48.
- Массон М. Е. Самаркандский Регистан. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, Вып. II, Археология Средней Азии, I, Ташкент, 1950, стр. 75—90.
- Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. «Гумбез Манаса». — Москва, Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950, 144 стр. (Памятники архитектуры народов СССР).
- Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке. — Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, Новая серия, Вып. 61. Гуманитарные науки, Кн. 6. Археология Средней Азии, 1953, стр. 17—97.
- Мендикулов М. М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана. — Известия Академии наук Казахской ССР, № 80, Серия архитектурная, Вып. 2, Алма-Ата, 1950, стр. 3—36.
VIII—XVI вв.
- Мендикулов М. М. Памятники архитектуры Казахстана с коническими или пирамидальными куполами. — В кн.: «Архитектура республик Средней Азии», Москва, 1951, стр. 229—240.
- Мершнев М. С. Сардоба городища Арау. — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Том II, Ашхабад, 1951, стр. 396—403.
- Морген В. Г. Наземная фото-теодолитная съемка мечети Биби-Ханым. — Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана. Сборник статей, Ташкент, 1966, стр. 28—30.
- Мрочковский И. К. Живопись мавзолея Биби-Ханым. — В кн.: «Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии», — Москва, 1927, стр. 4—6.
- Мрочковский И. К. Живопись мазара Ак-Сарай в Самарканде. — Сборник I. К X-летию Октября, Москва, 1928, стр. 54—62. (Государственная Академия истории материальной культуры. Московская секция).
- Мухамеджанов А. Р. Новый архитектурный памятник XIV века в Багимазаре. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1963, № 5, стр. 57—59.
Самаркандская область.
- Негматов Н. Н. Мавзолей Туба-Хан. — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Вып. 14, 1957, стр. 45—60.
Мавзолей XIV в. в Ленинабаде.
- Немцева Н. Б. Исследование в «западном» коридоре архитектурного ансамбля Шахи-Зинда. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 123—138.
- Немцева Н. Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 43—50.

- Немцева Н. Б. Раскопки на ансамбле Шах-и-Зида в Самарканде. — Советская археология, Москва, 1964, № 1, стр. 336—338.
- Немцева Н. Б. Раскопки на территории мавзолея «Безмянный № 2» в комплексе Шахи-Зида. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 6, Ташкент, 1966, стр. 151—161.
- Немцева Н. Б. Раскопки на территории Шахи-Зида в Самарканде. — В кн.: «Археологические открытия 1968 года», Москва, Издательство «Наука», 1969, стр. 425—426.
- Носов А. Площадь Регистан в Самарканде. — Архитектура СССР, Москва, 1938, № 5, стр. 67—73.
- Ноткин И. И. Малоизвестные памятники хорезмского зодчества. — Искусство зодчих Узбекистана, I, Ташкент, 1962, стр. 143—177.
- Ноткин И. И. Развитие структуры однокупольного сооружения XIV—начала XV в. в ансамбле Шахи-Зида. — Архитектурное наследие, XIII, Москва, 1961, стр. 181—196.
- Пацевич Г. И. Ремонт и реставрация мавзолея-мечети Ходжа-Ахмеда Ясони в 1939—1941 гг. — Известия Академии наук Казахской ССР, Серия архитектурная, Вып. 2, Алма-Ата, 1950, стр. 95—100.
- Пилявский В. И. Архитектурное наследие Средней Азии. — Архитектура Ленинграда, Ленинград, 1940, № 1, стр. 42—48.
- Пилявский В. И. Ургенч и Миздахкан. — Москва, 1948, 50 стр. (Академия архитектуры СССР. Сокровища зодчества народов СССР. Под общей редакцией акад. В. А. Веснина и Д. Аркина).
Памятники XII—XIV вв.
- Писарчик А. Памятники Кермине. (Результаты обследования архитектурных памятников X, XV, XIX вв.). — Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, Вып. 4, Москва, 1944, стр. 23—35.
- Плетнев И. Е. Анализ построения архитектурных форм мавзолея Гур-Эмир. — Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана. Сборник статей, Ташкент, 1966, стр. 16—24.
- Плетнев И. Е. Ансамбль Мухаммед-султана в Самарканде (XIV в.). — Сборник научных трудов Зонального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий, Вып. VI, Ташкент, 1964, стр. 81—95.
- Плетнев И. Е. Архитектурный комплекс у мавзолея Гур-Эмир. — Сборник научных трудов Зонального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий, Вып. VI, Ташкент, 1964, стр. 96—105.
- Плетнев И. Е. К вопросу о реконструкции мавзолея Биби-Ханым в Самарканде. — Сборник научных трудов, Вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 90—108. (Ташкентский научно-исследовательский институт по строительству Академии строительства и архитектуры СССР).
- Плетнев И. Е. Реставрационные и укрепительные работы на комплексе Гур-Эмир (в Самарканде). — Ташкентский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий, Вып. VII, Ташкент, 1966, стр. 84—93.
- Плетнев И. Е. Реставрация купола мавзолея Гур-Эмир. — Труды Ташкентского политехнического института, Вып. 2, Ташкент, 1967, стр. 451—458.
- Плетнев И. Е. и Шваб Ю. З. К вопросу о формировании группы построек ансамбля Шахи-Зида. — Строительство и архитектура Узбекистана, Ташкент, 1967, № 5—6, стр. 87—89.
- Полупанов С. Н. Архитектурные памятники Самарканда. — Москва, Издание Академии архитектуры СССР, 1948, 34 стр. + таблицы.
- Пугаченкова Г. А. Архитектура Средней Азии эпохи Навои. Автореферат диссертации... — Бюллетень Среднеазиатского государственного университета, Вып. 28, Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ, Ташкент, 1945, стр. 181—184.
- Пугаченкова Г. А. Архитектурная характеристика мавзолея Ишратхана. — В кн.: «Мавзолей Ишрат-хана», Ташкент, 1958, стр. 49—90.
- Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки. — Искусство зодчих Узбекистана, I, Ташкент, 1962, стр. 178—210.
I. Три полузабытых памятника монументальной архитектуры Самарканда (Кутби-Чахар-духум, медресе Шейбани-хана, Чильдух-теран). II. О среднеазиатском архитектурном гизе. III. К характеристике чертежей бухарского мастера XVI в.
- Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники эпохи Улугбека. — В кн.: «История эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 227—255.

- Пугаченкова Г. А. Вопросы развития строительной техники в древнем и средневековом зодчестве Средней Азии. — Строительство и архитектура Узбекистана, Ташкент, 1968, № 3, стр. 33—35.
- Строительно-технические достижения в Мавераннахре при Тимуре.
- Пугаченкова Г. А. Драконы мечети Анау. — Советская этнография, Москва, 1956, № 2, стр. 125—129.
- Пугаченкова Г. А. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-Ханым. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. 49. Гуманитарные науки, Кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 127—130.
- Пугаченкова Г. А. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиадат, тимуридской усыпальницы в Шахрисабзе. — Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, Вып. 1, Москва, 1950, стр. 58—72.
- Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана. — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 57—77.
- Пугаченкова Г. А. К проблеме стиля и школ архитектуры феодального Востока. — Общие вопросы науки в Узбекистане, Ташкент, 1963, № 6, стр. 41—45.
- Пугаченкова Г. А. Мавзолей Калдыргачбия. — Известия Академии наук Казахской ССР. Серия архитектурная, Вып. 2, 1950, стр. 90—94.
- Описание и датировка мавзолея XV в. в Ташкенте, использованного для захоронения казахского военачальника XVI—XVII вв.
- Пугаченкова Г. А. Мастера среднеазиатской архитектуры IX—XVII вв. — Искусство зодчих Узбекистана, III, Ташкент, 1965, стр. 121—130.
- Пугаченкова Г. А. Материалы к истории хорезмского зодчества. — Материалы Хорезмской экспедиции Академии наук СССР, Вып. 7. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг., II, Москва, 1963, стр. 118—137.
- Пугаченкова Г. А. Мечеть Анзу. — Ашхабад, 1959, 58 стр. (Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция Академии наук Туркменской ССР. Отдел охраны памятников Министерства культуры Туркменской ССР).
- Пугаченкова Г. А. Неизвестные архитектурные памятники горных районов Узбекистана. — Искусство зодчих Узбекистана, III, Ташкент, 1965, стр. 66—68.
- Пугаченкова Г. А. Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи. — Известия Академии наук Туркменской ССР, Ашхабад, 1955, № 4, стр. 3—12.
- X—XIV вв.
- Пугаченкова Г. А. Новые материалы по архитектуре ансамбля Султан-Саодат. — Строительство и архитектура Узбекистана, Ташкент, 1965, № 9, стр. 39—41.
- Пугаченкова Г. А. О резных деревянных колонах XIV—XV вв. в г. Туркестане. — Известия Академии наук Казахской ССР, Серия архитектурная, Алма-Ата, 1948, Вып. 1, стр. 40—53.
- Пугаченкова Г. А. Основные черты средневекового архитектурного наследия Южного Туркменистана (VI—XV вв.). — Известия Академии наук Туркменской ССР, Ашхабад, 1956, № 3, стр. 5—14.
- Пугаченкова Г. А. О Таш-Рабате. — Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР, Вып. 3, Фрунзе, 1952, стр. 213—218.
- XV в.
- Пугаченкова Г. А. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. 108. Исторические науки, Кн. 22, Ташкент, 1958, 98 стр.
- Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Том VI, Москва, 1958, 492 стр.
- Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. 23. Гуманитарные науки, Кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 143—168.
- Пугаченкова Г. А. Сауранские башни. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Новая серия, Вып. 57. Исторические науки, Кн. 7, Ташкент, 1957, стр. 163—167.
- Пугаченкова Г. А. Страница из истории тимуридской культуры (Мавзолей Гаухар-шад в Кухсане). — Народы Азии и Африки, Москва, 1968, № 4, стр. 129—135.

Институт востоковедения им. Беруни АН УзССР. Ташкент.

- Пугаченкова Г. А. Три позднегумирдских памятника в Зияратгохе близ Герата. — *Общественные науки в Узбекистане*, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 30—42.
- Мечети Масджиди-лжума, Чильсестун и мавзолей Мулло-Каляя в сел. Зияратгох, в 40 км к югу от Герата.
- Пугаченкова Г. А. Ханака в Мехне. — *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции*, Том V, Ашхабад, 1955, стр. 163—170.
- XV в. Туркменская ССР.
- Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. — Ташкент, Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР, 1958, 292 стр.
- Ратия Ш. Е. Мечеть Биби-Ханым в Самарканде. Исследование и опыт реставрации. — Москва, Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950, 108 стр. (Памятники архитектуры народов СССР).
- Ратия Ш. и Воронин Л. Мавзолей Барак-хан. — *Архитектура СССР*, Москва, 1936, № 11, стр. 67—73.
- Рахматуллаев Ю. Р. Выдающийся опыт применения советской инженерной техники (выпрямление минарета медресе Флугбека). — *Общественные науки в Узбекистане*, Ташкент, 1963, № 1, стр. 56—60.
- Рахматуллаев Ю. Р., Акрамов С. А. К вопросу о реставрации архитектурных памятников Самарканда. — *Известия Академии наук Узбекской ССР, Серия общественных наук*, Ташкент, 1960, № 1, стр. 34—40.
- Ремпель Л. И. Архитектура Хивы. Путевые заметки. — *Архитектура СССР*, Москва, 1936, № 9, стр. 46—51.
- Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Научная редакция доктора искусствоведения Г. А. Пугаченковой. — Ташкент, Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР, 1961, 606 стр.
- Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары). — *Искусство зодчих Узбекистана*, I, Ташкент, 1962, стр. 211—266.
- Ремпель Л. Панджара. Архитектурные решетки и их построение. Чертежи В. Дмитриевского. — Ташкент, Научно-исследовательский институт искусствознания Узбекской ССР, 1957, 114 стр. («Народное декоративное искусство Узбекистана»).
- Санджанов М. Ю. Обследование усыпальницы Чилдухтарон в Самарканде (из работ Узкомстариса в 1935 г.). — *Социалистическая наука и техника*, Ташкент, 1936, № 5, стр. 92—94.
- Семенов А. А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. — Сталинабад, 1945, 46 стр. (Институт истории, литературы и языка Таджикского филиала Академии наук СССР).
- Памятники VI в. до н. э. — XVI в.
- Семенов А. А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. — *Известия Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы*, Вып. I, Ташкент, 1926, стр. 121—130.
- Семенов А. А. Некоторые данные к истории мечети в Анау. — *Известия Туркестанского отдела Русского географического общества*, Том XVII, Ташкент, 1924, стр. 209—215.
- Семенов А. А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Анау. Неса. Мавзолей шейха Абу-Са'ида в Мейхене. Мавзолей султана Санджара в Мерве. (Из археологической поездки А. Э. Шмидта, А. П. Удаленкова и А. А. Семенова в сентябре 1926 г.). — *Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы*, Вып. III, Ташкент, 1928, стр. 56—84.
- Скляревский С. Мечеть в Анау. (Из блокнота архитектора). — *Туркменоведение*, Ашхабад, 1929, № 2—3, стр. 41—45.
- Скляревский С. Ремонт мечети в Анау. — *Туркменоведение*, Ашхабад, 1928, № 9, стр. 7—72.
- Соколова Н. И. Орнаментика мазаров Туркан-ака и Ширин-бек-ака (К вопросу о стиле). — *Труды Секции истории искусств Российской Ассоциации научных-исследовательских институтов*, V, Искусство Средней Азии, Москва, 1930, стр. 42—61.
- Страмцова Т. С. Формы и детали феодальной архитектуры Узбекистана. — *Труды Среднеазиатского индустриального института, Строительный факультет*, Вып. 4, Ташкент, 1939, стр. 5—43.
- Сухарев И. А. Дворец-сад Тимура Давлят-Абад. — *Труды Узбекстанского госу-*

- дарственного университета, Новая серия, № 14, Вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 1—8.
- Томаев Г. Н.** Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV—XV вв. — Москва, Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951, 120 стр.
- Трипольский В. Р.** Структура деформации мечети. — В кн.: «Обследование состояния сохранности мечети Анау 16-го июля 1926 г. членами научно-исследовательского института», Полторацк (Асхабад), 1926, стр. 6—9.
- Умняков И. И.** Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг. — Ташкент, 1929, 40 стр. (Узбекская ССР. Народный комиссариат просвещения. Главный Среднеазиатский музей).
- Филимонов В. М.** Древнее резное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шах-и-Зинда. — Искусство зодчих Узбекистана, 1, Ташкент, 1962, стр. 267—178.
- Филимонов В. М.** Единица линейной меры измерений в практике проектирования и строительства в Средней Азии X—XV вв. — Труды Ташкентского политехнического института, Вып. 28, Ташкент, 1967, стр. 459—474.
- Френкель Н. И.** Мавзолей Абубекр-Мухаммед Каффаль-Шаши в Ташкенте. — Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, Вып. 1, Москва, 1950, стр. 73—83.
XV в.
- Френкель Н. И.** Монументальная архитектура Бухары XVI века (К вопросу о развитии монументальной архитектуры Узбекистана). Автореферат диссертации..., Ташкент, 1954, 15 стр. (Министерство высшего образования. Среднеазиатский политехнический институт).
- Хакимов З. Султан-Саодат.** — Фан ва турмуш (Наука и жизнь), Ташкент, 1966, № 1, стр. 22—25, на узбек. яз.
- Черкасова Н. В.** Памятники резьбы по дереву в Хиве. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, 28, Москва, 1949, стр. 115—116.
- Шваб Ю. З.** К истории сложения северной группы ансамбля Шахи-Зинда. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 139—154.
- Шваб Ю. З.** Мавзолей «Неизвестный № 2», из ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде. — Строительство и архитектура Узбекистана, Ташкент, 1963, № 3, стр. 23—26.
- Шваб Ю. З.** Ранние мавзолей ансамбля Султан-Саодат. — В кн.: «Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 7—15.
- Шишкин В. А.** Архитектурные памятники Бухары. — Ташкент, 1936, 100 стр. (Комитет науки Узбекской ССР. Узбекстанский комитет по охране и изучению памятников материальной культуры).
Медресе Улугбека в Бухаре, Самарканде, Гиждуване и другие памятники.
- Шишкин В. А.** Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент). — Ташкент, 1943, 36 стр. (Академия наук СССР. Узбекстанский филиал. Институт языка, литературы и истории).
- Шишкин В. А.** Гури-Эмир. — Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1946, № 2, стр. 24—27.
- Шишкин В. А.** Гури-Мир. — Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, Вып. 232, Археология и антропология, Ташкент, 1964, стр. 3—73.
- Шишкин В. А.** Мазар Ша-Абду-Малик. — Известия Узбекстанского филиала Академии наук СССР, Ташкент, 1940, № 8, стр. 56—61.
- Шишкин В. А.** Мазары в Загнате. — В кн.: «В. В. Бартольд — туркестанские друзья ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 165—170.
- Шишкин В. А.** Медресе Улугбека в Гиждуване. — Материалы Узбекстанского комитета по охране памятников старины и искусства, Вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 11—18.
- Шишкин В. А.** Надписи на портале большой мечети в Бухаре. — Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1947, № 8, стр. 25—26.
- Шишкин В. А.** О мнимом мавзолее «Улуг-бегим» в Шахи-Зинда. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1962, № 11, стр. 66—67.

- Элементы архитектуры Узбекистана. — Ташкент, 1939, 109 стр. (Среднеазиатский индустриальный институт. Труды. Строительный факультет, Вып. 4).
- Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. — Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, Том 39. Сталинабад, 1951, стр. 3—17.
- Якубовский А. Ю. Образы старого Самарканда [Время Тимура]. — Восток, Кн. 5, Москва—Ленинград, 1925, стр. 140—163.
- Якубовский А. Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака). — Сообщения государственной Академии истории материальной культуры, II, Ленинград, 1929, стр. 123—159.
- Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Планы и разрезы Н. Б. Бакланова. — Ленинград, 1930, 68 стр. (Известия Государственной Академии истории материальной культуры, Том VI, Вып. 2).
- Якубовский А. Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Очерк. — Ленинград, 1933, 68 стр. (Государственный Эрмитаж. Музей истории культуры и искусства).

VII. ЖИВОПИСЬ. ИСКУССТВО МИНИАТЮРЫ И КАЛЛИГРАФИИ.
ПРИКЛАДНЫЕ ИСКУССТВА.
ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА. КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО.
СТЕКЛОДЕЛИЕ

- Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии (Опыт химической характеристики). Отв. редактор доктор технических наук М. А. Безбородов. — Ташкент. Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1966, 168 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт химии).
- Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. и Заднепровский А. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Под редакцией академика Академии наук Белорусской ССР М. А. Безбородова. — Ташкент, 1963, 242 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт химии).
- Агеева Е. И. Керамика Отрара. (По материалам Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1948 г.). — Известия Казахской ССР, № 108. Серия археологическая, Вып. 3, Алма-Ата, 1951, стр. 98—110.
VII—V вв. до н. э. — XV в.
- Агеева Е. И. Керамика Южного Казахстана (Опыт историко-археологической периодизации). Автореферат диссертации..., — Ленинград, 1953, 16 стр. (Государственный Эрмитаж).
VII в. до н. э. — XV в.
- Агеева Е. И. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, 28, Москва, 1949, стр. 86—88.
- Айни К. Бехзад. — Шарки Сурх, Душанбе, 1959, № 1, стр. 62—72, на тадж. яз.
- Акимущин О. Ф. Легенда о художнике Бехзод и каллиграфе Нишапурси. — Народы Азии и Африки, Москва, 1963, № 6, стр. 140—143.
- Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 87—100.
- Ашрафи Мукаддима. Неизвестные миниатюры в рукописи «Юсуф и Зулейха» Джами из собрания Академии наук Узбекской ССР. — В кн.: Абдурахман Джами. Сборник статей, Душанбе, 1955, стр. 199—211.
- Ашрафи М. М. К вопросу о развитии среднеазиатской миниатюры в XVI в. — Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР, Москва, 1961, № 44, стр. 158—166.
- Балабан П. И. и Рахимов М. К. Средневековые глазури Узбекистана. — Стекло и керамика, Москва, 1955, № 5, стр. 18—20.
- Балашев Г. Н. и Ставиский Б. Я. Культура и искусство народов Средней Азии XIV—XV вв. — В кн.: «Культура и искусство народов Советского Востока», Ленинград, 1963, стр. 59—71.
- Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках. — Известия Таджикского филиала Академии наук СССР, № 15. История и этнография, Сталинабад, 1949, стр. 21—35.
- Бехзад, Кемаледдин. — В кн.: «Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия», Том I, Москва, 1962, стр. 148.
- Большаков О. Г. Культура Средней Азии в средние века (VI—XVI вв.). — Преподавание истории в школе, Москва, 1956, № 1, стр. 29—39.

- Булатов М. С. Шедевр мастера Абдль Азица (Из истории художественного литья в эпоху средневекового Ренессанса). — Советская археология, Москва, 1969, № 2, стр. 227—235.
- Бронзовый сосуд (котел) из мечети Ходжа Ахмеда Ясеви, отлитый в 801 г. х. по повелению Тимура. «Работа бедного раба божьего мастера Абдль Азица, сына мастера Сарварардина Табрица».
- Буряков Ю. Ф. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV—начала XV века из Самарканда. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 81—86.
- Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — В кн. «Керамика Хорезма». Под редакцией С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР, IV, Москва, 1959, стр. 261—342.
- Вархотова Д. Художественная керамика XV—начала XVI века из Ташкента. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 86—89.
- Воронина В. Л. Резное дерево Заравшанской долины. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, Москва, 1950, стр. 21—22.
- Архитектурный орнамент IX—XV вв.
- Галеркина О. И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв. по данным миниатюр ленинградских собраний. Автореферат диссертации..., — Москва—Ленинград, 1951, 19 стр. (Академия наук СССР, Институт истории материальной культуры, Ленинградское отделение).
- Галеркина О. И. Рукопись сочинений Навои 1521—1522 гг. из собрания Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (К вопросу о среднеазиатской школе миниатюр). — Труды Академии наук Таджикской ССР, Том 42, Душанбе, 1956, стр. 221—234.
- Ганиева С., Захидов П. Жемчужина среднеазиатского изобразительного искусства. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1966, № 8, стр. 31—37, на узбек. яз.
- Миниатюры рукописи «Бабур-наме» и др.
- Давидович Е. А. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда. — Труды Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. Новая серия, Вып. 61. Гуманитарные науки, Кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 143—159.
- Денике Б. П. Искусство Средней Азии. Предисловие И. Н. Бороздина. — Москва, Центральное издательство народов СССР, 1927, 56 стр. (Художественная культура Востока СССР).
- Денике Б. П. О резных деревянных дверях в Средней Азии. — Труды Секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов, IV, Москва, 1928, стр. 178—179.
- Денике Б. П. Прикладное искусство Средней Азии. — В кн.: «Художественная культура Советского Востока», Москва—Ленинград, 1931, стр. 53—75.
- Долгнская В. Г. Самаркандская школа миниатюристов. — Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов, Ташкент, 1969, стр. 34—36.
- Долгнская В. Г. Очерк миниатюрной живописи Средней Азии XVI в. — В кн.: «Искусство таджикского народа», Вып. 2. Труды Академии наук Таджикской ССР, Том XXIX, Душанбе, 1960, стр. 123—203.
- Дьяконов М. М. Рукопись «Хамса» Низами 1431 года и ее значение для истории миниатюрной живописи на Востоке. — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, III, Ленинград, 1940, стр. 275—286.
- Дьяконов М. М. и Дашевский Ю. С. Поздние миниатюры Касыма Али в рукописи Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Вып. 5, Душанбе, 1954, стр. 29—41.
- Миниатюры XV в.
- Зотов П. Д. К истории бумажного производства на Востоке. — Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, Вып. 3, Ташкент, 1954, стр. 155—166.
- Казы-Ахмед. Трактат о каллиграфях и художниках. 1596—97/1005. Введение, перевод и комментарии Б. Н. Заходера. — Москва—Ленинград, Издательство «Искусство», 1947, 160 стр.

- Каптерева Т. П. Художественные особенности средневековой миниатюры Ирана, Азербайджана и Средней Азии. — Вестник истории мировой культуры, Москва, 1959, № 2 (14), стр. 75—86.
- Керамика Хорезма. Под редакцией С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой. — Труды Хорезмского археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР, IV, Москва, 1959, 398 стр.
- Кононов В. Н. Анализ ткани савана из детского погребения в склепе Ишратхана. — В кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 137—141.
- Корнилов П. Е. Бытовое искусство Средней Азии. Материалы по народному искусству Средней Азии. — Зухара, 1932, 28 стр.
- Корнилов П. Е. Изучение искусства Средней Азии. — Материалы Центрального музея Татарской АССР, № 2, Казань, 1930, стр. 3—10.
- Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. — Эпиграфика Востока, III, Москва—Ленинград, стр. 3—27.
- Кудрина С. Л. Анализ цветного стекла из мавзолея Ишратхана. — В кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 143—147.
- Лунин Б. В. К вопросу о функциональном назначении сферокопических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 255—267.
- Лунина С. Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 89—93.
- Майсурадзе З. Керамика Афрасиаба. — Тбилиси, Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1958, 30 стр.
- Маньковская Л. Ю. Деревянный кенотаф XV в. из кишлака Бешир. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 93—95.
- Массон М. Е. Третий кусок нефритового намогильника Тимура. — Эпиграфика Востока, II, Москва—Ленинград, 1948, стр. 63—75.
- Миниатюры рукописи «Бабур-наме», Составитель С. Тюляев. — Москва, Государственное издательство изобразительных искусств, 1960, 112 стр.
- Мурадов А. Из истории каллиграфии в Средней Азии. — Автореферат диссертации..., Ташкент, 1967, 21 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения имени Абу Рейхана Беруни).
- Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV—XVI вв. Вступительная статья Г. И. Костыковой. Под редакцией А. Н. Болдырева и А. Л. Троицкой. — Москва, 1963, 24 стр., 37 л. табл. (Государственная публичная библиотека. Восточная миниатюра и каллиграфия в ленинградских собраниях. Под общей редакцией И. А. Орбели).
- Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. — Москва—Ленинград, Издательство АН СССР, 1959, 395 стр. (Академия наук СССР. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, Том 22).
- Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV—XVI вв. — Архитектурное наследие Узбекистана. Сборник статей, Ташкент, 1960, стр. 111—161.
- Пугаченкова Г. А. Глазуванная керамика Нисы XV—XVI вв. — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Том I, Ашхабад, 1949, стр. 400—417.
- Пугаченкова Г. А. Грифон в античном и средневековом искусстве. — Советская археология, Москва, 1959, № 2, стр. 70—84.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. — Москва, Издательство «Искусство», 1967, 326 стр.
- Пугаченкова Г. А. Камаледдин Бехзад. — Звезда Востока, Ташкент, 1948, № 9, стр. 118—127.
- Гератский художник-миниатюрист XV — начала XVI в.
- Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. по данным миниатюр. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, Вып. 81. Исторические науки, Ки. 12. Археология Средней Азии, 1956, стр. 85—119.
- Пугаченкова Г. А. Миниатюры «Фатх-наме» — хроника побед Шейбани-хана из собрания Института по изучению восточных рукописей Академии наук УзССР. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, Вып. II. Гуманитарные науки, Ки. 3. Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 121—136.
- Пугаченкова Г. А. Миниатюры «Хаме» Низами 1562—1563 гг. Самаркандского

- музей. — В кн.: «Тезисы научных докладов на сессии Академии наук Узбекской ССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 147—148.
- Пугаченкова Г. А. и Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. — Ашхабад, 1956, 164 стр.
- Пугаченкова Г. А. По листам миниатюр. — Известия Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1953, № 4, стр. 106—112.
- Среднеазиатские миниатюры XIV—XVI вв.
- Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV века. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. II, Гуманитарные науки, Кн. 3. Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 91—120.
- Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины двадцатого века. — Москва, Издательство «Искусство», 1965, 418 стр. (Институт искусствознания имени Хамзы Министерства культуры Узбекской ССР).
- Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. — Ташкент, 1961, 244 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт искусствознания имени Хамзы).
- Резьба и роспись по ганчу и дереву. Ответственный редактор Л. И. Ремпель. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1962, 131 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт искусствознания).
- Ремпель Л. И. К изучению стилей в искусстве Средней Азии. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1963, № 8, стр. 41—49.
- Ремпель Л. И. Узбекский ганч. — Декоративное искусство СССР, Москва 1959, стр. 8—11.
- Ремпель Л. И. Эстетические основы искусства эпохи Тимуридов (На материалах миниатюрной живописи). — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 12—19.
- Саркисов Н. А. Мастера керамического декора Азербайджана в зодчестве Средней Азии. — Ученые записки Азербайджанского политехнического института, Серия X, № 2 (4), Баку, 1964, стр. 47—62.
- Семенов А. А. Беход. — Советский Таджикистан, Душанбе, 1956, № 2, стр. 62—74.
- Семенов А. А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы. — В кн.: «Алишер Навои. Сборник статей», Москва—Ленинград, 1946, стр. 153—174.
- Семенов А. А. Гератское искусство в эпоху Мир-Али-Шира Навои. — Литература и искусство Узбекистана, IV, Ташкент, 1938, стр. 81—99.
- Семенов А. А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои. — В кн.: «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 126—152.
- Семенов А. А. Два автографа Ходжи Ахрара. — Эпиграфика Востока, V, Москва—Ленинград, 1951, стр. 51—57.
- Семенов А. А. Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана. — Литература и искусство Узбекистана, Кн. 4—5, Ташкент, 1937, стр. 112—129.
- Семенов А. А. Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафарнома» Шарафуддина Езди. — Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Том XXI, Сталинабад, 1956, стр. 3—16.
- Семенов А. Портреты эпохи Навои. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1940, 13 стр. (Юбилейный комитет Алишера Навои. Государственная публичная библиотека Узбекской ССР).
- Семенов А. А. Рукопись «Бустан» шейха Са'ди, работы гератского мастера начала XVI в. Султан-Мухаммед-Хандан'а. — Известия Российской Академии наук, Том XIX, Ленинград, 1925, стр. 973—978.
- Семенов А. А. Трактат о каллиграфии и художниках. — В кн.: «Алишер Навои», Москва—Ленинград, 1946, стр. 64—72.
- Смирнов А. Керамика Ахсыгета. — Декоративное искусство СССР, Москва, 1960, № 1, стр. 46—47.
- Среднеазиатские миниатюры XVI—XVIII вв. Вступительная статья Н. В. Дьяковой. Под редакцией Л. Т. Гюзальяна, Москва, Издательство восточной литературы, 1964, 36 стр., 48 л. илл. (Государственная публичная библиотека. Восточная миниатюра и каллиграфия в ленинградских собраниях, Под общей редакцией И. А. Орбели).
- Сухарев И. А. Два блюда XV в. из Самарканда. — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Том I, Материалы по археологии Узбекистана, Ташкент, 1948, стр. 47—64.
- Тюляев С. Миниатюры мемуаров Бабура. — Литература и искусство Узбекистана, Ташкент, 1938, Кн. I, стр. 137—159.

- Усманова З. И. Материалы по средневековой керамике города Ташкента. — Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, Вып. X, История, Ташкент, 1955, стр. 57—69.
- Художественная культура Советского Востока. Сборник статей. Под общей ред. И. Бороздина. — Москва—Ленинград, «Academia», 1931, 116 стр.
- Чепелев В. Н. О народной линии в искусстве феодального Востока. — Искусство, Москва, 1936, № 1, стр. 47—58.
- Якубовский А. Ю. Мастера [изобразительного искусства] Ирана в Средней Азии при Тимуре. — В кн.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, Сентябрь 1935 г.», Москва—Ленинград, Академия наук СССР, 1939, стр. 277—286.
- Якубовский А. Ю. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения культуры и искусства Средней Азии до XVI в. — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, II, Ленинград, 1940, стр. 7—24.

VIII. МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Беляев В. Джамии и вопросы таджикского музыкаведения. — В кн.: «Абдурахман Джамии. Сборник статей», Душанбе, 1955, стр. 197—198.
- Вызго Т. С. Музыкальные инструменты и их отражение в миниатюрах рукописей XIV—начала XVI века. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 70—78.
Музыкальные инструменты уд, чанг, гиджак.
- Джамии Абдурахман. Трактат о музыке. Перевод с персидского А. Н. Болдырева. Редакция и комментарии В. М. Беляева. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1960, 111 стр.
- Раджабов И. Р. К истории нотной письменности на Востоке. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1962, № 10, стр. 32—58.
- Раджабов И. Р. Рукописные источники по истории музыкальной культуры народов Средней Азии из собраний восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — Автореферат диссертации..., Ленинград, 1955, 16 стр. (Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова. Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения).
- Раджабов И. Уникальный источник по истории музыки. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 64—69, на узбек. яз. Музыкальный канон гл-Хусейин (XV в.).
- Семенов А. А. Канон (Руководство по теории музыки) Зайнулабеддина. Перевод с таджикского языка по уникальной рукописи XV в. из Герата, с предисловием и диаграммами. Авторская рукопись. Собрание рукописей Института истории имени Ахмада Дониша Академии наук Таджикской ССР.
- Семенов А. А. Музыка Герата в эпоху Навои. — Литература и искусство Узбекистана, Ташкент, 1940, № 6, стр. 73—78.

IX. АНТРОПОЛОГИЯ

- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, Новая серия, Том 28, Москва, 1955, 585 стр.
Облик Тимура.
- Герасимов М. М. Портрет Тамерлана (Опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе). — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР, XVII, Москва, 1947, стр. 14—21.
- Зезенкова В. Я. Черепа Тимура и Тимуридов (XV в.). — Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, Вып. 232, Археология и антропология, Ташкент, 1964, стр. 190—196.

- Ошанин Л. В. Антропологическое исследование скелетов Тимура и Тимуридов. — Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, Вып. 23. Археология и антропология, Ташкент, 1964, стр. 74—189.
- Толстов С. П. и Жданко Т. А. Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. — В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», Том 1, Москва, Издательство Академии наук СССР, 1962, стр. 38—114. С участием М. А. Итиной и Ю. А. Рапопорта. Для некоторых разделов использованы материалы И. М. Муминова и М. Г. Вахובהва.
- Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. Тезисы доклада. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, 28, Москва, 1949, стр. 18—29.
- Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. — Ташкент, Узбекский филиал Академии наук СССР, 1941, 19 стр.

X. ВОСТОЧНЫЕ РУКОПИСИ
(ОПИСАНИЕ, ИЗДАНИЕ, ИССЛЕДОВАНИЕ,
ОБЩИЕ КАТАЛОГИ)

- Азимджанова С. А. Новые сведения о «Хатт-и Бабури». — Москва, Издательство восточной литературы, 1963, 10 стр. (XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Азимджанова С. А. и Вороновский Д. Г. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — В кн.: «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения», Москва, Издательство восточной литературы, 1963, стр. 110—127.
- Акрамов А. М. Сокращенная версия «Избранных историй книги побед». — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1964, № 5, стр. 48—51.
- Акрамов А. М. «Таварих-и-гузида — Нусрат-намэ», как источник по истории Узбекистана XV — начала XVI века. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1963, № 8, стр. 54—59.
- Акрамов А. М. «Таварих-и-гузида — Нусрат-намэ». Сочинение анонимного автора XVI в. Автореферат диссертации... — Ташкент, 1965, 23 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения имени Абу-Рейхана Беруни).
- Акрамов А. М. Ценные рукописи Британского музея «Таварих-и-гузида — Нусрат-намэ». — В кн.: «Материалы по Востоку», Ташкент, 1966, стр. 24—32, на узбек. яз.
- Андреев М. С. Старинные свитки-альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента. С предисловием А. А. Семенова. — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР, Вып. 10—11, Сталинабад, 1956, стр. 125—136.
- Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-намэ. Перевод М. А. Салье. Под редакцией М. Швердина. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1948, 231 стр.
- Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-намэ. Часть I. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1948, 252 стр., на узбек. яз. (Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы).
- Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-намэ. Записки Бабура. Ответственная редакция и предисловие С. А. Азимджановой. Перевод М. Салье. Иллюстрации В. Е. Кайдалова. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1958, 530 стр.
- Бабур Захириддин Мухаммед. Сочинения. Том I. Диван. Подготовили к печати С. Азимджанова, А. Каюмов. Редактор Р. Камиллов, 234 стр.; Том II. Бабур-намэ. Подготовил к печати П. Шамсиев. Редактор Х. Пулатов, 294 стр. — Ташкент, Государственное издательство художественной литературы, 1965—1966.
- Баевский С. И. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР, Вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги). — Москва, Издательство восточной литературы, 1962, 790 стр.
- Баевский С. И. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР, Вып. 5. Двухязычные словари. — Москва, Главная редакция восточной литературы, 1968, 88 стр.
- Бакланов Н. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI века. — Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР,

- Вып. 4. Москва, 1944, стр. 1—21 (Материалы по истории архитектуры народов СССР).
- Бартольд В. В. Новый источник по истории Тимуридов. — Записки Института востоковедения Академии наук СССР, V, Москва—Ленинград, 1936, стр. 5—42.
- «История Джаухари». Антитимуридское восстание Муша'ша в 1441—1442 гг. в Хузистане («восстание неимущих против имущих»).
- Благова Г. Ф. К истории изучения Бабура-наме в России. — Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова, Москва, Главная редакция восточной литературы, 1966, стр. 168—176.
- Болдырев А. Н. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. — Душанбе, 1957, 355 стр.
- Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи, как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков. — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, II, Ленинград, 1940, стр. 203—274.
- Боровков А. К. «Бада-и-ал-дугат». Словарь Тали' Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. — Москва, Издательство восточной литературы, 1961, 265 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
Словарь конца XV в.
- Васифи Зайн ад-дин. Бадаи-ал-вакан. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, Москва, Изд-во восточной литературы, 1961 (Институт народов Азии. Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия 5), Том I, 50+682 стр.; Том II, стр. 683—1377.
- Волин С. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. — Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, Том 8, Алма-Ата, 1960, стр. 72—92.
- Воронец М. Э. Описание Герата XV в. в труде Аль-Исфизари (Заметка). — Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1946, № 2, стр. 30.
- Вяткин В. Л. Вакуфный документ Ишратхана. — В кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 109—136.
- Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Перевод с персидского, предисловие и примечания А. А. Семенова. — Москва, 1958, 207 стр. (Академия наук СССР. Институт востоковедения. Академия наук Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии).
- Гульбадам Бегим (дочь Захириддина Бабура). Хумаюн-наме (Жизнеописание Хумаюна-падишаха — сына Захириддина Бабура). Предисловие С. Азимджановой и Н. Б. Байковой. — Ташкент, 112 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения имени Абу Рейхана Беруни).
- Дарский Э. Среднеазиатский устав цеха живописцев. — Проблемы востоковедения, Москва, 1959, № 3, стр. 106—113.
Рукопись трактата-устава XV в.
- Джалилова Р. П. Записки бухарского гостя (Михман-наме-и Бухара). Фазлаллаха б. Рузбехан-Исфагани. Автореферат диссертации. — Ташкент, 1965, 17 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения имени Абу Рейхана Беруни).
- Джалилова Р. К изданию рукописи «Записок бухарского гостя» («Михман-наме-и Бухара» Фазлаллаха б. Рузбехан-Исфагани). — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1964, № 10, стр. 48—52.
- Дмитриева Л. В. Тюркские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. — Проблемы востоковедения, Москва, 1959, № 4, стр. 136—146.
- Зайнабдин Васифи. Бадаи-ал-вакан. Критический текст (персидский). Введение и указатели А. Н. Болдырева. Ответственный редактор Е. Э. Бертельс (Академия наук СССР. Институт народов Азии). Том I, 1961, 50 стр. и 682 стр. восточной пагинации. Том II, 1962, 683—1377 стр. восточной пагинации.
- Ибрагимов С. К. «Михман-наме Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, Том 8. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана, Алма-Ата, 1960, стр. 141—157.
- Ибрагимов С. К. Сочинения Ма'суда-бен Осман-и-Кухистани «Тарихи Абулхайр-Хани» (Перевод). — Известия Академии наук Казахской ССР. Серия

истории, археологии и этнографии. Вып. 3 (8). Алма-Ата, 1958, стр. 85—102.

- Каталог** арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР, Вып. 3. История. Сост. А. И. Михайлова. — Москва, 1965, 199 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
- Каталог** восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Том I. Рукописи на таджикско-персидском и узбекском языках. История, мемуары и исторические биографии, география, историческая топография, путешествия, хронограммы и документы. Под редакцией и при участии проф. А. М. Мирзаева и проф. А. Н. Болдырева. — Душанбе, Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1960, 323 стр. (Также Том II).
- Лунии Б. В.** Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. — Ташкент, 1965, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 408 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
Из истории сбора, описания и изучения восточных рукописей, в том числе тимуридского времени.
- Материалы** по истории туркмен и Туркмении. Том I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. — Москва—Ленинград, 1939, 612 стр. (Академия наук СССР. Институт востоковедения и Туркменский государственный научно-исследовательский институт. Труды Института востоковедения, Том 29. Источники по истории народов СССР).
- Миклухо-Маклай Н. Д.** Забытый памятник тимуридской историографии. — В кн.: «Ближний и Средний Восток. История. Культура. Источниковедение», Москва, Главная редакция восточной литературы, 1968, стр. 73—76.
Садаллах Кирмани и его книга «Футухат-и Мираншахи» («Мираншаховы победы»).
- Миклухо-Маклай Н. Д.** Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. — Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР, XVI, Москва—Ленинград, 1958, стр. 235—279.
- Миклухо-Маклай Н. Д.** Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения, Вып. I. Географические сочинения. — Москва—Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1955, 106 стр. (Академия наук СССР. Институт востоковедения).
- Миклухо-Маклай Н. Д.** Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии, Вып. 2. Биографические сочинения. — Москва, Издательство восточной литературы, 1961, 168 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
- Миклухо-Маклай Н. Д.** Хондамир и «Записки» Бабура. — В кн.: «Тюркологические исследования», Москва—Ленинград, 1963, стр. 237—249 (Академия наук СССР. Отделение литературы и языка).
- Мугинов А. М.** Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. — Москва, Издательство Академии наук СССР, 1962, 206 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
- Описание** тюркских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР, Вып. I. История. Составили: Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Под редакцией А. Н. Кононова. — Москва, Издательство восточной литературы, 1965, 257 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
- Первышев И.** Вакуфный документ XV века. — Социалистическая наука и техника, Ташкент, 1934, № 12, стр. 107—112.
- Перечень** восточных рукописей В. Л. Вяткина в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР. — Труды Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР, Том I, Ташкент, 1935, стр. 60—91.
- Персидские** и таджикские рукописи Института народов Азии Академии наук СССР (Краткий алфавитный каталог). Под редакцией Н. Д. Миклухо-Маклая. Часть I. Составители: О. Ф. Акимущин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинова. — Москва, Издательство «Наука», 1964, 633 стр. (Академия наук СССР. Институт народов Азии).
- Персидские** и таджикские рукописи Института народов Азии Академии наук СССР (Краткий алфавитный каталог). Под редакцией Н. Д. Миклухо-Маклая. Часть II, Указатели и приложение. Составители: О. Ф. Аки-

мушкин, В. В. Кушев, М. А. Салахетдинова. — Москва, Издательство «Наука», 1964, 146 стр.

- Ромаскевич А. А. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей Библиотеки Петроградского университета. — Записки Коллегии востоковедов, I, Ленинград, 1925, стр. 353—371.
- Рукописи произведений Абдурахмана Джами в собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Составители: А. Уруйбаев и А. М. Епифанова. — Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965, 98 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения имени Абу Рейхана Беруни).
- Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. Перевод с персидского С. И. Ворожейкиной. Предисловие А. Н. Болдырева. — Москва, Издательство восточной литературы, 1963, 173 стр.
- Семенов А. А. Каталог рукописей исторического отдела Бухарской Центральной Библиотеки. — Труды Библиографической комиссии, бывшей при СНК ТССР, Вып. II, Ташкент, 1925, 32 стр.
- [Семенов А. А.] Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым. — Известия Российской Академии наук, Серия VI, Том XII, 1916, Петроград, 1918, стр. 2171—2202.
- Семенов А. А. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета. — Труды Среднеазиатского государственного университета, Серия II, Orientalia, Вып. 4. Публикации Фундаментальной библиотеки САГУ, Вып. I, Ташкент, 1935, 88 стр.
- Семенов А. А. Описание таджикских, персидских, арабских и тюркских рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина, Вып. 2. — Материалы к библиографии, Вып. VI, Ташкент, 1956, 64 стр.
- Семенов А. А. Описание рукописей произведений Навои, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УзССР. — Ташкент, Государственное техническое издательство Узбекской ССР, 1940, 45 стр. (Юбилейный комитет Навои. Государственная публичная библиотека Узбекской ССР).
- Семенов А. А. «Повествование о походе его величества, победоносного эмира Тимура с войском на север и его великой войне с Тохтамыш-ханом» (Из Мирхонда, Бомбей, 1855, стр. 74—77). — В кн.: «История Татарии в материалах и документах», Москва, 1937, стр. 79—89.
- Семенов А. А. Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии. — Труды Библиографической комиссии, бывшей при СНК ТССР, Вып. III, Ташкент, 1926, 31 стр.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том I. Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1952, 439 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения).
№ 113—115 — Уложение Тимура; № 116 — Дневник похода Тимура в Индию; № 124—133 — Книга о победах Тимура Маулана Шарафаддин Али-ян Езди; № 134—135 — Восхождение двух счастливых созвездий. История Тимура и Тимуридов и др.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, Том II. Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1954, 588 стр.
Поэзия. XIV—XV вв., №№ 980—1211; Художественная проза и фольклор. XII—XIV вв., №№ 1779—1797; XV в., №№ 1798—1812.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том III. Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1955, 554 стр.
Суфизм. XIV—XV вв., №№ 2265—2483; Энциклопедии. XIV—XV вв., №№ 2798—2799 и др.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том IV. Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1957, 560 стр.
Фикх (мусульманское законоведение). XIV—XV вв., №№ 3181—3207. Схоластическая теология. XIV—XV вв., № 3313—3359 и др.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том V. Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1960, 543 стр.
№№ 3498—3499 — Восхождение двух счастливых созвездий и.

- слияние двух морей Абдураззак б. Исхак ас-Самарканди: № 3500—3502 — Книга о Тимуровых победах Шарафаддин Али-йи Езди; № 3503 — Повесть об эмире Тимуре Сейид Мухаммед ходжа б. Джа'фар ходжа. Раздел — Музыка XIV в., № 4021 — Трактат о чанге. Мусульманское законоведение (фикх). XIV в., № 4098—4099; Суфизм. XIV—XV вв., № 4133, 4135 и др.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том VI.** Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова и кандидата исторических наук Д. Г. Вороновского. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1963, 736 стр.
- № 4164 — Книга о победах Тимура Шарафаддин Али-йи Езди и другие рукописи по Тимуру и Тимуридам. Художественная литература. Поэзия. XIV—XV вв., № 4450—4499. Художественная литература. Проза. XII—XIV вв., № 4665—4674; XV в., №№ 4675—4686. Фикх (мусульманское законоведение). XIII—XIX вв., №№ 4825—4845; Суфизм. XI—XIV вв., №№ 4872—4892; XV в., №№ 4893—4949.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том VII.** Под редакцией и при участии кандидата исторических наук А. Урунбаева и кандидата филологических наук Л. М. Епифановой. — Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1964, 554 стр.
- № 5012 — Книга о победах Тимура Маулана Шарафаддин Али-йи Езди и другие рукописи по Тимуру и Тимуридам. Поэзия. XIV—XV вв., №№ 5044—5107; Проза. XIV в., № 5323. Фольклор. XIV в., № 5379. Суфизм. XIV—XV вв., №№ 5567—5568.
- Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том VIII.** Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова и Д. Г. Вороновского. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1967, 798 стр.
- №№ 5625—5626 — Книга побед Шарафаддин Али-йи Езди; № 5627—5628 — Уложение Тимура и другие рукописи по Тимуру и Тимуридам. Поэзия, проза, фольклор. XIV—XV вв., №№ 5731—5738, 5761, 5765—5776. Фикх. XIV—XV вв., №№ 5853—5857, 5870 и др. Суфизм. XIV—XV вв., №№ 5935—5975 и др.
- Таварихи-Гузида — Нусрат-наме.** Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1967, 124+44 стр.; 475 стр. старорабской пагинации (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения имени Абу Рейхана Беруни).
- Тагирджанов А. Т.** Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Том. I, История, биография, география. — Ленинград, Издательство Ленинградского государственного университета, 1962, 514 стр.
- История Тимура и Тимуридов, стр. 109—133.
- Туманович Н. Н.** Семейная хроника рода гератских феодалов XV — начала XIX в. — В кн.: «Ближний и Средний Восток. История. Культура. Источниковедение», Москва, Главная редакция восточной литературы, 1968, стр. 172—189.
- «Тазкире» («Памятные записки») Мухаммада Рузы ибн Мухаммада Хазима Барнабади.
- Умняков И. И.** Абдулла-наме Хафизы-Таныша и его исследователи. — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР, Том V, Ленинград, 1930, стр. 307—328.
- Умняков И.** Некоторые сведения из «Абдулла-наме» Хафизы-Таныша (XVI в.) — Труды Самаркандского государственного педагогического института имени А. М. Горького, Том II, Вып. II, Самарканд, 1941, стр. 1—12.
- Урунбаев А. с. а. м.** Абдураззак Самарканди. — Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965, 47 стр., на узбек. яз.
- Урунбаев А.** Путевые записки Абдураззак Самарканди о его поездке в Индию. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1960, 132 стр. + фототипический текст рукописи. (Академия наук Узбекской ССР. Институт востоковедения имени Абу Рейхана Беруни).
- Хафизы Таныш Бухари.** Абдулла-наме. Том I. Ответственный редактор Я. Г. Гулямов. — Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1966, 400 стр., на узбек. яз.

- Хондемир Гиясаддин. Книга благородных качеств [Сокращенный перевод М. А. Салье]. — В кн.: «Родоначальник узбекской литературы. Ташкент, 1940, стр. 177—214; Предисловие: Салье М. А. «Книга благородных качеств» и ее автор, стр. 170—176 (Также в переводе на узбекский язык. Ташкент, 1941, 54 стр. Подготовил к печати С. Муталибов. Редактор Вахид Захидов).
- Хондемир Гияс-эд-Дин. Макаримкул ахлак (Книга благородных качеств). Перевел П. Шамсиев. — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1948, 82 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт языка и литературы), на узбек. яз.
- Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Критический текст, перевод, введение, примечания и указатели. Ответственный редактор доктор филологических наук А. К. Арендс. — Ташкент, Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1965, 331 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).
- Чехович О. Д. Вакуфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея — Эпиграфика Востока, IV, Москва — Ленинград, 1951, стр. 56—67.
- Чехович О. Д. Из документа XIV века об окрестностях Самарканда и их орошении. — Доклады Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1948, № 6, стр. 38—42.
- Чехович О. Д. Из источников по истории Самарканда XV в. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1965, стр. 300—361.
- Чехович О. Д. К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара. Краткий анализ содержания трех списков вакуфных грамот XV в. — Исторические записки, 29, Москва, 1949, стр. 236—243.
- Чехович О. Д. Новая коллекция документов по истории Узбекистана. — Исторические записки, 36, Москва—Ленинград, 1951, стр. 263—268.
- «Шейбани-хан даежаны». Записал Гази-Алим Юнусов со слов узбекского народного поэта Мехмед Куль-Джамрат-оглы Гюлькена. — Издание Комитета узбековедения при Академическом центре востоковедения, Самарканд, 1928, 64 стр.
 Легендарное изложение борьбы Шейбани-хана с Тимуридом Бабуром за Самарканд в начале XVI в.

XI. ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО ГОРОДАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВРЕМЕНИ ТИМУРИДОВ. ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО МУЗЕЯМ И ВЫСТАВКАМ И ДРУГИЕ СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Алескерев Ю. Н. Обсерватория Улугбека. — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1965, 28 стр. (на рус. и узбек. яз.).
- Алескерев Ю. Н. По памятным местам Самарканда. (Путеводитель). — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1965, 72 стр.
- Алескерев Ю. Н. Самарканд. Спутник туриста. — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1965, 36 стр.
- Алескерев Ю. Н. Самарканд. Страницы истории. — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1967, 224 стр.
- Ашуров Я. С., Гелах Т. Ф. и Камалов У. Бухара. Краткий справочник-путеводитель. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1956, 83 стр.
- Булатов М. С. и Пугаченкова Г. А. Ташкент. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1955, 26 стр.
- Булатова В. А. и Ноткин И. И. Архитектурные памятники Хивы (Путеводитель). — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1965, 78 стр. (1-е издание 1963 г.).
- Бухара (Краткий текст и фотографии памятников города). — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1958, 14 стр.
- Бухара. Краткий справочник. 2-е исправленное и дополненное издание. Составители: Я. Ашуров, Т. Гелах, У. Камалов. Под общей редакцией Д. Намазова. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, 100 стр. (1-е издание 1956 г.).
- Вяткин В. Л. Памятники древностей Самарканда. Издание 3-е. — Самарканд, 1933, 32 стр. (1 и 2-е издания: 1927 и 1929 гг.).

- Живопись средневекового Востока. Каталог выставки. — Ленинград, Издательство «Советский художник», 1967, 38 стр. (Государственный Эрмитаж).
- Мавераннахрская (среднеазиатская) школа миниатюры (А. А. Иванов, стр. 32—34).
- Катонин Е. Старый Самарканд. Автोलитография. Рисунки на камне. Под общей редакцией акад. И. Э. Грабаря. Художественный редактор И. А. Пастернак. — Ленинград, Издание Всесоюзной Академии художеств, 1945, 12 л. илл.
- Краткий справочник об исторических памятниках Самарканда. (Для членов I-го съезда ученых Узбекистана. — Самарканд, Издание Узбекского государственного университета, 1937, 30 стр.
- Культура и искусство народов Средней Азии (VI в. до н. э. — середина XIX в.). Составители: Г. Н. Балашова, А. Е. Мончалдая, К. А. Ракитина, Б. Я. Ставиский. — Москва, Издательство «Искусство», 1952, 41 стр. (Государственный Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общей редакцией М. И. Артамонова).
- Культура и искусство народов Советского Востока. Средняя Азия. Кавказ. Путеводитель по залам Государственного Эрмитажа. — Под редакцией М. Э. Матъе. — Ленинград, Издательство Государственного Эрмитажа, 1963, 145 стр.
- Маньковская Л. Ю. Биби-Ханым. Издание 2-е, исправленное. — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1965, 24 стр., на узбек. и рус. яз.
- Массон М. Е. Мавзолей Гур-Эмир, усыпальница тимуридов. 2-е издание. — Самарканд, 1929, 32 стр. (1-е издание 1926 г.).
- Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. — Ташкент, 1930, 22 стр. (Общество изучения Казахстана. Сыр-Дарьинское отделение).
- Массон М. Е. Памятка об экскурсии по Самарканду. — Ташкент—Самарканд, Государственное издательство, 1929, 14 стр.
- Массон М. Е. Регистан и его медресе. 2-е издание, измененное и дополненное. — Самарканд, 1929, 30 стр. (Узбекистанский комитет по охране памятников старины, искусства и природы) (1-е издание 1926 г.).
- Массон М. Е. Самарканд (старый). — Большая Советская Энциклопедия, 2-е издание. Том 37, Москва, 1956, стр. 648—650.
- Массон М. Е. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-Ханым. 2-е издание. — Самарканд, 1929, 16 стр. (1-е издание 1926 г.).
- [Мидлер В.] Самарканд и Ташкент. Живопись и рисунки художника А. Нюренберга. Текст В. Мидлера. — Ташкент, «Рисаля», 1922, 20 стр. с 16 репродукциями.
- Немцева Н. и Шваб Ю. Шахи-Зинда. Издание 2-е, исправленное. — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1965, 53 стр., на узбек. и рус. яз. (1-е издание 1963 г.).
- Памятники древностей Самарканда. — Альбом фотоснимков. — Издание Узкомстариса. 18 фотографий, Самарканд, 1927.
- Ползиков-Рубец К. Золотая Орда и государство Тамерлана. (Экскурсия в Государственный Эрмитаж). — Исторический журнал, Москва, 1937, № 12, стр. 96—105.
- Привальский В. Путеводитель по Узбекистану. — Москва, Государственное издательство географической литературы, 1957, 102 стр.
- Пугаченкова Г. А. Самарканд. Бухара. По древним памятникам Самарканда и Бухары. Издание второе, дополненное. — Москва, Издательство «Искусство», 1968, 203 стр. (1-е издание 1961 г.).
- Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. Бухара. — Москва, 1949, 67 стр. (Академия архитектуры СССР. Институт истории и теории архитектуры. Сокровища зодчества народов СССР. Под общей редакцией акад. В. А. Веснина).
- Самарканд. Краткий текст и фотографии памятников города. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1958, 40 стр.
- Самарканд. Справочник-путеводитель. Составители: И. И. Умняков и Ю. Н. Алескеров. Издание 4-е, исправленное и дополненное. — Ташкент, Издательство «Узбекистан», 1967, 169 стр. (1—3-е издания: 1956, 1958, 1960 гг.).
- Саркизов-Серазини В. В. В стране Тамерлана и жаркого солнца. — Москва—Ленинград, Издательство «Молодая гвардия», 1924, 192 стр.
- Сокровища истории Узбекистана. (Путеводитель по залам Музея истории Узбекистана). — Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1961, 100 стр., на узбек. яз.

- Ташкент. Краткий справочник-путеводитель. Составители: Ю. А. Соколов, Г. И. Зайко, Р. Г. Гулямов, В. А. Джахангиров, А. И. Зотов и М. П. Цуркерман. Под общей редакцией Р. Г. Гулямова. — Ташкент, Государственное издательство УзССР, 1957, 184 стр.
- Ташкент (Краткий текст и фотографии). — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1958, 64 стр.
- Ташкент. Краткий справочник-путеводитель. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1962, 108 стр.
- Умняков И. И. и Алескеров Ю. Н. Самарканд. Справочник-путеводитель. 3-е дополненное и исправленное издание. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1962, 160 стр.
- Халаминский Ю. Столица Тамерлана. — В кн.: Халаминский Ю. Дорогами легенд, Москва, Издательство «Советский художник», 1968, стр. 83—104.
- Хорезм. Краткий справочник-путеводитель. Составители: Н. Каландаров, М. Абдурахимов, С. Самандаров, Т. Серета. — Ташкент, Государственное издательство Узбекской ССР, 1962, 115 стр.
- Якубовский А. Ю. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке. — Ленинград, 1940, 58 стр. (Государственный Эрмитаж).

XII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алишер Навои. Биобиблиография (1917—1966 гг.). Составитель Е. Д. Свидина. Редактор Д. М. Таджиева. — Ташкент, 1968, 108 стр. (Государственная библиотека Узбекской ССР им. Алишера Навои).
- Алишер Навои. Биобиблиография (1917—1966). Составители: Назира Мирзаева, Замира Палванова. Редактор Д. М. Таджиева. — Ташкент, 1968, 67 стр., на узбек. яз.
- Бетгер Е. К. Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (28 апреля 1870 — 15 декабря 1917). — В кн.: «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 475—581.
- Библиография изданий Академии наук Казахской ССР. 1932—1959. — Алма-Ата, 1960, 1106 стр.
- Библиография изданий Академии наук Киргизской ССР. 1957—1959. — Фрунзе, 1962, 102 стр. (Также за 1960—1961 и другие годы).
- Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской базой, Таджикским филиалом АН СССР и Академией наук Таджикской ССР (1934—1956 гг.). Составитель А. Е. Павлова. — Сталинабад, 1956, 20 стр.
- Библиография по истории Казахстана (Аннотированный указатель). Вып. I. Дореволюционный период. Составители: Е. И. Агеева, В. В. Андроников, Г. И. Семенов, Г. П. Царев, Н. В. Чечулина. Отв. редактор, Е. Б. Бекмаханов. — Алма-Ата, Государственное издательство Казахской ССР, 1961, 410 стр.
- Винберг Н. А., Заднепровская Ф. Н. и Любимова А. А. Советская археологическая литература. Библиография, 1941—1957. — Москва — Ленинград, 1959, 771 стр. (Академия наук СССР. Библиотека Института истории материальной культуры).
- Средняя Азия и Казахстан. Памятники средневековья.
- Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения. Составитель А. С. Тверитинова. Редакционная коллегия: А. И. Бендик, А. С. Тверитинова, Н. П. Шастина. — Москва, Издательство восточной литературы, 1963, 239 стр.
- В некоторых статьях сборника содержатся сведения о рукописях XIV—XV вв. по Средней Азии и сопредельным странам, данные об оставшихся неразысканными библиотеках Тимура и Улугбека в Самарканде, Байсунара и Навои в Герате (стр. 111—112) и др.
- История Узбекистана. Часть I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Указатель советской литературы 1917—1952 гг. Составители: М. П. Авшарова, А. И. Алашишкова, С. И. Кейзер. Редактор доктор исторических наук Б. В. Лушин. — Ташкент, 1967, 166 стр. (Государственная публичная библиотека Узбекской ССР имени А. Навои).

- История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. Отв. редактор К. Р. Симон. Том I. История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма. — Москва, 1956, 725 стр.
- Становление и развитие феодальных отношений. Период феодальной раздробленности (VI в.—70-е годы XV в.). Средняя Азия и Казахстан.
- Книги Глазной редакции восточной литературы издательства «Наука». 1957—1966. Аннотированный каталог. — Москва, Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968, 304 стр.
- Серии: «Памятники литературы народов Востока», «Памятники письменности Востока» и др.
- Лунин Б. В. Библиографический, именной и географический указатель к протоколам и сообщениям Туркестанского кружка любителей археологии. 1895—1917. Часть I. Библиографический указатель. — История материальной культуры Узбекистана, Вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 231—256.
- Лунин Б. В. История, культура и искусство времени Тимуридов в советской литературе (Библиографический указатель). — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 101—145.
- Массон М. Е. Материалы по библиографии мавзолея Ишратхана. — В кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 149—159.
- Насыров Абдулла. Указатель литературы (источников) о жизни и деятельности Улугбека. — В кн.: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 362—377.
- Семенов А. А. Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем. — Труды Средне-Азиатского Государственного университета, Серия II, Orientalia, Вып. 5. Из работ Фундаментальной библиотеки САГУ, Вып. 2. Ташкент, 1940, 38 стр.
- Спасский И. Г. и Янин В. Л. Советская нумизматика. Библиографический указатель. 1917—1958 гг. — Нумизматика и эпиграфика, II, Москва, Издательство Академии наук СССР, 1960, стр. 155—209.
- Монеты Средней Азии IX—XV вв., Монеты Средней Азии XVI—XVIII веков.
- Спасский И. Г. и Янин В. Л. Советская нумизматика. Библиографический указатель. 1959—1960 гг. Дополнения к указателю за 1917—1958 гг. — Нумизматика и эпиграфика, III, Москва, 1962, стр. 288—304.
- Раздел VI: Нумизматика Средней Азии и Казахстана.
- Шевченко З. М. и Лейви Д. С. Библиография библиографий Таджикистана. Ответственные редакторы Б. А. Литвинский и А. Н. Максумова. Библиографическая редакция Л. В. Турсуновой. — Душанбе, Издательство «Дониш», 1966, 167 стр.
- Шапиро З. Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917). — Фрунзе, Издательство Академии наук Киргизской ССР, 1958, 349 стр.

*
*
*

ДОПОЛНЕНИЯ

- Бородина И. Ф. Роспись стен медресе Улугбека в Самарканде и время ее создания. — Советская археология, Москва, 1961, № 2, стр. 258—264.
- Ездаков В. И. К вопросу реставрации мавзолея Гур-Эмир в Самарканде. — Труды Узбекского государственного университета, Новая серия, Вып. 85, Самарканд, 1958, стр. 29—42.
- Кондратьева Ф. А. Блюдо тимуридского времени с изображением пейзажа. — Сообщения Государственного Эрмитажа, Вып. XX, Ленинград, 1961, стр. 57—59.

- Маньковская Л. Ю. Восстановление декоративных облицовок мавзолея Ахмеда Ясеви в г. Туркестане.— Сборник научных трудов Научно-исследовательского института по строительству в г. Ташкенте, Вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 109—117 (Академия строительства и архитектуры СССР).
- Миниатюры XVI века в списках произведений Джами из собраний СССР. Автор текста и составитель альбома Мукаддима Ашрафи.— Москва, Издательство «Советский художник», 1966, 92 стр., с илл.
- Немцева Н. Б. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви (1958).— Известия Академии наук Казахской ССР, Серия истории, археологии и этнографии, Вып. I, Алма-Ата, 1961, стр. 92—104.
- Прибыткова А. М. Среднеазиатское надгробие XV века.— Искусство, Москва, 1962, № 12, стр. 68—69.
- Пугаченкова Г. А. Зодчество Узбекистана.— Ташкент, Государственное литературное издательство Узбекской ССР, 1959, XII стр., 48 л. илл. (Декада искусства и литературы Узбекской ССР в Москве). На русском и узбекском языках. Отдельное приложение: текст на английском, арабском, китайском, немецком, французском и хинди языках.
-

МУНДАРИЖА

И. М. Мўминов. Темурийлар даврида Ўрта Осиё санъати тараққиётининг тарихий шарт-шароити ҳақида	3
Л. И. Ремпель. Темурийлар даври санъатининг эстетик асослари (Миниатюра санъати материаллари)	12
М. С. Булатов. Меъмор ва давр	20
Я. Ф. Фуломов, И. Ахроров. Яққобдаги мақбара топилмалари	26
Г. А. Пугаченкова. Ҳирот яқинидаги Зиёратгоҳда темурийларнинг сўнги авлодидан уч ёдгорлик	30
Н. Б. Немцева. Шоҳизинда ансамблидаги кам ўрғанилган мақбара	43
М. Е. Массон. Темур ва Халил Султон даврида Ўрта Осиёда танга зарб қилиниши тарихига доир	51
И. Ражабов. Ноёб музыка манбаи	64
Т. С. Визго. XIV—XVI аср бошларида музыка асбоблари ва уларнинг қўлэмаларда миниатюраларда акс этилиши.	70

Илмий ахборот

И. Ахроров. XIV—XVI асрлардаги Ахсикат харобаларидан топилган янги археологик материаллар	79
Ю. Ф. Буряков. Самарқандда топилган XIV аср ва XV аср бошларига оид бронзадан ясалган бадний буюмлар коллекцияси	81
Д. Вархотова. XV аср—XVI аср бошларида Тошкентдан топилган бадний керамика	86
С. Б. Лунина. Жанубий Туркменистонда темурийлар даврига оид керамиканинг янги йиғилмалари	89
Л. Маньковская. Башир қишлоғидан топилган ёғоч кенотаф	93
Э. В. Ртвеладзе. Темур ва Ҳалил Султоннинг Термиздан топилган танга хазинаси	95
М. Н. Федоров. Улугбекнинг Самарқанддан топилган танга хазинаси	98
П. Г. Булгаков. Улугбек биографиясига доир	99

Танқид ва тақриз

Б. В. Лунин. Совет адабиётида темурийлар даври тарихи, маданияти ва санъати (Библиографик кўрсаткич)	101
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. Муминов. Об исторических условиях развития искусства Средней Азии эпохи Тимуридов	3
Л. И. Ремпель. Эстетические основы искусства эпохи Тимуридов (На материалах миниатюрной живописи)	12
М. С. Булатов. Зодчий и эпоха	20
Я. Г. Гулямов, И. Ахраров. Раскопки мавзолея в Яккабаге	26
Г. А. Пугаченкова. Три позднегимуридских памятника в Зиаратгохе близ Герата	30
Н. Б. Немцева. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда	43
М. Е. Массон. К истории монетного чекана Средней Азии периода правления Тимура и Халил Султана	51
И. Раджабов. Уникальный источник по истории музыки	64
Т. С. Вызго. Музыкальные инструменты и их отражение в миниатюрах рукописей XIV — начала XVI века	70

Научные сообщения

И. Ахраров. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI веков	79
Ю. Ф. Буряков. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV—начала XV века из Самарканда	81
Д. Вархотова. Художественная керамика XV—начала XVI века из Ташкента.	86
С. Б. Лунина. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане.	89
Л. Маньковская. Деревянный кенотаф XV века из кишлака Бешир	93
Э. В. Ртвеладзе. Термезский клад монет Тимура и Халил Султана.	95
М. Н. Федоров. Клад монет Улугбека из Самарканда	98
П. Г. Булгаков. К биографии Улугбека	99

Критика и библиография

Б. В. Лунина. История, культура и искусство времени Тимуридов в советской литературе (Библиографический указатель).	101
---	-----

Редакторы *С. Ким и И. И. Ламецкая*
Технический редактор *В. Тарахович*
Фото *С. А. Давыдова*

P12522. Сдано в набор 14/VIII-1969 г. Подписано к печати 15/IX-1969 г. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$ -4,62 бум. л.
— 12,95 (+8 цв. вкл.) печ. л. Уч.-изд. л. 14,8. Изд. № 298. Тираж 2650. Цена 80 к.

Типография Изд-ва «Фан» УзССР, ул. Чарданцева, 21. Заказ 153.
Адрес Изд-ва: ул. Гоголя, 70.

Цена 80 к.

Индекс
75349